

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 3 (82) 2017

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016 г.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание
ученой степени кандидат наук, на соискание ученой степени доктор наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017

Редакционный совет

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционного совета:

Б. Э. Бохчулууны, д-р (Ph.D), профессор, первый заместитель начальника Университета правоохранительной службы Монголии

А. В. Вардамян, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

М. К. Гайдай, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, профессор, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

Н. Ю. Гольчевская, д-р техн. наук, профессор, учёный секретарь учёного совета Восточно-Сибирского института МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Е. Ю. Ларионова, д-р хим. наук, доцент, профессор кафедры информационно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В. В. Синиченко, д-р ист. наук, профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по учебной работе

А. В. Чернов, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Редакционная коллегия

Д. В. Буньковский, канд. экон. наук

Ю. Э. Голодков, канд. техн. наук, доцент

В. Ф. Гольчевский, канд. техн. наук, доцент

С. С. Голубева, канд. филол. наук, доцент

С. Ю. Грозин, канд. юрид. наук, доцент

А. Н. Добров, канд. юрид. наук, доцент

В. В. Загайнов, канд. юрид. наук, доцент

С. Г. Загорьян, канд. юрид. наук, доцент

В. С. Зырянов, канд. техн. наук

Т. С. Каримова, канд. пед. наук, доцент

Г. Г. Лянной, канд. юрид. наук, доцент

Н. М. Мокрецова, канд. филол. наук, доцент

И. П. Парфиненко, канд. юрид. наук, доцент

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доцент

Н. С. Симонова, канд. юрид. наук, доцент

А. Е. Смирнов, д-р филос. наук, доцент

П. А. Стерхов, канд. юрид. наук

С. М. Струганов, канд. пед. наук, доцент

А. Е. Ступницкий, канд. юрид. наук, доцент

В. В. Черных, д-р ист. наук, профессор

А. А. Шавич, канд. юрид. наук, доцент

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доцент

А. В. Белых, ответственный секретарь

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 28.09.2017. Формат 60 × 84/8

Усл. печ. л. 18,4. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 49

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK EASTERN SIBERIA INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (82) 2017

The founder of the journal is Federal State Public Educational
Establishment of Higher Training
“Eastern Siberia Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation”

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 february, 2016

The magazine is included into the List of the reviewed scientific publications
in which have to be the main results of theses on competition of an academic
degree of the candidate of science are published, on competition of an academic
degree of the doctor of science

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Eastern Siberia Institute of the Ministry
of the Interior of the Russia, 2017

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editorial team

B. E. Bohchuluuny, Ph. D, Professor, First Deputy Head of the Law Enforcement University of Mongolia

A. V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Head of Criminalistics Department, Rostov Law Institute of the Interior of Russia

B. Ya. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, head of the department of management of bodies of investigation of crimes of Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

M. K. Gaidai, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Philosophy, Psychology and Social-Humanitarian Disciplines Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

A. Y. Golovin, Doctor of Law, Professor, the representative for protection of the rights of businessmen in Tula region

N. Y. Golchevskaya, Doctor of Engineering Sciences, Scientific Secretary of the Academic Council of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

V. S. Ishigeev, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, Baikal State University of Economics and Law

E. Y. Larionova, Doctor of Chemical Sciences, Associate Professor, Professor of Computer Science and Legal Disciplines Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

V. V. Nikolyyuk, Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office

O. L. Podlinyaev, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of Special Tactics and Weapon Training Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office

V. V. Sinichenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, chief of department of social and humanitarian and economic disciplines of the Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Proceedings Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of Karaganda Academy of the Interior of Kazakhstan Republic for academic work

A. V. Chernov, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

A. V. Shahmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of Investigative Activity of Law Enforcement Bodies Department, St. Petersburg University of the Interior of Russia

Editorial staff

D. V. Bunkovsky, Candidate of Economics, associate professor

Y. E. Golodkov, Candidate of Engineering Sciences, associate professor

V. F. Golchevsky, Candidate of Engineering Sciences, associate professor

S. S. Golubeva, candidate of philological sciences, associate professor

S. Y. Grozin, Candidate of Law, associate professor

A. N. Dobrov, Candidate of Law, associate professor

V. V. Zagainov, Candidate of Law, associate professor

S. G. Zagoryan, Candidate of Law, associate professor

V. S. Ziryanov, Candidate of Engineering Sciences

T. S. Karimova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

G. G. Lyannoy, Candidate of Law, associate professor

N. M. Mokretsova, Candidate of Philology, associate professor

I. P. Parfinenko, Candidate of Law, associate professor

O. V. Radchenko, Candidate of Law, associate professor

E. V. Rogova Doctor of Law, associate professor

N. S. Simonova, Candidate of Law, associate professor

A. Y. Smirnov, Doctor of Philosophy, associate professor

P. A. Sterhov, Candidate of Law, associate professor

S. M. Struganov, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

A. E. Stupnitsky, Candidate of Law

V. V. Chernykh, Doctor of Historical Sciences, professor

A. A. Shaevich, Candidate of Law, associate professor

A. N. Shalamova, Candidate of Law, associate professor

A. V. Belykh, executive editor

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means.

Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on September 28th 2017. Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets — 18,4. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 49

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Бражников Д.А., Гончарова М.В., Числов А.И. Криминологическая оценка отдельных видов преступлений в сфере экономики.....	9
Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием систем сотовой связи	22
Валеев А.Х. Осмотр места взрыва при расследовании террористического акта	28
Варданян А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации	32
Николюк В. В., Виноградова В.А., Антонов В.А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего	39
Пархоменко Д. А. Определение понятия "совершение преступления впервые" в зарубежном уголовном законодательстве	52
Плясов К. А. Теоретические основы формирования криминалистической характеристики преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности	61
Репецкая А.Л. Современное состояние преступности и правоохранительная деятельность: перспективы развития	69
Степанова В. Г. Организационно-правовые начала применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства	78
Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора	85

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Никонович С.Л., Шаевич А.А., Трубкина О.В.

Современная практика назначения и производства судебных
экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела 96

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОВД

Дорохов В.Ж., Зинятова М.Н.

Проблемы организационно-штатного реформирования
рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока в 1922–1926 годах
(к 100-летию образования советской рабоче-крестьянской милиции).... 103

Минникес И.А., Пирмаев Е.В.

Проблемы эффективности судебного толкования..... 111

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Баринова М.Г., Зуева Е.Г.

Психологические особенности сохранения здоровья работников
правоохранительных органов на примере исследования
стрессоустойчивости..... 118

Каримова Т. С., Подлиняев О. Л.

К проблеме построения образовательного процесса
в военизированных образовательных организациях
на основе личностно-центрированного подхода 123

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Ищенко Е.П.

О насущных проблемах раскрытия и расследования
преступлений 129

Сведения об авторах 138

CONTENS

BURNING ISSUES OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC MEASURES FOR COMBATING CRIME

Brazhnikov D. A., Goncharova M. V., Chislov A. I. Criminological assessment of different crimes in the economic sphere	9
Bulyzhkin A.V., Vasyukov V.F. Some aspects of theft involving cellular systems	22
Valeev A. Kh. Explosion scene examination as part of the investigation of a terrorist act.....	28
Vardanyan A. V. The statement on the committed or prepared crime received from other sources as a ground for initiating a criminal case: historical and contemporary problems of its implementation.....	32
Nikoljuk V. V., Vinogradova V. A., Antonov V. A., Regulation in the code of procedure Investigative actions involving a minor and the minor victim.....	39
Parkhomenko D. A. Definition of the concept of "committing a crime for the first time" in foreign criminal law	52
Plyasov K.A. Theoretical basis of the formation of criminalistic characteristics of crimes in the sphere of foreign economic activity.....	61
Repetskaya A.L. The current state of crime and law enforcement: prospects for development	69
Stepanova V. G. Legal grounds for taking security measures for participants of criminal procedure.....	78
Khaliulin A.G. The criminal procedure legislation of Russia about the prosecutor's activities	85

BURNING ISSUES OF LAW ENFORCEMENT FORENSIC ACTIVITY

Nikonovich S.L., Shaevich A.A., Trubkina O.V. Modern practice of appointment and production of judicial expertise at the stage of excitation of the criminal case	96
--	----

SOCIAL AND HUMANITARIAN ISSUES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

Dorokhov V .Zh., Zinatova M.N.

Problems of reforming organization and staff of far east workers and peasants militia in 1922–1926 (dedicated to 100th anniversary of the soviet workers and peasants militia) 103

Minnikes I.A., Pirmaev E.V.

Problems of efficiency of court interpretation 111

BURNING ISSUES OF IMPROVING THE CONTENT, ORGANIZATION AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF ACADEMIC ACTIVITY IN THE SYSTEM OF TRAINING FOR LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Barinova M.G., Zueva E.G.

Psychological peculiarities of preserving the health of law enforcement officers on the example of research of stress-resistance..... 118

Karimova T. S., Podlinyaev O. L.

The problem of the construction of the educational process in the higher establishments of the ministry for internal affairs on the person-centered-approach basis 123

DISCUSSION FORUM

Ishchenko E.P.

On the present problems of disclosure and investigation of crimes 129

About the authors..... 138

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Д.А. Бражников, М.В. Гончарова, А.И. Числов КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В статье на основе аналитических материалов и статистических данных анализируется состояние и тенденции отдельных преступлений в сфере экономики: против собственности, экономической и коррупционной направленности, определяются причины наблюдаемых трендов.

Ключевые слова: преступность, тенденции преступности, преступления против собственности, преступления экономической направленности, преступления коррупционной направленности.

D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova, A.I. Chislov CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF DIFFERENT CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

In the article on the basis of a wide range of statistical data and the analytical materials the status and trends of some kinds of crimes in the economic sphere: against sobstvennosti, economic and corruption are being alalyzed. The causes of the described trends are also defined.

Key words: crime, crime trends, crimes against property, economic crimes, corruption crimes.

Состояние и тенденции развития преступности в значительной степени отражают происходящие в социуме события и процессы. Фиксируемое в России в последнее десятилетие снижение абсолютных показателей преступности в целом и ее отдельных видов следует оценивать с учетом того, что современная преступность качественно изменяется. Целью настоящего исследования является определение тенденций отдельных видов преступлений

в сфере экономики: преступлений против собственности [1], экономической и коррупционной направленности; основных факторов, влияющих на выявляемые тренды, и краткосрочного прогноза развития данных преступлений.

1. Преступления против собственности.

В общей структуре преступности, как и ранее, доминируют преступления против собственности (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика зарегистрированных преступлений против собственности
с 2008 по 2016 г.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Преступления против собственности	1 999 821	1 798 549	1 603 449	1 466 857	1 399 998	1 304 622	1 238 183	1 370 582	1 232 421
Доля в структуре преступности, %	62,3	60,1	61,0	61,0	60,8	59,1	57,1	58,3	57,1

Снижение показателей по преступлениям против собственности (-11,8 %), зафиксированное в статистических формах, связано с:

– декриминализацией ряда посягательств в результате изменений, внесенных в ст. 158 УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ и введением им в действие ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию);

– введением в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ ч. 2 ст. 7.27 КоАП (мелкое хищение).

Выявлено всего 464 преступления, квалифицированных по ст. 158.1 УК РФ. Однако по ст. 7.27 КоАП РФ зарегистрировано 142 704 мелких хищения, что на 8,7 % выше значения аналогичного показателя 2015 г. Можно предположить, что

фактического снижения хищений не произошло, а имеет место «перераспределение» статистических данных.

Самую значительную долю в структуре преступлений против собственности традиционно занимают кражи – 70,7 %. Доля мошенничеств составляет 17,0 %, грабежей 5,0 %, угонов 2,0 %, присвоений или растрат 1,4 %, разбоев 0,9 %, вымогательств 0,4 %.

Фиксируется рост мошенничеств (+4,2 %; всего 208 926) и вымогательств (+7,1 %, всего – 4 561). Вместе с тем снизилось количество зарегистрированных краж (-14,5 %; всего 871 084), разбоев (-16,3 %; всего 11 416) грабежей (-15,4 %; всего 61 524), присвоений и растрат (-9,5 %; всего 17 633), угонов (-18,6 %; всего 24 169) (см. табл. 2).

Таблица 2
Динамика индексных преступлений против собственности
с 2008 по 2016 г.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Кража	1 326 342	1 188 574	1 108 369	1 038 566	992 238	922 562	908 901	1 018 456	871 084
Прирост краж, %	-	-10,4	-6,7	-6,3	-4,5	-7,0	-1,5	12,1	-14,5
Мошенничество	192 490	188 723	160 081	147 468	161 969	164 629	160 214	200 598	208 926
Прирост мошенничеств, %	-	-2,0	-15,2	-7,9	9,8	1,6	-2,7	25,2	4,2
Присвоение или растрата	72 142	67 266	44 894	37 707	30 651	28 049	20 526	19 494	17 633
Прирост присвоений или растрат, %	-	-6,8	-33,3	-16,0	-18,7	-8,5	-26,8	-5,0	-9,5
Грабеж	243 957	205 379	164 547	127 772	110 063	92 069	77 725	72 739	61 524
Прирост грабежей, %	-	-15,8	-19,9	-22,3	-13,9	-16,3	-15,6	-6,4	-15,4
Разбой	35 366	30 085	24 537	20 080	18 622	16 416	14 340	13 642	11 416
Прирост разбоев, %	-	-14,9	-18,4	-18,2	-7,3	-11,8	-12,6	-4,9	-16,3
Вымогательство	9 953	8 492	6 575	5 915	5 989	6 594	4 541	4 259	4 561
Прирост вымогательств, %	-	-14,7	-22,6	-10,0	1,3	10,1	-31,1	-6,2	7,1
Угон	50 313	45 833	41 167	42 487	40 614	37 451	34 174	29 699	24 169
Прирост угонов, %	-	-8,9	-10,2	3,2	-4,4	-7,8	-9,3	-13,4	-18,6

Большинство опрошенных сотрудников ОВД не считают, что имеют место положительные тенденции в динамике этого вида преступлений. Значительная часть участников опроса (57 %) отметили, что реальный уровень краж возрос, а 24 % – остался неизменным.

К основным факторам, влияющим на развитие преступности против собственности, можно отнести:

1) обострение корыстных мотивов девиантного поведения в условиях ухудшающейся ситуации на рынке труда, роста цен на товары и услуги, когда совершение преступления может являться хоть и рискованным, но возможно единственным доступным способом улучшения своего благосостояния, приносящим доход в короткий срок;

2) сохраняющуюся высокую миграцию, в том числе нелегальную;

3) продолжающуюся маргинализацию населения.

В ближайшей перспективе количество преступлений против собственности незначительно снизится с одновременным структурным перераспределением образующих ее составов. Нарбатываемая практика применения введенной в 2016 г. в действие ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение) может снизить абсолютные показатели краж и мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

В структуре преступности против собственности будет увеличиваться количество «интеллекту-

альных» мошенничеств, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, средств сотовой связи, дистанционного банковского обслуживания и увеличением безналичного денежного оборота.

Прогнозируется рост количества угонов и краж автотранспорта, в том числе с его последующим нелегальным вывозом за рубеж, чему способствует ослабление пограничных и таможенных барьеров с рядом государств, ранее входивших в состав СССР. Новыми рынками сбыта похищенного автотранспорта стали страны Средней Азии.

Выявление находящихся на территории государств – участников СНГ похищенных автомобилей по-прежнему будет затруднено наличием нерешенных организационно-правовых вопросов межгосударственного и приграничного сотрудничества, в том числе отсутствием объединенной базы данных зарегистрированного и похищенного автотранспорта.

Рост угонов останется наиболее актуальным для мегаполисов¹, в большинстве которых недостаточно развита инфраструктура, обеспечивающая сохранность автотранспорта (отсутствуют доступные для большинства жителей охраняемые

¹ По данным ГУУР МВД России, каждое третье (31 %) указанное преступление совершено на территории г. Москвы (21,3 %) и Санкт-Петербурга (10 %).

стоянки и гаражи).

В структуре преступности сохранится высокая доля краж, грабежей, разбоев и иных посягательств на имущество граждан и юридических лиц ввиду затяжного характера наблюдающегося в стране социально-экономического кризиса и его последствий.

2. Преступления экономической

направленности.

По итогам 2016 г. зафиксировано снижение общего числа зарегистрированных преступлений экономической направленности (108 754; – 3,3 %). Размер причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам об экономических преступлениях составил 398 млрд руб. (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика зарегистрированных преступлений экономической направленности и причиненного ими материального ущерба в Российской Федерации в 2008–2016 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Преступления экономической направленности	448 832	428 792	276 435	202 454	172 975	141 229	107 797	112 445	108 754
Доля преступлений экономической направленности в структуре преступности, %	13,9	14,3	10,5	8,4	7,5	6,4	4,9	4,7	5,0
Материальный ущерб по оконченным уголовным делам, млрд руб.	-	-	176	161	40	230	195	272	398

Есть основания полагать, что показатели уголовной статистики не отражают реального состояния экономической преступности и результативности ее профилактики, выявления и пресечения. Прежде всего это связано с функционированием так называемой теневой экономики, в которой, по оценке специалистов РАНХиГС, задействовано 40 % экономически активного населения, т.е. около 30 млн граждан Российской Федерации. По данным Росстата, в «теневой» экономике занято 15 млн человек, или 21,2 % от числа экономически активного населения. По мнению специалистов НИУ-ВШЭ, в 2015 г. объем «теневой» экономики России в условиях развития кризиса составил 20–22 % от ВВП, а количество занятых в «теневой» экономике – 17–18 млн человек [2. С. 158].

Денежные средства, получаемые от функционирования «теневой» экономики и различных видов криминальной деятельности, размещаются в легальных отраслях российской экономики, а также выводятся за пределы России. По данным Федеральной таможенной службы с 2013 по 2015 г. в результате импортно-экспортных сделок из России было нелегально выведено 1,2 трлн руб. [3].

Вместе с тем Центральный Банк РФ отметил, что объем нелегально выведенных средств в 2016 г. сократился в 2,5 раза (190 млрд руб.), что явилось результатом происходящих внешнеполитических процессов, а также скоординированной работы Росфинмониторинга и российских правоохранительных органов по ликвидации «отмывочных» и «теневых»

площадок, оказывающих услуги по проведению незаконных финансовых операций, включая использование офшорных схем.

Несмотря на значительный резонанс, факты злоупотреблений со стороны должностных лиц, возглавляющих ресурсоснабжающие предприятия и организации, управляющих многоквартирными домами, осуществляющих сбор платежей за коммунальные услуги и имеющих высокий объем просроченной кредиторской задолженности, не находят отражения в официальной уголовной статистике.

Положительно оценивая усилия правоохранительной системы по ограничению необоснованного вмешательства в деятельность субъектов экономической деятельности, включая проводимую Правительством Российской Федерации реорганизацию контрольно-надзорных ведомств, следует учитывать возможные криминальные последствия этого курса в виде роста латентной части экономической преступности.

Почти двукратное сокращение преступлений экономической направленности за последние 5 лет (с 202 до 108 тысяч) произошло также за счет снятия с учета излишне вмененных составов по многоэпизодным делам. В то же время органами прокуратуры в различных отраслях экономики выявлено и пресечено более 1 млн нарушений законов. Основные поступающие от предпринимателей жалобы связаны с вопросами захвата имущества, необоснованного уголовного преследования, долгов по выполненным госконтрактам [4].

В 2016 г. в структуре зарегистрированных посягательств экономической направленности преобладали отдельные деяния против собственности (ч. 2, 3, 4 ст. 158, ч. 2, 3 ст. 159, ч. 2, 3, 4 ст. 160 УК РФ – 31,9 %)¹, среди которых доминировали мошенничества (64,6 %); преступления в сфере экономической деятельности (26,6 %), против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (16,1 %), а также против интересов службы в коммерческих и иных организациях (1,9 %).

Доминирование в структуре экономической преступности преступлений против собственности объясняется в том числе ее более низким уровнем латентности по отношению к преступлениям в сфере экономической деятельности. Вместе с тем стабильные результаты приносит работа по противодействию преступлениям в сфере государственного оборонного заказа, по

¹ Деяния учитываются как преступления экономической направленности, если они совершены: 1) должностными, материально ответственными и иными лицами, выполняющими на предприятиях, учреждениях и организациях организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции; имеющими доступ к предмету преступного посягательства для выполнения трудовых обязанностей по роду деятельности или службы; выполняющими обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности; 2) в процессе осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности либо под видом ее осуществления (См.: Указание Генеральной прокуратуры Рос. Федерации и МВД России от 28 дек. 2010 г. № 450/85/3).

координации деятельности правоохранительных и контролирующих органов в целях соблюдения федерального законодательства в ракетно-космической отрасли и обеспечения законности при использовании финансовых ресурсов в космической промышленности.

Социальная сфера, прежде всего здравоохранение, одна из немногих отраслей экономики, которая ориентирована на удовлетворение социальных нужд населения. Несмотря на многоукладность, она отстает от темпов развития других отраслей экономики, что создает условия для криминальных проявлений. Следствием ограниченности выделяемых финансовых средств, отсутствия эффективных механизмов по использованию бюджетных источников финансирования и взаимосвязанности сметного финансирования учреждений и страховых механизмов, ограниченности возможностей бюджетных организаций по расширению источников финансирования своей деятельности стало истощение материально-технических возможностей по развитию медицинских учреждений, совершенствованию их деятельности; снижению доступности и качества услуг; наличие теневых, коррупционных схем оплаты оказываемых медицинских услуг. В связи с этим активизируются преступные проявления в сфере оказания социально значимых услуг населению.

Вместе с тем прогнозируется дальнейшее снижение абсолютных показателей преступлений рассматриваемой группы, что явится следствием продолжения реализации

государственной политики по защите бизнеса от необоснованного вмешательства правоохранительных органов, а также результатом введения уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности, введением особых процессуальных правил возбуждения и прекращения уголовных дел по вышеуказанным преступлениям и особым условий применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

В этом контексте следует ожидать повышения активности организованных преступных групп и преступных сообществ, специализирующихся на хищениях бюджетных денежных средств, выводе активов, криминальных банкротствах и рейдерских захватах в отношении объектов недвижимости, расположенных в коммерчески привлекательных районах, предприятий машиностроения и оборонной промышленности. Наиболее доступными объектами рейдерских захватов останутся предприятия с государственным участием, а также низко rentабельные муниципальные.

Проводимая государственная политика по санации банковского сектора и ликвидации «проблемных» субъектов нижнего уровня банковской системы может существенно повлиять на увеличение числа преступлений экономической направленности, совершаемых в банковском секторе, в частности квалифицируемых как фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организа-

ции. В условиях наличия угрозы отзыва банковской лицензии руководители и собственники банков могут использовать свои полномочия в целях извлечения выгод и преимуществ вопреки законным интересам кредиторов и вкладчиков, в частности осуществить действия, направленные на вывод активов и преднамеренное банкротство. В результате подобных действий основной объем обязательств перед вкладчиками «рухнувшего» банка будет удовлетворяться за счет средств Агентства по страхованию вкладов, т.е. бюджетных средств.

Продолжит отрицательную тенденцию динамика объемов незаконного вывода денежных средств из легального оборота. В то же время прогнозируется увеличение экономических преступлений, в том числе связанных с выводом денежных средств за рубеж с использованием инструментов рынка ценных бумаг.

Вероятен рост интереса преступных сообществ к продажам контрафактного либо фальсифицированного товара (особенно алкоголя и табачных изделий) ввиду высоких цен и низких реальных доходов населения. Этому будет способствовать свободное перемещение в условиях единого таможенного пространства подакцизного контрафакта низшей ценовой категории, произведенного на территории Республики Беларусь и Киргизии.

В прогнозируемый период продолжат активизироваться криминально ориентированные производители и дистрибьюторы, занимающиеся незаконной продажей нелегально ввезенных на террито-

рию Российской Федерации лекарственных средств и биологически активных добавок к пище, медицинских изделий.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений деятельности криминально активных лиц является получение и использование в преступном сговоре бюджетных средств, выделяемых в рамках реализации государственных программ, с целью финансирования коммерческих организаций, подконтрольных им. В различных субъектах продолжают увеличиваться преступные посягательства на бюджетные средства, выделяемые на компенсацию части затрат сельхозпроизводителей по оплате страховой премии при заключении договора страхования сельскохозяйственных рисков.

Продолжающиеся кризисные явления в российской экономике повлекут рост кредиторской задолженности предприятий прежде всего в сферах машиностроения и транспорта. В связи с выделением больших объемов бюджетного финансирования на ремонт, содержание, строительство и реконструкцию автомобильных дорог и иных транспортных магистралей, объектов транспортной инфраструктуры сфера обеспечения развития транспортного комплекса останется одной из наиболее криминализованных.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства также отсутствуют предпосылки для снижения числа преступлений, связанных с завышением стоимости работ либо их объемов, выполняемых управляющими компаниями, с хищением и незакон-

ным переводом за рубеж или в подконтрольные компании, которые имеют признаки «фирм-однодневок», денежных средств, выделяемых госкорпорацией «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» для модернизации и поддержания деятельности объектов ЖКХ, а также средств, находящихся на счетах ТСЖ и управляющих компаний.

Анализ возможностей электронных платежных систем позволяет с высокой долей вероятности предполагать, что денежные суррогаты, а также средства, выводимые из экономики Российской Федерации, будут использоваться в целях оплаты расходов экстремистских и международных террористических группировок, финансируемых из-за рубежа. В связи с этим необходимо учесть, что финансовые потоки, предназначенные для поддержания их активности, могут быть направлены в регионы России с преобладанием мусульманского населения.

3. Преступления коррупционной направленности.

Устоявшаяся на протяжении последних лет тенденция к снижению общего числа выявленных преступлений коррупционной направленности существенных изменений не претерпела, несмотря на слабый рост ее абсолютных показателей (+1,4 %, всего – 32 924) (см. табл. 4)¹.

¹ До 2012 г. информация о преступлениях коррупционной направленности в сопоставимом виде в статистических формах не отражалась.

Таблица 4
Динамика преступлений коррупционной направленности
и их раскрываемости с 2012 по 2016 г.

	2012	2013	2014	2015	2016
Всего преступлений коррупционной направленности	49 513	42 506	32 204	32 455	32 924
Прирост, %	–	-14,2	-24,2	0,8	1,4

Продолжает оставаться сложной обстановка, связанная с проявлениями коррупции в сферах:

– распространения бюджетных средств в рамках государственного заказа;

– совершения операций с имуществом, находящимся в федеральной и муниципальной собственности;

– осуществления контролирующих функций в отношении субъектов предпринимательской деятельности;

– предоставления льгот и преференций за счет административного ресурса.

В структуре коррупционной преступности основную долю составили мошенничества, совершенные с использованием служебного положения (21 %), получения взятки (16 %), дача взятки (14 %).

Достаточно большую долю составляют дела, возбужденные по факту присвоений или растрат с использованием служебного положения (13 %).

Как и ранее, в основном выявляются и расследуются факты взя-

точничества с приоритетом задержания виновных «с поличным» (см. рис. 1).

Уровень распространенности коррупции и степени ее выявления и пресечения по-прежнему неадекватны.

Специалисты отмечают высокую латентность коррупционных преступлений, в первую очередь взяточничества [5; 6]. В структуре коррупционной преступности такие ее общественно опасные проявления, как организованные формы, коррупция в высших эшелонах власти, особенно в крупных и особо крупных размерах по-прежнему не отражают истинных масштабов явления.

Этому способствуют также появление новых методов конспирации, видоизменение предмета взятки и способов ее передачи. Все чаще используются удаленный доступ, офшоры, аффилированные через третьих лиц фирмы, электронные платежные системы, взятки в виде услуг нематериального характера, факты получения которых доказать гораздо сложнее.

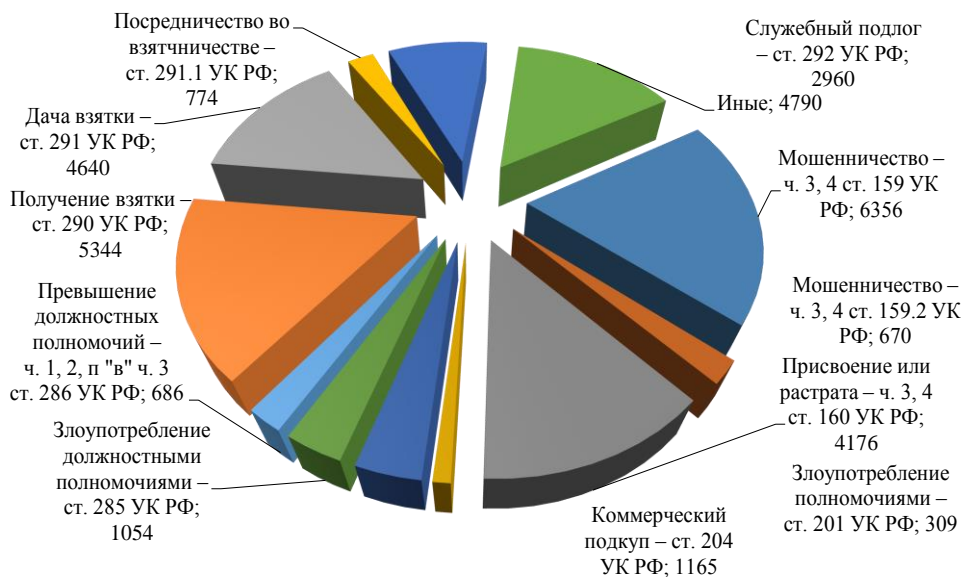

Рис. 1. Структура коррупционной преступности в Российской Федерации по итогам 2016 г.

При этом средний размер взятки в России в 2016 г. вырос на 75 % в годовом выражении и составил 328 тыс. руб. [7].

Относительный рост количественных показателей регистрации преступлений коррупционной направленности предположительно связан с:

– выполнением мероприятий Национального плана по противодействию коррупции на 2016–2017 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147;

– введением в действие ст. 204.2 и 291.2 УК РФ, установивших уголовную ответственность за мелкий

коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, по которым к ответственности по упрощенной форме привлекаются лица, получившие незаконное вознаграждение в сумме до 10 тыс. руб. Это в итоге позволило следственным подразделениям органов внутренних дел сосредоточиться на выявлении коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере, число которых за 2016 г. увеличилось на 21 %, а размер установленного по ним ущерба составил почти 43 млрд руб.;

– улучшением учетно-регистрационной дисциплины, связанным с принятием указания Генпрокуратуры России № 744/11 и

МВД России № 3 от 31 декабря 2014 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечня № 23 «Преступления коррупционной направленности»), в котором определены как безусловно коррупционные преступления, так и список преступлений, которые могут быть зарегистрированы в качестве таковых только при наличии определенных условий в статистической карточке основного преступления – надлежащий субъект преступления, корыстный мотив и т.д.) [8. С. 25; 9. С. 38];

– активизацией прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания по делам о преступлениях коррупционной направленности. В результате прокурорских проверок снимаются с учета дополнительные эпизоды коррупционных преступлений, которые ранее необоснованно были зарегистрированы как отдельные преступления.

В целом прогнозируется стабилизация или незначительное увеличение показателей преступности коррупционной направленности, в том числе преступлений, связанных с предоставлением предприятиям, участвующим в процессе импортозамещения, различных преференций, в первую очередь налогового характера.

Не снизятся показатели пре-

ступлений коррупционной направленности в сфере землепользования, в том числе связанных с оформлением документов, предоставлением в собственность или аренду, реализацией земельных участков, а также незаконным переводом земель в другие категории.

В преддверии выборов различного уровня, включая глав и депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, дополнительных выборов в Государственную Думу РФ, высока вероятность коррупционных проявлений, связанных с «выборными технологиями», а также «громких» дел в отношении высокопоставленных чиновников.

Вероятен рост числа регистрируемых преступлений по ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бражников Д.А. Криминологическая характеристика и предупреждение квартирных краж, совершаемых организованными преступными группами (по материалам Уральского Федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 182 с.

2. Фалинский И.Ю. Стратегические направления развития правоохранительных органов Российской Федерации как субъекта системы противодействия теневой экономике // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 4. С. 157–166.

3. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации.

URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/27976 (дата обращения 30.06.2016).

4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на расширенном заседании коллегии, посвященном итогам работы в 2016 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2017 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения 30.06.2016).

5. Иншаков С.М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14. С. 20–21.

6. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра.

2009. № 1 (16). С. 107–130.

7. Интервью начальника ГУЭБиПК МВД России А.А. Курносенко газете «Коммерсант». URL: <http://kommersant.ru/doc/3242655> (дата обращения 30.06.2017).

8. Козлов Т.Л. Проблемы профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.

9. Илий С.К. Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6. С. 38–43.

А.В. Булыжкин, В.Ф. Васюков

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ
СОТОВОЙ СВЯЗИ**

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения места расследования хищений с использованием мобильных устройств сотовой связи, приводятся мнения ученых, которые посвятили работы рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: мобильные устройства, подследственность, хищения, место совершения преступления.

A.V. Bulyzhkin, V.F. Vasyukov

SOME ASPECTS OF THEFT INVOLVING CELLULAR SYSTEMS

The article deals with the problematic issues of determining the place of investigation of theft with the use of mobile cellular communication devices, the opinions of scientists who devoted their work to the problems under consideration are given.

Keywords: mobile devices, investigation, embezzlement, crime scene.

В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование проводится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Однако в связи с фактической неопределенностью момента окончания реализации преступных деяний «дистанционного» характера толкование приведенных норм уголовно-процессуального законодательства происходит в условиях неутраченной полемики в научной и методической литературе, а также ведомственной неопределенности в ключевых проблемных вопросах.

В результате трудности в определении места совершения происшествия напрямую коснулись

установления подследственности с учетом территориальности органов внутренних дел. Как утверждает Ю.В. Францифоровым, предварительные проверки для принятия решения о возбуждении уголовного дела могут затянуться на месяцы и годы при неоднократном направлении доследственных материалов по подследственности из территориального органа внутренних дел одного субъекта РФ в территориальный орган другого субъекта, что приводит к утрате следов совершенного преступления, уменьшению возможностей своевременного раскрытия преступления, к необоснованному нарушению разумных сроков уголовного судопроизвод-

ства и прав лиц, потерпевших от преступления [4. С. 51].

Другими словами, материал предварительной проверки по сообщению о «дистанционном» хищении, совершенного с использованием средств сотовой связи, представляет собой своего рода «мяч», который постоянно «отфутболивается» по кругу между районными или региональными органами предварительного расследования, органами дознания на протяжении значительного времени.

Так, 31 мая 2014 г. в ОП № 4 УМВД России по г. «...» поступило заявление К. по факту невозврата денежных средств в сумме 5100 рублей, переведенных им на расчетный счет неустановленного лица в счет предоплаты за приобретаемый автомобиль. По результатам рассмотрения указанное заявление было необоснованно направлено заместителем начальника ОП № 4 в ОП № 3. По возвращении материала оперуполномоченными ОУР шесть раз принимались незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, при том, что во всех случаях прокурором «отказные» материалы отменялись с указанием приобщить к материалам результаты ОРМ и принять решение о возбуждении уголовного дела по ст. 159 УК РФ.

Лишь 23 мая 2016 г., т. е. по истечении двух лет с момента обращения К., было возбуждено уго-

ловное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Изучение следственной практики показывает, что в большинстве случаев основаниями для направления материала проверки по территориальности являются:

1) местоположение злоумышленника (посылающего сообщение, совершающего вызов) и абонентского устройства, зарегистрированного в другом регионе;

2) регистрация абонента по месту жительства;

3) нахождение потерпевшего в момент обмана либо в момент зачисления (перевода) денежных средств.

Несмотря на, казалось бы, вопиющий характер подобных ситуаций, отсутствует четкая стратегия правоохранительных органов в противодействии хищениям, совершаемым посредством использования систем сотовой связи, единство региональных надзорных органов, руководителей органов внутренних дел в толковании норм уголовно-процессуального законодательства, а также положений п. 12 постановления Пленума Верховного суда от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которому мошенничество признается оконченным с момента, когда похищенное имущество поступило в незаконное владение ви-

новного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. В указанных случаях преступление считается оконченным с момента зачисления средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Таким образом, географически место совершения преступления определяется в соответствии с полученными данными о нахождении той или иной банковской организации, где происходило зачисление денежных средств.

Однако сложность определения места преступления, совершаемого с использованием абонентского устройства, заключается в том, что географическое положение абонента может изменяться, соответственно, место, куда направляется платеж, ограничивается пределами действия той или иной базовой станции, обеспечивающей возможность подключения к системе сотовой связи и пользования ее ресурсами, т. е. в случае отсутствия информации у субъекта расследования о местоположении подозреваемого местом совершения преступных действий может считаться только

участок местности в пределах зоны покрытия сети, не имеющий четко определенных пространственных границ. Место совершения преступления определяется по местонахождению базовой станции и зоны покрытия, на которой она функционирует. Данный участок местности (в зависимости от размера зоны охвата от 150 м до 30 км) может считаться местом совершения преступления.

Особое затруднение в этой связи представляют ситуации, когда злоумышленниками разрабатывается целая система действий, предполагающая формирование цепи из SIM-карт, на которые через определенный промежуток времени перечисляются похищенные денежные средства. При этом SIM-карты оформляются на убитых с территории Российской Федерации физических или ликвидированных юридических лиц. В этом случае, как и в остальных, где денежные средства потерпевших переводятся на счета, открытые в организациях других регионов, достаточно остро ставится вопрос о том, где должно возбуждаться уголовное дело.

Достаточно своевременно по этому поводу было разработано информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ «Об определении места производства предварительного расследования мошенничеств, совершенных с использованием телефонной (сотовой) связи», в котором даются разъяснения о том, что

правомерным является признание территориальной подследственности в субъекте РФ, где непосредственно выполнялись действия, входящие в объективную сторону преступления, вне зависимости от того, что последствия наступили на другой территории, а также по месту наступления общественно опасных последствий или обращения потерпевшего в правоохранительные органы.

Между тем за рамками данного письма остались ситуации, когда действия, входящие в объективную сторону преступления, злоумышленниками выполняются на территории нескольких регионов (государств).

По мнению А. Лукинова, проводить расследование необходимо по месту, где находится злоумышленник независимо от места перечисления пострадавшим денежных средств и места зачисления их на счет виновного [2. С. 43].

Согласно же убеждению С. М. Фроста и А. Е. Федосова, представленное мнение ошибочно на том основании, что в силу развитости современных информационных и банковских технологий выход в эфир посредством мобильной связи, а также распоряжение поступившими на счет денежными средствами, в том числе и их обналичивание возможно в любой точке мира, где подобные услуги могут быть предоставлены. В указанных случаях, как отмечают ав-

торы, преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного. При этом же авторами приводится предположение, что «местом окончания мошенничества будет то место, из которого перечислены денежные средства потерпевшим, так как именно в этом месте для него наступили вредные последствия. Здесь же и должно возбуждаться и расследоваться уголовное дело» [5. С. 52].

Отличное суждение по этому поводу имеется у А.А. Кузнецова и Е.В. Бондаревой, согласно которому в подобных ситуациях необходимо руководствоваться ч. 4 ст. 152 УПК РФ, устанавливающей, что предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков. Соответственно, предварительное расследование должно производиться в том районе, откуда поступил звонок. Вместе с тем, как подчеркивают авторы, возбуждается уголовное дело в том следственном подразделении, куда обратился потерпевший [1. С. 23].

В настоящее время следователями и дознавателями органов внутренних дел данный вопрос должен разрешаться с учетом требований, указанных в письмах Следственного департамента МВД России от 20 июня 2014 г. № 17/3-16230 «О реализации решений коллегии МВД России» и врио министра внутренних дел Российской Федерации А.В. Горового от 13 июля 2015 г. № 1/5562 «Об организации работы по противодействию отдельным видам мошенничества». Согласно указанным документам при поступлении заявления о совершении мошеннических действий с использованием мобильных средств связи уполномоченным должностным лицам необходимо осуществлять проверку и при наличии в деянии признаков преступления принимать решение о возбуждении уголовного дела территориальным органом, принявшим заявление, дальнейшее расследование и передачу уголовного дела по месту совершения преступления необходимо осуществлять в порядке, установленном ст. 152 УПК РФ.

Анализ следственной практики позволил сделать вывод о том, что при возбуждении уголовного дела по сообщению о хищении с использованием средств сотовой связи в органе внутренних дел, куда поступило сообщение, дальнейшее расследование сопровождается значительными трудностями, обусловленными дли-

тельностью получения из компаний сотовой связи других регионов информации, имеющей доказательственное значение (сведения о владельцах, детализация входящих и исходящих контактов, движение денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров); использованием для совершения преступлений SIM-карт и банковских карт, оформленных на других лиц, а также частой сменой злоумышленниками мобильных телефонов и абонентских номеров.

В связи с этим высока вероятность бесперспективности уголовных дел, возбужденных по месту нахождения потерпевшего, так как только к началу второго месяца общего срока расследования следователь получает ответы на запросы к операторам сотовой связи и банковским организациям, откуда поступали звонки (направлялись сообщения). Учитывая распространенный в настоящее время межрегиональный противоправный механизм обналичивания денежных средств, расследование уголовного дела может затянуться на многие месяцы.

Опрос сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания показал, что понимание того, где должно проводиться расследование мошенничества, совершенного посредством средств сотовой связи, у практиков различно. Так, 40 % респондентов отметили, что расследование долж-

но проводиться в районе, где произошло зачисление средств на банковский или лицевой (абонентский) счет подозреваемого; по мнению 24 % респондентов – в районе, где находится подозреваемый; 18 % – в районе, где были перечислены денежные средства с банковского или лицевого (абонентского) счета; 15 % – в районе, где находится потерпевший. Остальные указали, что возможен иной вариант.

Изучение ситуаций, формирующихся при проверке сообщений о хищении с использованием средств сотовой связи, свидетельствует о том, что многочисленность способов совершения преступлений в сфере информационных и коммуникационных технологий нивелирует эффективность универсального механизма определения места их совершения. В силу этого считаем не совсем корректной позицию Р.Н. Тютюник и Р.Р. Новопашина, пришедших к заключению, что при возникновении спорных ситуаций при определении места окончания преступления и определении подследственности запретить направлять материалы в другие регионы [3. С. 35].

Как показывает практика, подобные механизмы в современных условиях противодействия указанной категории преступлений, если и выполняются территориальными органами внутренних дел, то обусловливают значительный рост нераскрытых преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузнецов А.А., Бондарева Е.В. Правила определения подследственности дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств сотовой связи // Уголовный процесс. 2015. № 7 (127). С. 22–26.
2. Лукинов А. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9. С. 43–44.
3. Тютюник Р. Н., Новопашин Р. Р. Передача сообщения о преступлении по территориальной подследственности как способ укрытия преступления // Законность. 2015. № 9. С. 34–37.
4. Францифоров Ю.В. Определение места совершения телефонного мошенничества // Законность. 2016. № 2. С. 51–53.
5. Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53.

А.Х. Валеев

ОСМОТР МЕСТА ВЗРЫВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

В статье освещаются вопросы тактики проведения осмотров мест взрыва. На основании анализа судебно-следственной практики выявлены особенности, препятствующие успешному проведению осмотра места происшествия. Разработаны рекомендации по совершенствованию данного следственного действия, в том числе с точки зрения безопасности участников следственно-оперативной группы.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, террористический акт, взрывное устройство, взрыв.

A.Kh. Valeev

EXPLOSION SCENE EXAMINATION AS PART OF THE INVESTIGATION OF A TERRORIST ACT

The article is devoted to the tactics of conducting an inspection of the scene of explosion. Based on the analysis of the judicial investigation, the features that prevent the successful verification of places of incident have been described. The recommendations have been developed to improve the process of investigation, including the safety of the members of the investigative and operative group.

Key words: crime scene examination, terrorist act, explosive device, explosion.

В последнее время взрывные устройства в преступной деятельности используются не только при совершении террористического акта. Это удобное и эффективное средство для запугивания, а также устранения конкурентов и т.п. Большую популярность в последнее время взрывные устройства приобрели в качестве орудий совершения и других преступлений.

В ходе расследования преступлений, совершенных с помощью взрывных устройств, осмотр места происшествия по праву считается од-

ним из самых значимых следственных действий, которое, по верному уточнению С.Б. Россинского, «...основано на наглядно-образном восприятии обстоятельств объективной реальности» [1. С. 103], от его результата зависит дальнейшее расследование. Например, в случаях заказных убийств может проводиться несколько осмотров как повторных на месте взрыва или минирования (для уточнения вновь полученной информации), так и в местах возможного хранения или изготовления взрывного устройства.

Отметим основные задачи осмотра места происшествия, связанного со взрывом: установление факта взрыва и его природы; определение и предотвращение возможных опасных последствий взрыва; фиксация обстановки места происшествия; установление личности потерпевшего, круг интересов и общения, его связи, характер деятельности и действия в последнее время (по документам, изъятым с места происшествия, из жилища и с места работы потерпевшего, по свидетельским показаниям, по вещественным доказательствам, представляющим интерес для следствия, обнаруженным и изъятым у подозреваемых лиц); изучение материальной обстановки места взрыва для установления технической причины взрыва, связанных с ним обстоятельств, его характера и особенностей; обнаружение, фиксация, изъятие и оценка материальных следов преступления и иных вещественных доказательств, которые могут указывать на причастность конкретных лиц к происшествию; помощь при составлении психологического портрета преступников; получение исходной информации для выдвижения версий о механизме события, его участниках, личности преступника; получение данных для организации розыска преступника и других оперативно-розыскных мероприятий [2. С. 275].

Как показывает анализ судеб-

но-следственной практики, при осмотре места взрыва часто приходится сталкиваться с рядом особенностей, препятствующих его успешному проведению, к которым следует отнести: необходимость проведения аварийно-спасательных работ, возможность повторных взрывов, обвалов поврежденных конструкций зданий, затруднения в получении оперативной информации от пострадавших в силу их гибели, тяжелого состояния, болевого или психологического шока.

Осмотр места взрыва – трудоемкий и длительный процесс, что обусловлено характером его действия, степенью и дальностью поражения, большой территорией взрывных воздействий (осколочное, фугасное, бризантное, термическое). Дистанция разлета фрагментов взорванного устройства может достигать до сотни метров. Заряд взрывчатого вещества после взрыва остается лишь в следовых количествах, причем следы эти (при всей их информативной значимости) имеют весьма низкую устойчивость к сохранению. К тому же возникают и другие непредвиденные обстоятельства, усложняющие осмотр места взрыва.

Существуют особенности осмотра и при заказном минировании объектов, когда следственно-оперативная группа работает в условиях наличия не взорванного взрывного устройства или его му-

ляжа. В любом случае при осмотре объекта должна соблюдаться максимальная осторожность. Изъятие взрывоопасного предмета с заминированного объекта (автомобиль, подъезд, входная дверь и т.п.) производится специалистами-саперами, обученными в том числе и криминалистическим методам работы на месте происшествия [3. С. 154] с учетом сохранения максимального количества следов, которые мог оставить преступник, установивший взрывное устройство, а также изготовивший его человек. При этом техника безопасности должна соблюдаться в первую очередь. Сапер должен обратить внимание и зафиксировать в протоколе осмотра, а также на фото- и видеоносителе с учетом известных тактических приемов [4; 5] расположение взрывного устройства в момент его обнаружения, элементы конструкции после обезвреживания. В истории современного терроризма в России известны случаи, когда недоработки саперов приводили к последующим взрывам с жертвами.

Осмотр места хранения взрывных устройств также производится специалистом-сапером, так как в практике имеются случаи минирования. Обнаруженные взрывные устройства подробно описываются и фиксируются с помощью фото- и видеотехники. Далее специалистом-взрывником к объектам должны быть допущены специалисты с це-

лью обнаружения и изъятия следов, например (пальцев рук, микрообъектов и т.п.) [6. С. 94]. Все изъятое способствует формированию «особой информационной системы всех правоохранительных органов» [7. С. 188].

Особое внимание в ходе осмотра следует обратить на фиксацию очага взрыва. В центре взрыва необходимо снять размеры воронки, отметить их на плане и указать вид грунта или другого материала, на котором произошел взрыв. Зафиксировать внешний вид проявлений разрушающего действия взрыва, окружающей обстановки, размеры осколочных пробоев в предметах, характер материала, в котором они образованы, а также местоположение относительно центра взрыва. Собрать предметы с наибольшими следами окопчений и оплавлений, а если этого нельзя сделать ввиду их громоздкости, то произвести необходимые смывы. Провести сбор остатков взрывного устройства, если взрыв произошел на грунте, взять пробы грунта непосредственно из центра взрыва и в качестве образцов сравнения в нескольких точках вокруг него, где отсутствуют следы взрыва. Необходимо помнить о том, что все изъятые вещественные доказательства помещаются отдельно или группируются по принадлежности к одной детали в чистую упаковку для направления в дальнейшем на комплексную экс-

пертизу [8. С. 24–25]. При необходимости крупногабаритные объекты осмотра, пострадавшие при взрыве, разместить в закрытом помещении в целях сохранения для повторного осмотра. Также принимают меры для возможного повторного осмотра всего оставшегося на месте взрыва мусора, даже если на первый взгляд он не имеет отношения в взрывному устройству [9. С. 16].

Аналогичные действия проводятся в ходе работы со взрывоопасными объектами, обнаруженными в ходе обыска и при осмотре места изготовления взрывных устройств. Важно понимать, что любое совпадение вещественных доказательств, изъятых с места взрыва и обнаруженных в «тайнике» у подозреваемого или на месте изготовления, по веществу, средству взрывания, иному элементу конструкции может дать нить расследования.

Таким образом, осмотр мест взрыва имеет свою специфику, успех всего расследования во многом зависит не только от полноты, тщательности и организации проведения всех осмотров в рамках уголовного дела, но и в большей степени от владения знаниями всех участников следственной группы в области взрывоведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных

действий как вид доказательств по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

2. Долгинов С.Д. Осмотр места взрыва: вопросы организации и тактики проведения // Вестник Приморского университета. Пермь. 2014. № 1 (23). С. 275–284.

3. Татарин В.Р. Осмотр места обнаружения взрывчатых веществ и взрывчатых устройств / СУ СК при прокуратуре РФ по Пермскому краю // Криминалист. 2009. № 2 (4). С. 154–163.

4. Осмотр места происшествия: особенности проведения, фотофиксации, описания следов, орудий и предметов, назначения судебных экспертиз / С.Л. Никонович, В.А. Бекетов, А.Я. Авдальян: учебно-практическое пособие. Тамбов: Изд-во Р.В. Першина, 2016. 186 с.

5. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 33–35.

6. Валеев А.Х. Криминалистическая характеристика преступлений совершенных путем взрыва // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: междунар. научн.-практ. конф. 20–21 апр. 2017 г. Уфа, 2017. С. 93–98.

7. Грибунов О.П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 188–191.

8. Грибунов О.П., Трубкина О.В. Назначение судебных экспертиз учебное пособие. Иркутск: ВСИ МВД России, 2014. 152 с.

9. Валеев А.Х., Васильченко А.В., Давлетшина Л.С. Осмотр места взрыва при расследовании террористического акта: метод. рекомендации. Уфа: ФГКОУ ВО УЮИ МВД России, 2016. 26 с.

А. В. Варданян

**СООБЩЕНИЕ О СОВЕРШЕННОМ ИЛИ ГОТОВЯЩЕМСЯ
ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПОЛУЧЕННОЕ ИЗ ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ,
КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются общетеоретические и прикладные вопросы реализации такого повода для возбуждения уголовного дела, как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Обращается внимание на проблемы, связанные с регламентацией указанного повода, как имеющие исторические предпосылки, так и детерминированные действующей редакцией института возбуждения уголовного дела, излагается авторская позиция о вариантах разрешения затронутых проблем.

Ключевые слова: уголовные дела; преступление; возбуждение уголовного дела; повод; информация; сообщение о преступлении; сообщение, полученное из иных источников; оперативно-розыскная деятельность; обнаружение признаков преступления.

A. V. Vardanyan

**THE STATEMENT ON THE COMMITTED OR PREPARED CRIME
RECEIVED FROM OTHER SOURCES AS A GROUND FOR
INITIATING A CRIMINAL CASE: HISTORICAL
AND CONTEMPORARY PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION**

Abstract: The article discusses theoretical and practical issues of putting into force the ground such as a statement on the committed or prepared crime received from other sources to initiate a criminal case. The author focuses attention on the problems associated with the regulation of the specified reason both as having their historical background and determined by the current version of institution of criminal case initiation. The author's position on options for resolution of the issues involved is set forth.

Keywords: criminal cases; crime; criminal case initiation; ground; information; transmission; statement received from any other sources; operational-search activities; finding evidence of a crime.

Отечественная модель уголовного судопроизводства предусматривает в качестве обязательной стадии уголовного судопроизводства стадию возбуждения уголовного дела, для инициирования которой необходимо наличие хотя бы одного из поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, а именно: заяв-

ления о преступлении; явки с повинной; сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников; постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопросов об уголовном преследовании.

Однако, представляя перечень поводов для возбуждения уголовного дела, законодатель не счел необходимым формулировать саму по себе дефиницию повода для возбуждения уголовного дела. Стремясь нейтрализовать данный пробел, исследователи предлагают немало интересных и заслуживающих внимания предложений [1]. Не вдаваясь подробно в содержание научной полемики, продолжающейся десятилетиями в связи с регламентацией стадии возбуждения уголовного дела, поскольку статья носит более прикладной характер, отразим свою позицию. По нашему мнению, под поводом к возбуждению уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве понимается юридический факт, отражающий информацию о возможных признаках преступления, поступивший в предусмотренных ст. ст. 140–143 УПК РФ процессуальных формах и требующий реагирования в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ.

Законодатель не всегда последователен при регламентации понятий, сущности, содержания указанных поводов для возбуждения уголовного дела, что вызывает многочисленные нарекания в юридической научной литературе и различные проблемные ситуации в следственной практике [2. С. 19; 3. С. 90–106].

Особое место в структуре поводов для возбуждения уголовного дела занимает сообщение о совер-

шенном преступлении, полученном из иных источников. В ст. 143 УПК РФ законодатель оговаривает, что под иными понимаются источники, альтернативные по отношению к заявлению о преступлении (как правило, исходящему от пострадавшего физического или юридического лица либо от очевидца деяния) и явки с повинной. Именно указанный повод для возбуждения уголовного дела зачастую в теории и на практике именуют как «свободный» или «инициативный». В период действия УПК РСФСР 1960 г. данный повод именовался как «непосредственное обнаружение признаков преступления» (соответствующим надлежащим субъектом – органом дознания, следователем, прокурором, судом – с учетом наличия в тот период полномочий на возбуждение уголовного дела у прокурора и суда).

Реализация этого повода зачастую не была свободна от возникновения конфликтных ситуаций, инициированных позицией стороны защиты о незаконности или необоснованности возбуждения уголовного дела, особенно активизировавшихся в постсоветский период, момента более отчетливого разграничения сторон в уголовном процессе [4; 5].

Во многом этому способствовало отсутствие единомыслия в понимании термина «непосредственное обнаружение признаков преступления» в сочетании с достаточно лаконичной законодательной

формулировкой (без раскрытия сущности и содержания этого повода). Буквальное значение понятия указывает на личное наблюдение соответствующим должностным лицом тех или иных действий, имеющих признаки преступления, которое предоставляет ему полномочие на надлежащее процессуальное реагирование.

Однако вследствие целого ряда причин личное наблюдение признаков преступления далеко не всегда может трансформироваться в принятие этим лицом решения о возбуждении (или об отказе в возбуждении) уголовного дела.

Во-первых, личное восприятие признаков преступления зачастую сопровождается совершением правонарушителями каких-либо действий в отношении данного должностного лица (например, предложение незаконного вознаграждения за «мирное урегулирование» ситуации обнаружения признаков преступления, обвинение должностного лица в «провокации преступления», причинение вреда его здоровью или имуществу при попытках скрыться и т.д.). В подобных случаях возникает так называемый логический парадокс, когда непосредственное (личное) обнаружение (как специфическое условие повода к возбуждению уголовного дела) сочетается с фактической невозможностью личного разрешения данным должностным лицом этой

ситуации в пределах уголовного судопроизводства, поскольку должностное лицо фактически становится очевидцем события (соответственно, в случае возбуждения уголовного дела оно будет подлежать допросу в качестве свидетеля).

Во-вторых, непосредственное (личное) обнаружение признаков преступления вследствие особенностей организации деятельности правоохранительных органов зачастую происходит сотрудниками, не имеющими по общему правилу полномочий на принятие решения о возбуждении уголовного дела (осуществляющими патрулирование, охрану каких-либо объектов).

В-третьих, к разновидности «непосредственного обнаружения признаков преступления» относятся также ситуации, когда должностное лицо, реагирующее на сообщение о преступлении, не воспринимало лично сами обстоятельства такого события, но анализировало поступившие в его распоряжение результаты оперативно-розыскной деятельности, либо признаки нового преступления были выявлены следователем или дознавателем в процессе осуществления следственных действий в рамках ранее возбужденного уголовного дела и т.д.

Видимо, стремясь разрешить данные противоречия, УПК РФ сформулировал анализируемый повод более нейтрально. Однако такое наименование, как «сообщение о

совершенном или готовящемся преступлении», полученное из иных источников, на наш взгляд, еще более размыкает сущность указанного повода, особенно в сочетании с отсутствием четкого определения понятия «заявитель о преступлении». Так, не вызывает спора ситуация, если заявителем является пострадавшее физическое или юридическое лицо (например, организация приобретающая партию продукции, оказавшейся фальсифицированной). Но неоднозначно складывается ситуация, когда сообщение о признаках преступления поступает от структурных подразделений государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия в пределах своей компетенции. Определенные вопросы в некоторых случаях вызывает и разграничение явки с повинной, и сообщение о преступлении, полученное из иных источников, например, когда задержанное при непосредственном обнаружении признаков преступления лицо желает выразить чистосердечное признание.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал наряду с заявлениями о преступлении также и сообщения, поступающие от организаций, предприятий, учреждений и соответствующих должностных лиц, и даже сведения, распространенные в средствах массовой информации. Ныне подобные источники данных о пре-

ступлении в законе прямо не предусмотрены, что позволяет их также отнести к разновидности анализируемого повода.

Таким образом, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (помимо заявления о преступлении и явки с повинной), предусматривает качественно разные механизмы поступления данной информации, а также степень ее достоверности и подтвержденности.

Согласно ст. 143 УПК РФ процессуальной формой фиксации сообщения, полученного из иных источников, выступает рапорт об обнаружении признаков преступления. Характерно, что, раскрывая сущность и порядок реализации других поводов для возбуждения уголовного дела, законодатель следует ранее принятой терминологии в обозначении повода, но при формулировке ст. 143 УПК РФ все же обращается не к наименованию самого повода, а к процессуальной форме его фиксации. При этом не имеет значения кем именно изначально обнаружены признаки преступления: самим сотрудником, составившем рапорт, его коллегами, выполняющими конкретные порученные им оперативно-служебные задачи, иными сотрудниками, осуществляющими какие-либо рейды, патрулирование, охрану, профилактические мероприятия, оперативно-розыскные мероприятия и т.д.

Иными словами, данный повод является своеобразным альтернативным правовым порталом для реализации как результатов оперативно-розыскной деятельности, так и иных направлений служебной деятельности должностных лиц правоохранительных и иных государственных органов [6].

Анализ эмпирических источников о многочисленных категориях преступлений, характеризующихся групповым или организованным характером, высокой латентностью, неочевидным характером совершения [7. С. 79–85; 8. С. 125–128; 9. С. 248–262], свидетельствует о высокой востребованности реализации в порядке ст. 143 УПК РФ такой формы непосредственного обнаружения признаков преступления, как использование результатов оперативно-розыскной деятельности. В этом случае поступившие к следователю материалы отражают результаты проводимых ранее оперативно-розыскных мероприятий зачастую в негласном режиме. В свою очередь осуществлению оперативно-розыскных мероприятий предшествовало возникновение предусмотренных оперативно-розыскным законодательством оснований, которыми в данном случае выступают ставшие известными оперативным подразделениям факты о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступного деяния (ст. 7 Федерального закона «Об

оперативно-розыскной деятельности»).

Например, осуществление оперативно-розыскной деятельности в отношении О. Рассохина, организатора и руководителя преступного сообщества, изготавливающего в кустарных условиях медицинские препараты, имеющие высокую рыночную стоимость, в том числе и назначаемые при онкологических заболеваниях, позволило не только своевременно и эффективно осуществить его задержание с поличным, но и полностью разоблачить, а также побудить к досудебному сотрудничеству со следствием. Побудительным сигналом о проведении оперативно-розыскной деятельности послужила случайно обнаруженная оперативными сотрудниками упаковка от фармацевтического препарата в одной из частных типографий, клиентами которой выступали члены преступного сообщества, заказывая партии розничных упаковок для фальсификатов. Немедленное реагирование в отношении сотрудников типографии, непосредственно осуществлявших тираж упаковок, в данном случае было тактически нецелесообразно. В интересах выявления и разоблачения всех членов преступного сообщества и эпизодов преступной деятельности, а также задержания с поличным и разоблачения был осуществлен комплекс оперативно-розыскных мероприя-

тий. При задержании преступника с поличным по месту его жительства при нем находились не только оптовые партии кустарно изготовленных лекарственных средств, но и приспособления для их изготовления, фасовки, нанесения сроков годности [10].

Отметим, что стремясь разрешить проблемы, связанные с формулировкой «инициативного» повода для возбуждения уголовного дела, законодатель допустил, на наш взгляд, чрезмерно широкую и не конкретизированную его регламентацию. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (нежели заявление о преступлении или явка с повинной), является поводом синтетической, комплексной природы, интегрирующем в себе различные по форме, содержанию, объему, режиму получения источники информации. Фактически оказались уравнены качественно различные сферы деятельности, что в следственно-судебной практике привело к не всегда верному ограничению этого повода от других поводов для возбуждения уголовного дела и иным взаимосвязанным недочетам, влияющим на соответствие доказательств предъявляемым требованиям (о некоторых из них мы писали ранее [11]). Полагаем, что в этой связи требуется дальнейшая нормотворческая работа по систематизации поводов для воз-

буждения уголовного дела, учитывающей не только содержание информации о признаках преступления (заявление пострадавшего или очевидца, явка с повинной), но и в определенных случаях – источник поступления информации: оперативные подразделения правоохранительных органов; иные подразделения правоохранительных органов, осуществляющие в пределах своих полномочий деятельность по охране общественного порядка и обеспечению безопасности; должностные лица органов, наделенных различными функциями административной природы (регистрационными, разрешительными контрольными, надзорными); общественные организации и т.д. Систематизация источников поступления информации важна не как самоцель, а как этап в установлении дифференцированного режима получения и проверки информации, полученной из различных источников, для предотвращения как неоправданной волокиты, так и преждевременного возбуждения уголовных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005.
2. Варданян А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты:

автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012.

3. Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015. С. 90–106.

4. Айвазова О.В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 1. С. 5–8.

5. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 11–16.

6. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

7. Грибунов О.П., Пермяков А.Л. Детерминанты высокой латентности мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях

железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 79–85.

8. Грибунов О.П., Пермяков А.Л. Российская Федерация как собственник коммерческой организации, которой причиняется имущественный вред в результате хищения // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. Орел, 2016. С. 125–128.

9. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 360 с.

10. Материалы уголовного дела № 1-130/14. Шахтинский городской суд Ростовской области. Архив за 2014 г.

11. Варданян А.В., Айвазова О.В. Диспозитивный характер заявлений юридических лиц о преступлениях экономической направленности как повод для возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы теории и практики // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 179–184.

В. В. Николжук, В.А. Виноградова, В.А. Антонов
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УПК РФ ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ МАЛОЛЕТНЕГО
И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО

В статье анализируются новые правила УПК РФ, определяющие порядок следственных действий с участием малолетних и несовершеннолетних потерпевших. Обосновывается тезис, согласно которому педагог и психолог при расследовании преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, выполняют разные задачи. Формулируются предложения о наделении психолога рядом дополнительных прав в целях получения от малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего полных и правдивых показаний.

Ключевые слова: малолетний, несовершеннолетний, потерпевший, допрос, очная ставка, опознание, педагог, психолог.

V. V. Nikoljuk, V. A. Vinogradova, V. A. Antonov
REGULATION IN THE CODE OF PROCEDURE
INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING A MINOR
AND THE MINOR VICTIM

The article analyzes new rules of criminal procedure code, which define the ways of investigatory actions with the participation of juvenile young victims. The author states the premise that an educator and a psychologist while investigating crimes against children perform different tasks. The thesis has been also made that a psychologist should acquire more rights in order to get full and true testimony from a juvenile victim.

Key words: minor, juvenile, victim, interrogation, face-to-face confrontation, identification, educator, psychologist.

С 1 января 2015 г. действуют изменения и дополнения, коснувшиеся процедуры производства ряда следственных действий. Они затронули и порядок участия в них несовершеннолетних потерпевших. Так, например, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ изменено название и содержание ст. 191 УПК РФ, регламентирующей допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля [1]. Теперь она охватывает также очную ставку, опознание и проверку показаний на месте.

В правоприменительной практике при применении предписаний ст. 191 УПК РФ возник ряд вопросов, которые неоднозначно трактуются (воспринимаются) как участниками соответствующих следственных действий, так и учеными процессуалистами, криминалистами. Предусмотренным Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ новым правилам получения и использования в доказывании показаний несовершеннолетнего потерпевшего посвящен ряд научных публикаций [2].

В настоящей статье анализируются отдельные аспекты обновленного порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего, которые не получили в юридической литературе достаточного рассмотрения.

Общие замечания. В ст. 191 УПК РФ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ установлены продолжительность указанных выше следственных действий в зависимости от возраста потерпевшего, введено понятие перерыв в следственном действии (время которого, в отличие от максимальной продолжительности следственного действия, не определено в законе). Предусмотрено участие в них педагога или психолога (основания их приглашения не разграничены), а в отдельных ситуациях обязательное участие психолога, присутствие законного представителя.

Обращает на себя внимание перечень следственных действий, производство которых с участием несовершеннолетних потерпевших должно происходить по новым правилам. В него, например, не включен следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), имеющий определенное сходство с проверкой показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), которая, как известно процессуалистам и криминалистам, «отпочковалась» именно от следственного эксперимента. При освидетельствовании несовершеннолетнего потер-

певшего также может возникнуть необходимость участия педагога или психолога, а также законного представителя. Поэтому закрытый перечень следственных действий, сформированный в ст. 191 УПК РФ, вряд ли оптимален и учитывает потребности практики.

Регламентация в ст. 191 УПК РФ особенностей производства с участием несовершеннолетних потерпевших только четырех следственных действий имеет свое объяснение. Ранее данная статья УПК РФ определяла правила допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. На ее базе законодатель сформулировал новые, дополнительные условия не только допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, но и очной ставки, опознания, проверки показаний с их участием. Все эти следственные действия объединяет то, что они в своей процессуальной конструкции имеют общий элемент: в разной степени, но данные действия предполагают допрос потерпевшего для получения от него показаний.

Однако главное предназначение предусмотренных ст. 191 УПК РФ правил производства следственных действий сводится к следующему: получить от малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего наиболее полную и достоверную информацию о совершенном преступлении, максимально гарантировав при этом защиту его прав и за-

конных интересов, минимизировать, исключить причинение вреда его психическому здоровью. Полагаем, что такая задача стоит и при проведении других следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, если в принципе нельзя исключить возможность причинения вреда их психическому здоровью. По этой причине предусмотренный ст. 191 УПК РФ перечень следственных действий должен быть открытым.

При проведении перечисленных в ст. 191 УПК РФ следственных действий максимальное количество его участников может достигать пяти (следователь, несовершеннолетний потерпевший, законный представитель, представитель (адвокат), педагог или психолог). Если проводится очная ставка, то общее число ее участников удваивается, а при опознании добавляются еще статисты и понятые. В этой связи эффективность таких следственных действий во многом зависит от качества организации их проведения, что предполагает правильное уяснение содержания и назначения норм УПК РФ, регулирующих соответствующие отношения.

Возрастные пороги потерпевшего, определяющие правила производства следственных действий. Несовершеннолетним потерпевшим в контексте ст. 191 УПК РФ является лицо в возрасте до 18 лет. Учитывая личностные особенности разных возрастных групп несовершен-

нолетних, законодатель проводит своеобразную их классификацию, которой придается уголовно-процессуальное значение в плане процедуры производства следственных действий. В ч. 1 ст. 191 УПК РФ выделены следующие возрастные группы несовершеннолетних потерпевших, для которых законом установлены особые правила допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте.

Первая группа – лица в возрасте до 16 лет, вторая группа – лица в возрасте от 16 до 18 лет, страдающие психическим расстройством или отстающие в психическом развитии. Указанные в ст. 191 УПК РФ следственные действия проводятся в отношении лиц, входящих в обе группы, с участием педагога или психолога.

Третья группа – лица в возрасте от 16 до 18 лет, приглашение педагога или психолога при производстве анализируемых следственных действий с участием потерпевших этой возрастной группы – прерогатива следователя.

Четвертая группа – лица в возрасте до 7 лет, пятая – лица в возрасте от 7 до 14 лет, шестая – лица старше 14 лет.

В зависимости от того, к какой группе относится несовершеннолетний потерпевший, принимающий участие в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте, закон определяет продолжительность данных след-

ственных действий и предусматривает время на перерыв в нем.

Участие в следственных действиях педагога и психолога. Проблемы участия педагога, а затем и психолога в уголовном судопроизводстве находятся в фокусе научного внимания, им посвящен ряд интересных теоретических и прикладных работ. Однако дополнительное регулирование в Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ условий привлечения указанных специалистов к проведению следственных действий вынуждает нас снова обратиться к ним.

Психическое расстройство или отставание в психическом развитии несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте от 16 до 18 лет, учитываемые при решении вопроса о приглашении педагога или психолога для участия в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте, должны подтверждаться соответствующими медицинскими документами, приобщаемыми к уголовному делу, или иными доказательствами (заключением специалиста, показаниями свидетелей) [3; 4. С. 133–138].

В ст. 191 УПК РФ теперь предусмотрено участие в следственных действиях педагога и психолога, если так можно выразится, на альтернативной основе. Закон не дает формальных ориентиров следователю в выборе специалиста в области педагогики и психологии в анализируемой ситуации. Букваль-

ная его трактовка означает, что следователь может пригласить для участия в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте любого из названных в ч. 1 ст. 191 УПК РФ специалистов.

Комментируя изменения в ст. 191 УПК РФ, В. В. Кальницкий и Е. Г. Ларин правильно обращают внимание на то, что ими «предусмотрена альтернатива в участии специалиста: ранее это был только педагог, теперь – педагог или психолог» [5. С. 19]. К сожалению, авторами не поясняется причина такого нововведения в УПК РФ. Может быть она связана с тем, что педагог с учетом его специализации, компетенции объективно не в состоянии оказывать практическую помощь участникам следственного действия по вопросам, относящимся к сфере специальных познаний другого специалиста – психолога? Здесь же остается открытым и другой вопрос: насколько эти специалисты взаимозаменяемы и правильно ли поступает законодатель, допуская участие в следственных действиях только одного из них?

В постановлениях Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [6] и от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и

наказания несовершеннолетних» (в ред. постановлений Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3, от 2 апреля 2013 г. № 6, от 29 ноября 2016 г. № 56) конкретных разъяснений по поводу оснований приглашения к участию в следственных действиях педагога и психолога также нет [7]. Однако очевидно, что педагог и психолог — разные специалисты. Они могут решать задачи, относящиеся только к сфере их профессиональной деятельности, компетенции.

Надлежит отметить, что до 2013 г. УПК РФ не предусматривал приглашение психолога для участия в следственных действиях, субъектом которых является несовершеннолетний потерпевший или свидетель. В законе речь шла только о педагоге. Федеральным законом от 12 декабря 2013 г. № 432-ФЗ рассматриваемая ситуация подверглась дополнительному регулированию и новым участником следственных действий при определенных условиях стал психолог. Приглашение последнего уже предписывалось при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ). Поэтому проблема разграничения оснований вовлечения в уголовный процесс педагога и психолога стояла и раньше [8].

Применительно к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого учеными-процессуалистами высказываются суждения о том, что педагог или

психолог функционально выступает здесь в роли специалиста. Так, презюмируется, что роль названных участников — использование данных педагогики или психологии при подготовке, проведении допроса и фиксации показаний допрашиваемого. Педагог или психолог призван способствовать созданию нормальной обстановки допроса, установлению контакта с несовершеннолетним, постановке корректных с точки зрения педагогики и психологии вопросов, правильности и полноте записи показаний допрашиваемого в протоколе. В этих целях педагог или психолог наделяются определенными правами, предусмотренными ч. 5 ст. 425 УПК РФ, которые должны быть разъяснены им до начала допроса [9. С. 30–31].

Как считает В. А. Семенцов, участие педагога или психолога в допросе помогает следователю наладить с несовершеннолетним контакт, что очень важно для установления обстоятельств совершения преступления, роли в нем несовершеннолетнего, а также изучения его личности [10. С. 165].

По мнению В. С. Шадрина, участие педагога в допросе свидетелей (потерпевших) в возрасте до 14 лет не только оказывает содействие следователю в установлении психологического контакта с допрашиваемым, правильной оценке его поведения и показаний, но и оберегает психическое здоровье подростка от возможного травмиро-

вания необычной для него ситуацией [11. С. 593].

Участие педагога, психолога и законного представителя в допросе, полагает С. Н. Чурилов, должно быть направлено на оказание содействия следователю в установлении и поддержании психологического контакта с несовершеннолетним допрашиваемым и в даче им правильных показаний [12. С. 585–586].

С точки зрения А. Н. Бычкова, участие педагога в уголовном процессе направлено на компенсацию возрастной недостаточности развития несовершеннолетних и обеспечение педагогически правильного общения с ними следователей, дознавателей, прокурора и суда, у которых отсутствуют педагогические знания и навыки общения с несовершеннолетними. Автором отстаивается позиция, что педагог и психолог не являются тождественными понятиями, несмотря на то, что они обладают специальными знаниями, они не должны рассматриваться как специалисты, в связи с тем, что цель их участия в уголовном судопроизводстве различная. Для проведения следственных действий целесообразно приглашение педагога, поскольку его участие не связано с исследованием личности несовершеннолетнего, а направлено на компенсацию возрастной недостаточности в психическом и психологическом развитии. Психолог должен принимать участие при исследовании личности несовершеннолетнего для

разъяснения мотивации его поведения. Его участие при проведении следственных действий представляется необходимым для определения симуляции определенных отклонений. Педагог является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, которого необходимо отнести к группе иных участников [13. С. 7].

Основную цель привлечения психолога при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних лиц С. В. Сурменова видит в оказании им психологической помощи. «Психологическая помощь заключается в создании психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего лица в условиях предварительного расследования, а также в правильном отражении следователем получаемой от несовершеннолетнего информации в протоколах следственных действий» [14. С. 8].

По мнению М.С. Петровской, педагог и психолог с использованием соответственно педагогических и психологических знаний призваны способствовать созданию надлежащей обстановки допроса и предотвращению возможности применения приемов, противоречащих педагогической и психологической науке, неполноты и неточности фиксации результатов допроса [15].

Таким образом, приведенные доктринальные положения не позволяют четко разграничить функциональное назначение педагога и

психолога в случае их участия в допросе несовершеннолетнего. Более того, согласно фактически общепринятому в уголовно-процессуальной теории (которая в данном случае зеркально отражает действующее законодательство и воспринимает последнее некритически, что называется «на веру») подходу в понимании роли педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего они могут заменять друг друга, поскольку якобы способны решать тождественные задачи, о которых говорилось выше. Однако с этим вряд ли можно согласиться.

Системный анализ норм УПК РФ, регулирующих вопросы привлечения к участию в следственных действиях педагога и психолога, однозначно указывает на то, что в законе данным специалистам отводится самостоятельная роль. Прямым подтверждением этому служит ч. 4 ст. 191 УПК РФ, предусматривающая обязательное приглашение психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. О педагоге в указанной норме речи не идет.

По обсуждаемому вопросу интересной позиции, как представляется, придерживаются Е. В. Марковичева и Л. Г. Татьяна. Ученые обращают внимание на то, что изначально в УПК РФ понятия «педагог» и «психолог» рассматривались как синонимичные. В Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ предпринята попытка развести данные понятия. Наряду с закреплением в ст. 5 УПК РФ понятия «педагог» (п. 62) логически обоснованным было бы и отражение в ней понятия «психолог». Авторы также показывают недостатки в правовом регулировании порядка участия педагога и психолога в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (не предусмотрено их участие при получении объяснений у несовершеннолетнего до возбуждения уголовного дела; нестыковка ч. 4 ст. 191 и ч. 1 ст. 280 УПК РФ в части участия психолога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства и др.) [4. С. 133-138].

В связи с неполнотой, противоречивостью и динамичностью нормативной основы привлечения педагога и психолога к следственным действиям с участием несовершеннолетних потерпевших, недостаточным уровнем научной разработки проблем применения уголовно-процессуального законодательства в этой части страдает качество расследования уголовных дел о

преступлениях против несовершеннолетних. Поэтому требуется подготовка соответствующих научно-практических рекомендаций, в которых целесообразно отразить основания и порядок приглашения педагога и психолога при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Принципиально при подготовке таких рекомендаций, как представляется, принять во внимание следующие обстоятельства:

1. Педагог и психолог – сведущие лица в разных областях знаний. Педагог специализируется в воспитании и обучении людей, в том числе малолетних (детей) и несовершеннолетних. Психолог – специалист в вопросах закономерностей развития и функционирования психики как особой формы человеческой жизнедеятельности. Конкретной отраслью психологии является жизнедеятельность несовершеннолетних (подростков). С помощью психолога, в частности, устанавливается способность малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правдивые показания. Кого из указанных специалистов следует приглашать для участия в следственных действиях, субъектом которых является несовершенно-

летний потерпевший, следователь должен решать с учетом конкретных обстоятельств дела, компетенции (специализации) педагога и психолога. Поскольку педагог и психолог в силу принадлежности к разным отраслям знаний решают неодинаковые задачи, не исключена практическая потребность совместного их участия в следственных действиях по уголовным делам о преступлениях, совершаемых против несовершеннолетних.

Точно так же, как педагог не способен заменить психолога, последний объективно не может заменить, «вытеснить» из уголовного процесса специалиста в области психиатрии, имеющей собственный предмет познаний. Поэтому вполне естественно, что в практике уголовного судопроизводства проводятся комплексные психолого-педагогические и психолого-психиатрические экспертизы [16]. По указанным причинам, имея в виду специализацию и самостоятельность таких отраслей знаний (наук), как педагогика, психология и психиатрия, для отражения в УПК РФ особенностей досудебного и судебного производства с участием малолетних и несовершеннолетних законодателю предпочтительнее придерживаться схемы «педагог» – «психолог» – «психиатр» вместо закрепленной в законе «педагог или психолог» – «психиатр».

2. В настоящее время объективно наблюдается своеобразная «психологизация» расследования

уголовных дел определенных категорий, к которым относятся и дела о преступлениях против несовершеннолетних [17]. В рамках этого процесса участие психолога в допросе малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего для получения от допрашиваемого полных и достоверных показаний еще больше актуализировалось с 1 января 2015 г., — с момента введения в действие поправок, установивших новые правила допроса несовершеннолетнего потерпевшего и использования его показаний в судебном разбирательстве. Согласно ч. 6 ст. 281 УПК РФ в судах первой и апелляционной инстанций, в которых предусмотрено непосредственное исследование доказательств, как исключение из общего правила несовершеннолетний лично не приглашается для дачи показаний. Судебное следствие должно быть организовано таким образом, чтобы суд и участники процесса просмотрели видеозапись показаний в досудебном производстве и смогли получить представление об их содержании [18]. Вполне очевидно, что акцент в доказательственной цепочке, выстроенной нормами чч. 1, 4 и 5 ст. 191, ч. 6 ст. 281 УПК РФ (получение показаний при допросе, фиксация показаний с помощью видеозаписи, воспроизведение последней в суде), объективно смещается на первое ее звено.

3. В ст. 191 УПК РФ не перечислены права педагога и психолога в связи с участием в следственных

действиях. В ч. 3 ст. 425 УПК РФ указаны права педагога и психолога применительно к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Они ограничены правом этих участников с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы допрашиваемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Напрашивается вывод, что ч. 5 ст. 425 УПК РФ должна применяться по аналогии и при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Но процессуальные фигуры «подозреваемый», «обвиняемый», «потерпевший» принципиально отличаются. Процедура допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших не может быть одинаковой с порядком допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, достигшего 14 или 16 лет. Различен и круг обстоятельств, подлежащих доказыванию с помощью педагога и психолога в зависимости от того, какое процессуальное положение занимает в деле несовершеннолетний.

Представляется, что психолога в связи с участием в следственных действиях в порядке ст. 191 УПК РФ целесообразно дополнительно наделить правами: задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы законному представителю несовершеннолетнего потерпевшего (его от-

веты могут помочь психологу оценить способность несовершеннолетнего воспринимать и воспроизводить информацию, относящуюся к делу); высказывать свое мнение следователю, дознавателю о времени, месте проведения следственного действия¹, его продолжительности; ходатайствовать перед следователем, дознавателем об истребовании материалов, могущих иметь значение для установления способности давать показания несовершеннолетним потерпевшим; приносить жало-

¹ В региональных следственных управлениях СК РФ оборудуются специальные помещения с близкой ребенку обстановкой для проведения в них следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Как показывает практика, проведение следственных действий с ребенком и предварительное общение с ним в таких помещениях способствует более быстрому налаживанию психологического контакта, снятию стресса, скорейшему решению проблемы реабилитации пострадавшего от преступления ребенка. Это позволяет максимально сократить время следственного действия, а также получить более полную и достоверную информацию о совершенном преступлении. Принятие Федерального закона от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ поставило вопрос о введении в подразделениях криминалистики органов предварительного следствия штатных должностей специалистов-психологов с высшим специальным образованием [17]. Смеем предположить, что участие в следственных действиях специалистов-психологов объективно выдвинет «на повестку дня» проблему регулирования их процессуального статуса с четким перечислением соответствующих прав.

бы на действия (бездействие) дознавателя, следователя.

Круг следственных действий с участием малолетних потерпевших. Производство следственных действий в отношении несовершеннолетних, входящих в четвертую и пятую группу, сопряжено с рядом организационных трудностей в связи с ограниченностью времени, предоставляемого законом. Проверка показаний на месте с участием лиц в возрасте до 7 лет вряд ли в принципе возможна. Общая ее продолжительность не может превышать одного часа, причем без перерыва не более 30 минут. Данное следственное действие начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться. Если учитывать, что участникам проверки показаний на месте следователь должен разъяснить их права, ответственность и порядок ее проведения, времени для прибытия на место и собственно проверку показаний просто нет. Перерыв в следственном действии, длительность которого не установлена в законе, не может использоваться для следования к месту проверки показаний. Такой перерыв, по смыслу закона, необходим потерпевшему для отдыха.

Альтернативы очной ставке с участием малолетних и несовершеннолетних потерпевших. В контексте норм международного права (прецеденты ЕСПЧ) проведение очной ставки с несовершеннолетним

потерпевшим, поскольку она может травмировать психику несовершеннолетнего, крайне нежелательно. Практика выработала подходы, которые учитывают противоположные по своей направленности права несовершеннолетнего и права преследуемого лица. Имеется в виду постановка перед несовершеннолетним вопросов, сформулированных стороной защиты, без непосредственного контакта участников процесса между собой [19; 18].

Продолжительность следственных действий. В связи с детальной регламентацией в ч. 1 ст. 191 УПК РФ временных параметров производства следственных действий, отступление от которых может привести к признанию полученных показаний от несовершеннолетнего потерпевшего недопустимыми, особое значение имеет отражение и удостоверение участниками в протоколе следственного действия времени (с точностью до минут) начала и окончания, соответственно, допроса, опознания, моментов объявления перерыва и возобновления следственного действия.

Увеличение продолжительности следственного действия с согласия несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя законом не предусмотрено. Иначе это противоречило бы общему назначению дополнительных условий, заложенных в процедуру

следственных действий с участием лиц разных возрастных групп, привело бы к снижению степени гарантированности прав подростка в уголовном процессе, а в доказательственном аспекте (получение наиболее полных и достоверных показаний) может принести обратный эффект.

Подводя итоги изложенному, отметим, что в связи с происходящими изменениями в УПК РФ, затрагивающими порядок проведения следственных действий и обеспечивающих дальнейшую «психологизацию» досудебного уголовного производства, для специалистов, занимающихся проблемами уголовного процесса и криминалистической тактики, одной из приоритетных в настоящее время является задача подготовки соответствующих рекомендаций, которые бы способствовали эффективному применению нормативных предписаний, направленных на защиту прав и законных интересов малолетних и несовершеннолетних потерпевших. В направлениях, обозначенных в статье, нуждаются в определенной «доводке» и правила проведения следственных действий с участием малолетних и несовершеннолетних потерпевших, действующие с 1 января 2015 г. Почти двухлетний опыт практического их применения однозначно подтверждает данный вывод.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рос. газ. 2013. 30 дек.
2. Зеленин С. Р. Права потерпевшего в уголовном процессе: комментарий к новеллам УПК РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 10–21 ; Его же. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Уголовный процесс. 2015. № 3. С. 24–34 ; Поликашина О. В. Защита прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 4. С. 18–21 ; Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н. Новеллы в процессуальных правах и обязанностях потерпевшего и свидетеля // Уголовный процесс. 2015. № 2. С. 40–47 ; Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Дополнительное регулирование участия потерпевшего и свидетеля в производстве следственных и судебных действий // Рос. следователь. 2015. № 3. С. 16–20 ; Кальницкий В. В., Овчинникова М. М. Видео-запись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. № 1 (36). С. 32–36 ; Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. Экономика и право. 2017. № 2. С. 133–138.
3. Вдовцев П. В. К вопросу об участии педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 75–77 .
4. Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г. Указ. соч.
5. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Указ. соч.
6. Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.
7. Рос. газ. 2011. 11 февр.
8. Тетюев С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого : монография / под ред. А. В. Кудрявцевой. М., 2006. 176 с. ; Быч-

ков А. Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 227 с. ; Марковичева Е. В. Использование специальных знаний по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 187–191.

9. Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних : учеб.-практ. пособие / Б. Б. Булатов [и др.]. М., 2003.

10. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006.

11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М., 2016.

13. Бычков А. Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007.

14. Сурменева С. В. Участие психолога в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

15. Петровская М. С. Психолог и педагог в системе участников процесса // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2 (82). С. 235–240.

16. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с. ; Марковичева Е. В. Использование судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в доказывании по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 31–35 ; Петровская М. С. Психолог и педагог в системе участников процесса // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2(82). С. 235–240 ; Ее же. К во-

просу о формах использования специальных педагогических и психологических знаний в уголовном судопроизводстве // Там же. 2012. № 2/1(93). С. 171–174.

17. Хмелева А. В. К вопросу об использовании специальных знаний психолога при расследовании преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : мат-лы 5-й междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 490–493.

18. Кальницкий В. В., Овчинникова М. М. Указ. соч.

19. В региональных следственных управлениях СК РФ оборудуются специальные помещения с близкой ребенку обстановкой для проведения в них следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Как показывает практика, проведение следственных действий с ребенком и предварительное общение с ним в таких помещениях способствует более быстрому налаживанию психологического контакта, снятию

стресса, скорейшему решению проблемы реабилитации пострадавшего от преступления ребенка. Это позволяет максимально сократить время следственного действия, а также получить более полную и достоверную информацию о совершенном преступлении. Принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ поставило вопрос о введении в подразделения криминалистики органов предварительного следствия штатных должностей специалистов-психологов с высшим специальным образованием (об этом см.: Хмелева А. В. Указ. соч. С. 492–493). Смеем предположить, что участие в следственных действиях специалистов-психологов объективно выдвинет «на повестку дня» проблему регулирования их процессуального статуса с четким перечислением соответствующих прав.

20. Брусницын Л. В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90–94 .

Д. А. Пархоменко

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
"СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ"
В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье проводится сравнительный анализ УК РФ 1996 г. с уголовными кодексами стран СНГ, а также стран, ранее входивших в состав СССР, на предмет отражения факта совершения преступления впервые. Делается вывод об отсутствии особо значимых отличий в регламентации данного обстоятельства, о целесообразности заимствования российским УК некоторых идей зарубежного уголовного законодательства в части дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в зависимости от кратности преступлений.

Ключевые слова: уголовные кодексы стран СНГ, Уголовный кодекс РФ, кратность преступлений, совершение преступления впервые, отражение в уголовном законе, регламентация.

D. A. Parkhomenko

**DEFINITION OF THE CONCEPT OF "COMMITTING A CRIME FOR
THE FIRST TIME" IN FOREIGN CRIMINAL LAW**

The article compares the Criminal Code of the Russian Federation in 1996 with the Criminal Codes of the CIS countries, as well as countries formerly part of the USSR, to reflect the fact of committing a crime for the first time. The conclusion is made that there are no particularly significant differences in the regulation of this circumstance and, at the same time, the appropriateness of borrowing certain ideas of foreign criminal legislation by the Russian Criminal Code in terms of differentiating and individualizing criminal responsibility depending on the multiplicity of crimes.

Key words: Criminal codes of the CIS countries, the criminal code, the multiplicity of the crimes, the crime for the first time, reflected in the criminal law, regulation.

Анализ зарубежного уголовного законодательства на предмет отражения в нем кратности преступлений вообще и особенно факта совершения преступления впервые имеет своей целью прежде всего обнаружить прототипы, аналоги подобных законодательных решений, а в случае отсутствия такой практики – найти возможные варианты объяснений. При этом в определении круга стран, уголовное законодательство которых показательно при сравнительном анализе с УК

РФ 1996 г. (далее – УК РФ), мы исходим из того, что этот Уголовный кодекс по многим концептуальным позициям изначально был схож с уголовными кодексами стран Содружества Независимых Государств (СНГ), образовавшегося в свое время на бывшем постсоветском пространстве. Вместе с тем за прошедшее время некоторые из этих УК претерпели серьезные изменения и дополнения и уже только по этой причине заслуживают внимания.

Кроме того, как отмечает Е.Г. Кольцов, немаловажным фактором при выборе государств для сравнительно-правового исследования является уровень правовой культуры в том или ином государстве, который в современных условиях легко проследить по количеству правовой информации, относящейся к этому государству, в том числе в Интернете [8. С. 6].

Анализируя уголовные кодексы стран СНГ, а также стран, ранее входивших в состав СССР, нельзя не сказать о том, что многие из них в первоначальной редакции испытали на себе серьезное влияние Модельного УК для государств-участников СНГ, принятого в 1996 г.¹ [7], в плане отражения в них некоторых аспектов кратности преступлений [9. С. 238–241]. Примечательно, однако, то, что к регламентации интересующей нас проблемы Модельный УК отнесся весьма сдержанно. Факт совершения преступления впервые здесь традиционно упоминается в качестве обстоятельства, смягчающего «ответственность и наказание», правда, с оговоркой «совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств» (п. «а» ч. 1 ст. 62). Наличие указанного обстоятельства определяет освобождение от уголовной ответственности в

связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 74), изменением обстановки (ст. 76) и несовершеннолетних (ст. 98). Другая сторона кратности преступлений – «повторность совершения преступлений, рецидив, совершение преступлений в виде промысла» – изначально предусматривалась в качестве обстоятельства, «отягчающего ответственность и наказание» (п. «а» ч. 1 ст. 63). Однако в последующем это положение было исключено из Модельного УК².

Многие уголовные кодексы стран СНГ, а также стран, ранее входивших в состав СССР, в регламентации вопросов кратности преступлений в первоначальной редакции оказались однотипными УК РФ 1996 г. Значительная часть из них и по настоящее время принципиальных изменений в этом вопросе не претерпела (УК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан [1]). Сказанное в меньшей степени касается УК Грузии, в котором на сегодняшний день в отдельных главах регламентируются виды единого преступления (гл. 4) и множественность преступлений (гл. 5) [2]. Именно в рамках последней главы за истекший период произошли значительные изменения, в результате которых множественность преступлений согласно грузинскому

¹ Целый ряд положений Модельного УК несколько ранее нашел свое отражение в Теоретической модели уголовного кодекса (Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М.: Наука, 1987. 277 с.).

² Это было сделано рекомендательным законодательным актом СНГ от 16 ноября 2006 г. (Постановление № 27-6).

УК проявляется в «неоднократном преступлении» (ст. 15 в ред. от 04.07.2007 № 5196), «совокупности преступлений» (ст. 16 в ред. от 30.05.2000. № 333), «рецидиве преступлений» (ст. 17 в ред. от 22.06.2007 № 5035), «рэкёт, занимающаяся рэкётом группировка, рэкётир» (ст. 17.1 введена 24.06.2004 № 212)¹.

Более продвинутыми в регламентации кратности преступлений, причем даже в сравнении с УК РФ 1996 г., являются на сегодняшний день два уголовных кодекса из рассматриваемой группы кодексов. Так, УК Республики Беларусь, сохранив до настоящего времени понятие повторности преступлений, сохраняет и понятие ситуации, при которой преступление не признается повторным, т. е. считается совершенным в первый раз (ч. 3 ст. 41)² [3]. Вместе с тем из содер-

жания данной статьи следует, что белорусский законодатель уголовно-правовое значение этого понятия видит только в статьях Особенной части УК. И это при том, что факту совершения преступления впервые придается особое значение в нормах об осуждении без назначения наказания (ст. 79), об освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица, совершившего впервые преступление, к административной ответственности (ст. 86), в связи с деятельным раскаянием (ст. 88), с примирением с потерпевшим от менее тяжкого преступления (ст. 89), при назначении наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним (ст. 115), при освобождении их от уголовной ответственности (ст. 118). Следует отметить, что в УК Республики Беларусь, как и в УК РФ, слово «впервые» увязывается не только с совершением преступления, но и с фактом осуждения к наказанию в виде лишения свободы (ст. ст. 77, 78), несовершеннолетних, осуждаемых за менее тяжкое преступление (ч. 1 ст. 117). Вместе с тем в отличие от УК РФ (ст. 127.1, 198, 199, 205.5, 208, 282.1, 282.2, 282.3) ни в одном из примечаний к статьям Особенной части УК Республики Беларусь, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в конкретном преступлении, не предусмотрено требование о совершении преступления впервые.

¹ Проявлением множественности в данном случае, по-видимому, считается рэкёт, понимаемый как «неоднократная и организованная деятельность, осуществляемая в целях систематического извлечения дохода или иной имущественной выгоды, связанная с совершением умышленного преступления (если судимость не погашена или не снята), если она осуществлялась не менее чем дважды в течение пяти календарных лет, в которые не входят срок ареста и отбытия наказания рэкётиром» (ч. 1 ст. 17.1 УК Грузии).

² При этом понятием повторности преступлений охватываются случаи совершения двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК (ч. 1 ст. 41 УК Республики Беларусь).

Своеобразно белорусский законодатель отражает учет кратности преступлений при назначении наказания. Совершение преступления впервые ни само по себе, ни в совокупности с иными обстоятельствами, как это имеет место в УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), не предусмотрено в перечне смягчающих уголовную ответственность (ст. 63 УК Беларусь), а обратная сторона кратности – «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, если не истекли сроки давности либо не погашена или не снята судимость за предшествующее преступление» – выступает обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. При этом суд вправе в зависимости от характера преступлений не признать это обстоятельство отягчающим (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК Беларусь).

Подобная ситуация отражена в УК Республики Узбекистан, в котором кратность преступлений при назначении наказания учитывается также только в значении обстоятельства, отягчающего наказание, хотя и в более ограниченных пределах: лишь «повторное или новое умышленное преступление после осуждения за ранее совершенное умышленное преступление» может выступать в таком значении (п. «н» ч. 1 ст. 56). В качестве обстоятельства только отягчающего наказание предусмотрена кратность преступлений в УК Украины («совершение преступления лицом повторно и рецидив преступлений» п.п. 1 ч. 1 ст. 67) [4].

Отметим, что в уголовных кодексах стран рассматриваемой группы есть пример обратного рода, когда кратность преступлений учитывается при назначении наказания в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, и не учитывается как обстоятельство ее отягчающее. Такая ситуация, например, имеет место в УК Республики Молдова, в котором «совершение впервые незначительного преступления или преступления средней тяжести» без каких-либо иных условий выступает смягчающим обстоятельством (п. «а» ч. 1 ст. 76) [5].

Даже безотносительно рассматриваемой нами проблемы одно обстоятельство в УК Республики Беларусь, связанное с кратностью преступлений, должно, на наш взгляд, стать предметом неотложного внимания российского законодателя. Речь идет о правилах назначения наказания при рецидиве преступлений, когда согласно одному из них при этом должны учитываться не только «характер и степень общественной опасности *ранее совершенных преступлений*, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления», но и их *количество* (ч. 1 ст. 65) (курсив наш. – Д.П.).

Не меньший интерес с точки зрения отражения в уголовном законе факта совершения преступле-

ния впервые представляет новый (2014 г.) УК Республики Казахстан [6]. В разделе 2 «Уголовные правонарушения», регламентируя формы множественности преступлений, в рамках первой из них – «Неоднократность уголовных нарушений» (ст.12) – казахский законодатель определяет, что «Уголовное правонарушение не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное уголовное правонарушение лицо было осуждено либо освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом». Ни о погашении судимости, ни о снятии судимости при этом речь не идет, что, однако, регламентируется общим правилом о значении судимости в ч. 9 ст. 79 УК Казахстана: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью, за исключением ограничений, установленных назначенным пожизненно дополнительным видом наказания».

Кратности преступлений казахский законодатель придает двоякое уголовно-правовое значение при назначении уголовного наказания: с одной стороны, совершение впервые уголовного проступка либо впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств признается фактором, смягчающим уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 53 УК Казахстана), с другой – не только рецидив преступлений, как это предусмот-

рено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, но еще и неоднократность всех уголовных правонарушений оценивается здесь в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 54 УК Казахстана).

Подобная позиция представлена и в УК Республики Таджикистан (ст. ст. 61, 62) с той лишь разницей, что в нем сам по себе факт «совершения преступления впервые» без каких-либо дополнительных условий рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 61). Предусмотрено такое же правило и в УК Туркменистана, но лишь в связи с «совершением впервые преступления небольшой тяжести» (п. «а» ч. 1 ст. 57).

Заслуживает внимания позиция казахского законодателя при отражении факта совершения преступления впервые в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности. Во-первых, в отличие от ч. 1 ст. 75 УК РФ освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по основаниям, предусмотренным ст. 65 УК Казахстана, ограничивается не категориями совершенного преступления, а отдельными видами преступлений, перечень которых весьма ограничен и носит исчерпывающий характер (террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление

против половой неприкосновенности несовершеннолетних, тяжкое или особо тяжкое преступление против личности за исключением случаев, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК Казахстана)¹. Во-вторых, в отличие от УК РФ в УК Казахстана освобождение от уголовной ответственности с учетом категории преступления, совершенного лицом впервые, по другим основаниям имеет более дифференцированный характер: с установлением поручительства (при совершении уголовного проступка, преступлений небольшой или средней тяжести) в последнем случае принимается во внимание еще и наличие штрафа в числе основных видов наказания (ст. 69 УК Казахстана); в связи с утратой общественной опасности лица, совершившего уголовный проступок либо преступление небольшой или средней тяжести – без каких-либо дополнительных условий (ч. 2 ст. 70 УК Казахстана)²; в связи с применением с потерпевшим освобождение от уголовной ответственности

¹ Ограничения подобного рода предусмотрены и для некоторых других видов освобождения от уголовной ответственности, в частности, предусмотренных ст. ст. 68, 69 УК Республики Казахстан.

² Вместе с тем вызывает сомнение, что освобождение от уголовной ответственности по данному основанию представляет частный случай изменения обстановки, как это следует из названия ст. 70 УК Республики Казахстан.

может состояться и при совершении тяжкого преступления, но лишь в отношении определенного в законе круга лиц (несовершеннолетних, беременных женщин и т.д. – ч. 2 ст. 68 УК Казахстана)³. Наконец, не может не привлекать внимания и то, насколько избирательно и в сочетании с дополнительными условиями казахский законодатель оперирует условием совершения преступления впервые применительно к освобождению от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Для наглядности приведем эту статью УК Республики Казахстан полностью:

«Статья 83. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания.

1. Несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок или преступление небольшой тяжести либо *впервые совершивший преступление средней тяжести*, может быть освобожден судом от уголовной ответственности, если установлено, что его исправление возможно без привлечения к уголовной ответственности. При этом к нему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия.

³ Согласно ч. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, преступление небольшой или средней тяжести, примирившихся с потерпевшим, во-первых, имеет характер императива и, во-вторых, не ставится в зависимость от кратности преступлений, точнее от факта совершения преступления впервые.

2. *Несовершеннолетний, впервые осужденный за совершение уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести*, может быть освобожден судом от наказания, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. *Несовершеннолетний, впервые совершивший тяжкое преступление* (курсив наш. – Д.П.), не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, может быть освобожден судом от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных частью второй статьи 68 настоящего Кодекса».

В части рассматриваемой нами проблемы УК Республики Казахстан примечателен еще и тем, что факт совершения впервые дачи и получения незаконного вознаграждения, если его размер не превышает «двух месячных расчетных показателей», при отсутствии предварительной договоренности о таком вознаграждении либо «не влечет уголовной ответственности» (в первом случае – примечание 1 к ст. 367), либо «не является преступлением в силу малозначительности» (во втором случае – примечание к ст. 366)¹.

¹ Насколько нам известно, ни в одном из действующих на сегодняшний день уголовных кодексов (уголовных законов) нет нормы, предусматривающей возможность устранения уголовно-правовых обременений для взяточполучателя подобным образом.

При характеристике уголовных кодексов рассматриваемой группы следует упомянуть УК Украины, в котором факт совершения преступления впервые, как и в УК РФ, достаточно последовательно отражается при регламентации практически всех видов освобождения от уголовной ответственности за исключением давности. Специфику здесь можно усмотреть лишь в том, что при этом упоминаются различные комбинации преступлений, совершенных впервые: при освобождении от уголовной ответственности «в связи с действительным раскаянием» (ч. 1 ст. 45), «в связи с примирением виновного с потерпевшим» (ч. 1 ст. 46) речь идет о совершении впервые преступления небольшой тяжести или неосторожного преступления средней тяжести; при освобождении от уголовной ответственности «в связи с передачей лица на поруки» – преступления небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 47); при освобождении от уголовной ответственности «в связи с изменением обстановки» (ч. 1 ст. 48), «с применением принудительных мер воспитательного характера» (ч. 1 ст. 98) – преступления небольшой степени тяжести.

Изучение в интересующем нас аспекте уголовных кодексов стран СНГ, а также ряда стран, ранее входивших в состав СССР, позволяет сделать общий вывод об отсутствии особо значимых отличий в регламентации кратности преступлений вообще и факта совершения преступления впервые, в частности. Как и в российском УК в рассмат-

риваемых УК акцент делается на регламентацию множественности преступлений и более всего такую ее форму, как рецидив преступлений. Помимо этого можно заключить следующее:

1. В ряде зарубежных УК рассматриваемой группы как и в УК РФ слово «впервые» используется не только применительно к совершенному преступлению, но и к факту осуждения, назначения наказания обычно в виде лишения свободы.

2. Ни в одном УК рассматриваемой группы не отражен факт совершения преступления в первый раз в жизни. Как и в УК РФ, понятия преступления, совершенного впервые, или лица, впервые совершившего преступление, имеют не фактическое, а юридическое значение, что обусловлено наличием во всех УК положений о том, что погашение или снятие судимости аннулирует (прекращает) все правовые (уголовно-правовые) последствия, связанные с осуждением (судимостью).

3. В некоторых УК стран СНГ или стран, ранее входивших в состав СССР, присутствуют легальные определения разновидностей множественности преступлений, из содержания которых можно вывести понятие преступления, совершенного впервые. Между тем при наличии в ряде УК специальных статей, посвященных разъяснению понятий, используемых в УК (в частности, ст. 4 УК Беларусь, ст. 3 УК Казахстана), было бы логично

именно в них дать такое разъяснение или определение.

4. Как и в УК РФ, наиболее активно факт совершения преступления впервые в УК рассматриваемой группы учитывается при регламентации различных видов освобождения от уголовной ответственности. Ни в одном из УК факт совершения преступления впервые не влияет на применение того или иного вида наказания и, как правило, на освобождение от наказания или от его отбывания.

5. Отражая с разной степенью факт совершения преступления впервые в нормах Общей части уголовного законодательства, УК рассматриваемой группы в отличие от УК РФ за редким исключением не отражают названное обстоятельство в так называемых «поощрительных примечаниях» к статьям Особенной части. Другими словами, факт совершения преступления впервые здесь никак не влияет на решение вопроса о специальных видах освобождения от уголовной ответственности.

6. В качестве опыта, заслуживающего внимание российского законодателя в регламентации факта совершения преступления впервые, выступает практика более дифференцированной «привязки» данного факта не только к отдельным категориям преступлений, но и отдельным видам преступлений в зависимости от формы вины совершенного преступления. Особого внимания заслуживает идея освобождения от уголовной ответственности (либо от

наказания) лиц, впервые совершивших неосторожное преступление в совокупности с дополнительными условиями и с учетом степени тяжести таких преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (с изм. и дополн. по состоянию на 30.04.2013); Уголовный кодекс Республики Армения (с изм. и дополн. по состоянию на 30.12.2008); Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и дополн. по состоянию на 02.03.2017); Уголовный кодекс Республики Таджикистан; Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и дополн. по состоянию на 23.07.2016); Уголовный кодекс Туркменистана (с изм. и дополн. по состоянию на 09.11.2013). URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (Дата обращения 27.07.2017).

2. Уголовный кодекс Грузии (с изм. и дополн. по состоянию на 03.09.2015). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/143/ru> (Дата обращения 27.07.2017).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и дополн. по состоянию на 19.07.2016) // «КонсультантПлюс» (Дата обращения 01.07.2017).

4. Уголовный кодекс Украины (с изм. и дополн. по состоянию на

15.03.2016). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (Дата обращения 31.07.2017).

5. Уголовный кодекс Республики Молдова (с изм. и дополн. по состоянию на 30.03.2017). URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (Дата обращения 27.07.2017).

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и дополн. по состоянию на 06.05.2017) // «КонсультантПлюс» (Дата обращения 01.07.2017).

7. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт (с изм. и дополн. по состоянию на 27.11.2015) // «КонсультантПлюс» (Дата обращения 01.07.2017).

8. Кольцов Е.Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

9. Шкредова Э.Г. Влияние модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ на уголовное законодательство ряда стран (на примере множественности преступлений) // Милиция / полиция третьего тысячелетия. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с населением. Смоленск, 2001. Вып. 1. С. 238–241.

К. А. Плясов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализированы концептуальные положения учения о криминалистической характеристике преступления. Уделено определенное внимание не утрачивающим актуальности дискуссионным вопросам о соотношении данной научной абстракции со смежной базовой криминалистической категорией – механизмом преступления. Это позволило уточнить теоретико-методологическую основу формирования структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в контексте совершенствования одноименной частной криминалистической методики.

Ключевые слова: преступления, внешнеэкономическая деятельность, криминалистическая характеристика преступлений, структура криминалистической характеристики преступлений, элементы криминалистической характеристики, субъекты преступления, механизм преступления

К.А. Plyasov

THEORETICAL BASIS OF THE FORMATION OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Abstract: The article analyzes the conceptual positions of the doctrine about the criminalistic characteristic of a crime. Some attention to actual issues on the relation of this scientific abstraction to the adjacent underlying crime category – a mechanism of a crime is paid. This helped to clarify theoretical and methodological basis of the formation of the structure and content of criminalistic characteristics of crimes in the sphere of foreign economic activity in the context of improvement of the same-name criminalistics methodology.

Key words: crime, foreign economic activity, criminalistic characteristics of crimes, structure of criminalistic characteristics of crimes, elements of criminalistic characteristics, perpetrators, mechanism for a crime

Современное состояние судебно-следственной практики борьбы с экономической преступностью [1; 2; 3; 4] и ее отображение в научной криминалистической литературе [5] свидетельствует о наличии целого комплекса проблем, связанных с выявлением, раскрытием и расследованием данной разновидности преступных посягательств [6; 7; 8; 9]. В структуре обширной и разнообъектной группы преступлений экономической направленности особый исследовательский интерес представляют преступления в сфере внешнеэкономической деятельности [10].

Согласно данным опубликованной статистики в 2015 г. было выявлено 1093 преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, что превысило аналогичные показатели 2014 г. на 2,5 %. При этом 864 деяния были совершены в крупном или особо крупном размере, либо ими был причинен крупный ущерб, что также превысило аналогичные показатели на 8,0 %. В 2015 г. расследование завершено по 589 делам обозначенной категории, что превысило аналогичные показатели предыдущего года на 12,0 %. Вместе с тем количество лиц, в отношении которых уголовные дела были направлены в суд, составило всего 248 человек, что говорит о снижении данного показателя на 9,5 % [11].

В 2016 г. было выявлено 971 преступление в сфере внешнеэко-

номической деятельности, что ниже аналогичного показателя за 2015 г. на 11,2 %. Этот показатель в целом синхронизирован со снижением количества преступлений указанной категории, совершенных в крупном или особо крупном размере или причинивших крупный ущерб – 753 (на 12,8 %). Но при этом было расследовано всего 324 преступления, что почти в половину (на 45 %) меньше аналогичного показателя предыдущего года. Снизилось и количество лиц, уголовные дела в отношении которых были направлены в суд – 226 (на 8,9 %) [12].

Первое полугодие 2017 г. ознаменовалось активизацией преступности в данной сфере. Так, с января по июнь было выявлено 731 деяние в сфере внешнеэкономической деятельности, превысив аналогичные прошлогодние показатели на 4,1 %. Из них совершенными в крупном или особо крупном размере либо причинившими крупный ущерб оказалось 559 деяний, составив прирост в сравнении с аналогичными показателями прошлого года на 6,1 %.

Активизация внешнеэкономической преступности стимулировала некоторое форсирование правоохранительной деятельности по установлению контроля над указанным сегментом криминалитета, что проявилось в расследовании 228 преступлений, превысив аналогичные прошлогодние показатели на

31,0 %. Соответственно, было направлено в суд 194 уголовных дела, что продемонстрировало ощутимый прирост по сравнению с аналогичным показателем прошлого года на 32,9 % [13].

Таким образом, существенно сниженные показатели расследованных преступлений указанной категории (хотя бы в сравнении с официально выявленными посягательствами), тем более показатели уголовных дел, направленных в суд, свидетельствуют о том, что в данной сфере все еще не налажена результативная следственно-судебная практика, и немало преступных деяний остаются расследованными некачественно, с неопределенной судебной перспективой, а также прекращаются на досудебном этапе. При этом хорошо известна высокая латентность преступлений экономической направленности, обусловленная наличием корыстной мотивации субъектов [14] и, как следствие, их высокой активностью в осуществлении сокрытия преступления и даже противодействия расследованию. Показатели официальной статистики не соответствуют реальной ситуации не только в количественном, но и в качественном аспекте: зачастую выявляются отдельные относительно не сложные деяния, совершенные лицом единолично [15], тогда как групповые и организованные деяния, носящие транснациональный характер либо

сопряженные с участием высокопоставленных должностных лиц, использующих свое служебное положение, все еще достаточно редки.

Поэтому от юридической науки требуется проведение дальнейших исследований с целью тщательного и всестороннего изучения внешнеэкономической преступности, выявления закономерностей механизма совершения названных деяний с целью создания на основе познания и отображения указанных закономерностей добротных рекомендаций по повышению результативности их расследования в формате частных криминалистических методик [16].

Методико-криминалистическим средством [17] углубленного и всестороннего познания механизма преступной деятельности выступает криминалистическая характеристика преступлений [18; 19]. Данная научная абстракция на современном уровне развития криминалистического научного знания обрела статус криминалистической категории, прошедшей периоды становления, активной разработки, кризиса и последующей реабилитации. Будучи введенной в криминалистической научный оборот в конце 60-х гг. XX в., она вследствие повышенного значения, придаваемого ей научной общественностью, переживала период всеобщего увлечения. Но придание ей преувеличенной роли в процессе всестороннего и полного

установления обстоятельств преступления закономерно привело к ее кризису, объявлению фикцией, иллюзией, научным «фантомом». Думается, что критика концепции криминалистической характеристики преступлений имела под собой определенные основания, поскольку разработка указанной категории нередко носила экстенсивный характер за счет расширения перечня ее структурных элементов, включающих иногда и такие показатели, как распространенность преступлений определенной группы, состояние борьбы с ними, особенности квалификации и т. п. На деле в содержание данных элементов заимствовались путем механического копирования известные сведения из иных смежных наук – криминологии, уголовного права и т. д.

Полагаем, что кризис указанной категории был закономерным и необходимым. Он позволил обнажить ее недостатки, а также направления, действительно заслуживающие внимания, скорректировав, таким образом вектор научного познания. Действительно, основные элементы криминалистической характеристики преступлений (особенности личности субъекта преступления и потерпевшего, способ совершения преступления, пространственно-временные условия преступления и иные особенности обстановки, способствующие преступлению, предмет преступного

посягательства) сами по себе относятся к юридическим терминам междисциплинарного характера. Они одновременно выступают объектами различных наук уголовно-правового цикла: уголовного права, криминологии, юридической психологии, оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса, криминалистики и т. д. [20; 21]. Но при этом каждая из вышеназванных юридических наук рассматривает их в контексте собственного научного инструментария (предметно-объектной сферы, методологии и методики). Поэтому даже заимствованные знания из смежных наук (что само по себе означает преемственность научного знания как общую тенденцию развития науки) должны быть ассимилированы в криминалистике сквозь призму криминалистической парадигмы, а не механически скопированы в содержание криминалистической характеристики преступлений.

Единственным элементом криминалистической характеристики преступлений, изначально разрабатываемым сугубо в недрах криминалистики, являются особенности оставляемых следов (данный элемент иногда именуется как особенности механизма следообразования). Знания о закономерностях образования следов, будучи продуктом криминалистической трасологии, исходным образом рассматриваются в рамках криминалистиче-

ской техники. Поэтому и данный элемент в контексте криминалистической методики как раздела криминалистики и, в частности, криминалистической характеристики различных групп преступлений, определенным образом трансформируется в сравнении с традиционными положениями криминалистической трасологии. А именно в соответствии от предопределенных конкретными составами преступных деяний типичных способов преступления, криминалистически значимых особенностей субъектов преступления, окружающей обстановки и т. д. Однако очевидно, что и иные элементы криминалистической характеристики преступлений возможно анализировать именно в плоскости криминалистического научного знания и непосредственно в контексте задач, возлагаемых на криминалистическую характеристику как научную категорию, а не осуществлять механическое и экстенсивное копирование информации из иных смежных сфер.

Для криминалистической характеристики преступлений соответствующей категории важны не любые сведения о данном деянии, а лишь те, которые отображают механизм преступной деятельности [22]. Как известно, под механизмом преступной деятельности в криминалистике понимается сложная динамическая система, отображающая содержание преступной деятельно-

сти. Данное понятие и его дефиниция, а также структура элементов механизма преступления в настоящее время продолжает сохранять дискуссионный характер и активно обсуждаться в криминалистической научной литературе [23. С. 65–128]. Поэтому, не вдаваясь глубоко в содержание этих дискуссий, напомним основные структурные элементы механизма преступления, признаваемые большинством исследователей: субъект (субъекты) преступления; предмет преступного посягательства; способ преступления (приготовления, совершения и сокрытия); последствия преступления, в том числе преступный результат; обстановка преступления (пространственно-временные и иные факторы, влияющие на совершение и сокрытие деяния); поведение и действия иных участников события.

По сути сходную структуру, но с разным исследовательским вектором имеет типовая криминалистическая характеристика преступлений. Являясь результатом познания механизма преступления, она представляет собой совокупность криминалистически значимых элементов преступления, находящихся между собой в состоянии коррелятивных взаимосвязей и взаимозависимостей. Именно выявление коррелятивных взаимосвязей и взаимозависимостей предопределяет системный характер категории

«криминалистическая характеристика преступления». Соответственно, содержание криминалистической характеристики преступлений представляет собой динамически обусловленное отображение слагаемых механизма преступления, отображающее их контактное взаимодействие.

Освещая общие положения криминалистической характеристики преступления, мы говорили о ее типовой структуре. Вместе с тем типовая структура криминалистической характеристики преступлений, отображая наиболее общие закономерности механизма преступной деятельности, не тождественна структуре криминалистической характеристики определенной группы преступлений как элементу частной криминалистической методики. В зависимости от выраженности тех или иных обстоятельств преступного деяния, влияющих на механизм его совершения, определенные элементы могут принимать на себя роль ключевых, системообразующих. Тогда как иные элементы могут не отличаться специфичностью, а потому не являться криминалистически значимыми, либо вообще не входить в содержание механизма преступления. Например, не все преступления совершаются в отношении конкретных потерпевших, соответственно не по всем категориям преступлений имеются потерпевшие как участники уголовного

судопроизводства, поэтому в таких случаях отсутствует и такой элемент криминалистической характеристики преступления, как сведения о типичных потерпевших.

По нашему мнению, типичными элементами криминалистической характеристики преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности (обладающими отчетливой специфичностью с точки зрения механизма преступления) являются: криминалистически значимые особенности обстановки совершения преступлений (на наш взгляд, в данном случае именно этот элемент является ключевым, поскольку он отображает особые условия – режим внешнеэкономической деятельности, а также в нем могут быть заложены критерии для осуществления криминалистической классификации данных деяний); криминалистически значимые особенности субъектов преступления (включая совокупность демографических, служебных, профессиональных и индивидуально-психологических качеств); специфические особенности мотивации субъектов преступления; способы преступления (понимая под этим систему детерминированных единым умыслом и мотивацией действий по приготовлению, совершению и сокрытию преступлений); специфические особенности механизма следообразования; криминалистически значимые особенности потерпевших (характерны

не для всех деяний, входящих в обширную группу внешнеэкономических преступлений). Именно эти структурные элементы в своей совокупности и в коррелятивных взаимосвязях между собой исчерпывающе отображают механизм осуществления преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, в связи с чем будут подробно раскрыты в цикле дальнейших наших работ по заявленной проблематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданян А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 2 (69). С. 49–52.

2. Варданян А.В., Мельникова О.В. Преступления, связанные с нарушением земельного законодательства Российской Федерации: современные тенденции и проблемы расследования // Философия права. 2014. № 5 (66). С. 30–33.

3. Варданян Г.А. Современные тенденции совершения преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных лекарственных средств // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 1 (56). С. 118–121.

4. Варданян А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 72–77.

5. Варданян А.В., Казаков В.В. Тактико-криминалистический потенциал проверки показаний на месте и вопросы

его реализации в целях повышения результативности расследования незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 148–152.

6. Варданян А.В., Антонов В.А., Белохребтов В.С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 112 с.

7. Варданян А.В., Мельникова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота немаркированной алкогольной продукции // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 4. С. 105–108.

8. Варданян А.В. Некоторые организационные и правовые проблемы расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 5 (60). С. 44–47.

9. Варданян А.В., Грибунов О.П., Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 152 с.

10. Жбанков В.А. Криминалистическая характеристика таможенных преступлений: монография. М., 2013.

11. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf.

12. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf

13. Состояние преступности в России за январь–июнь 2017 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Рос-

сийской Федерации. URL: [https:// мвд.рф/
upload/site1/document_file/sb_1606.pdf](https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1606.pdf)

14. Варданян А.В., Казаков В.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 745–754.

15. Плясов К.А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых средств борьбы с уклонением от уплаты таможенных платежей // Общество и право. 2010. № 5. С. 119–122.

16. Варданян А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 17–23.

17. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.

18. Варданян А.В., Ларионов И.А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 9–17.

19. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 153–157.

20. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 244–251.

21. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Междисциплинарный характер категории «способ преступления»: проблема соотношения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 1. С. 244–251.

22. Варданян А.В., Гончаров К.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 3–9.

23. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 360 с.

А.Л. Репецкая

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В статье проанализировано состояние преступности, ее перспективные тенденции постсоветского времени, проблемы правоохранительной деятельности, связанные с субъектами ее осуществления, в том числе их депрофессионализацией, депрофилактизацией, деформацией правовой психологии. Сформулирован вывод о существенном изменении криминогенных детерминант, развитии новых видов преступности в тех сферах, социальный контроль в которых затруднен, а также вывод о том, что изменение структуры и характеристик населения при существующем уровне предупреждения преступности приведет в ближайшем будущем к значительному снижению уровня общественной безопасности и росту преступности.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, общественная безопасность, правоохранительная деятельность, органы внутренних дел.

A.L. Repetskaya

**THE CURRENT STATE OF CRIME AND LAW ENFORCEMENT:
PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

The article analyzes the state of crime, its post-Soviet period promising trends, the problems of law enforcement related to the subjects of its implementation, including deprofessionalization, preventive deprivation, legal psychology deformation. It presents the conclusions on the significant criminogenic determinants change, the development of new types of crime in the areas where social control is difficult, and the conclusion that at the current crime prevention level the changes in the population structure and their characteristics will result in a significant social security reduction and a crime increase in the near future.

Keywords: crime prevention, public safety, law enforcement, law enforcement bodies.

Преступность является одним из немногих явлений в жизни общества, которые определяют уровень его безопасной жизнедеятельности. Не случайно общество и государство прилагают достаточно много усилий и тратят колоссальные ресурсы на противодействие развитию преступности. Это позволяет в необходимой мере сохранять приемлемый уровень общественной безопасности. Однако преступность, будучи системным, самовоспроизводящимся явлением, очень быстро приспосабливается к применяемым формам социального контроля, снижает его эффективность и опережает его реализацию.

В этой связи средства, которые использовались для противодействия преступности еще 20–30 лет назад, сегодня должны быть другими либо в значительной мере совершенствоваться. Центральным субъектом предупреждения преступности является правоохранительная система, которая должна адекватно реагировать на изменения, происходящие в состоянии и структуре преступности. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Резкий переход от жесткого социального контроля при достаточно стабильных социальных гарантиях к демократии, трактуемой как вседозволенность (в силу некоторой особенности российской ментальности), диаметрально изменение ценностных ориентаций и значительное сокращение социальной помощи населению – не могло не повлечь качественного и количественного изменения преступности, уровня ее общественной опасности по сравнению с советским периодом. Следствием таких изменений явилась высочайшая доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, превышающая 50 % в начале постсоветского периода, которая стала снижаться только в 2003 г. (2001 – 60 %; 2002 – 53 %; 2003 – 39,8 %) ¹. Криминализация промышленного комплекса, сопровождающаяся ро-

стом доли экономических преступлений в общей структуре преступности; рост организованной преступности и ее профессионализация; криминализация политической элиты и политизация преступности; корыстная направленность мотивации большинства видов преступного поведения; вытеснение ситуативной преступности предумышленными, тщательно продуманными преступлениями – вот наиболее яркие черты качественной характеристики преступности начала постсоветского периода.

Количественные показатели имели волнообразный рост регистрации преступлений с тенденцией к увеличению вплоть до 2006 г., пикового для всего динамического ряда рассматриваемого периода (3,8 млн преступлений). Преступников же выявлялось все меньше (точнее каждый второй, а по отдельным категориям дел, например экономическим преступлениям – 15–20 %, по должностным – не более 5 %). Соответственно раскрываемость преступлений постоянно снижалась, удельный вес раскрытых преступлений в 2006 г. стал самым низким за весь постсоветский период – 46,5 %.

Между тем противодействие преступности в это время в значительной мере осложнялось депрофессионализацией правоохранительных органов, которая выражалась не только в падении образовательного уровня и отсутствии опыта

¹ Все приведенные в статье статистические данные о состоянии структуре преступности взяты с официального сайта ГИЦ МВД РФ.

практической деятельности у сотрудников, но и значительными деформациями психологии профессиональной деятельности как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Особенно показательны такие деформации в сфере правосознания работников правоохранительных органов, которые формируются в период их профессиональной деятельности. Выделяется до семи типов различных деформаций, среди которых применительно к указанной категории можно выделить четыре основных типа: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм и перерождение [1; 5]. Между тем можно выделить и такие как: *боязнь своих полномочий* (выражающаяся в том, что сотрудники избегают принимать решения, относящиеся к их компетенции, боятся совершить профессиональную ошибку и последующих за ней санкций); *правовой цинизм* (деструктивное отношение к людям, полное отрицание права, криминально-откровенное попираание человеческой правовой культуры и общепринятых правил, попираание прав и свобод граждан) [4]. Самым глубоким видом деформации профессионального сознания является *перерождение* – осознанное игнорирование и отрицание закона, когда желание бороться с преступностью пропадает, а поведение в основном связано с коррупцией и незаконным обогащением. Следует

заметить, что в настоящее время эти деформации, начавшие формироваться в постсоветский период, не только не исчезли, но и основательно углубились.

Кроме того, наблюдалась значительная депрофилактизация в процессе противодействия преступности. Основное внимание государства в этот момент было направлено на решение других задач, в первую очередь политических и экономических. Оно не только само устранилось от процессов противодействия преступности, но и устранило большую часть субъектов этой деятельности: при посылке, что профилактикой должны заниматься все (но наряду со своими основными функциями), в действительности ей не занимался никто, особенно если речь шла о социальной профилактике правонарушений.

Значительное распространение коррупционных процессов окончательно подорвало доверительное отношение к правоохранительной системе со стороны гражданского общества. Так, согласно результатам исследования «Индекс доверия полиции», проведенного фондом «Общественный вердикт» в феврале 2015 г., 42 % россиян говорят о неспособности сотрудников полиции защитить их или их семью от преступных посягательств; 36 % недовольны работой полиции, а 12 % и

вовсе ее боятся, при этом стойкую антипатию высказали еще 17 %¹.

Постоянный процесс реорганизации правоохранительной системы, создание новых структур и управлений с последующим их упразднением также не способствуют ее эффективной работе.

В современный период (2007–2014 гг.) наблюдалось последовательное снижение количественных показателей (с 3,5 млн преступлений в 2007 г. до 2,1 млн в 2014 г.). Рост уровня преступности наблюдался только в 2015 г. Доля тяжких и особо тяжких преступлений снизилась до 22 %, количество организованных преступлений сократилось в регистрации с 31 тыс. до 13,7 тыс. преступлений. Значит ли это, что состояние преступности действительно улучшается, а уровень общественной безопасности повышается?

Давно уже не является большим секретом, что основная доля реальной преступности является латентной, а в регистрации находится лишь незначительная часть из всех совершенных преступлений. Так, например, при среднем количестве в 2,5–3 млн преступлений, находящихся в регистрации каждый год, текущая латентность по разным методикам расчетов составляет 22 млн преступлений [2; 3; 7 и др.]. При этом нередко латентность преступ-

ности действительно является объективной как следствие недоверия населения правоохранительным органам, в первую очередь из-за их коррумпированности либо незаинтересованности в расследовании неочевидных преступлений, сложных для раскрытия.

В результате государство опирается на настолько искаженные данные, что не только не имеет представления о действительном состоянии преступности, но и, оценивая работу правоохранительных органов, видит лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся много лет. Так, например, в пиковый 2006 г. полиция рассмотрела 19,3 млн заявлений и сообщений о происшествиях, при этом решение о возбуждении уголовного дела было принято лишь по каждому шестому сообщению (возбуждено только 3,2 млн уголовных дел). В 2014 г. было рассмотрено уже 29,3 млн заявлений, однако уголовные дела были возбуждены лишь по каждому 17-му из них: было возбуждено 1,7 млн уголовных дел. Таким образом, создается впечатление, что преступность снизилась, тогда как фактически она увеличилась на порядок. Это подтверждают и данные 2015 г., согласно которым даже в регистрации уровень преступности увеличился на 8,6 % и составил 2,35 млн преступлений.

¹ URL: http://publicverdict.org/topics/index_d/12041.html

Между тем криминальная статистика является тем ориентиром, на который равняется вся правоприменительная практика и, как правило, колебания статистической картины преступности вызывают ее соответствующие изменения. Безусловно, что изменения и уголовной статистики, и правоприменительной практики иногда детерминированы политическими интересами, в том числе и местного уровня, но чаще валом преступлений, с которым правоохранительные органы просто не справляются, поэтому регистрируют их весьма избирательно. Однако понимая, что реальная картина преступности совершенно другая, чем представляется в статистических отчетах, они вынуждены, тем не менее, корректировать противодействие преступности, исходя не из ее реального состояния, а в соответствии с тем ориентиром, который выставляет уголовная статистика, самими же правоохранительными органами и сформированная.

Возникает замкнутый круг, который не позволяет не только эффективно противодействовать преступности, вовремя и рационально перераспределяя усилия правоохранительных органов и других субъектов, занимающихся такой деятельностью, но и иметь представление о реальной картине преступности, ее особенностях и характеристиках в том или ином регионе, а соответственно и в стране в целом.

Между тем криминологический анализ свидетельствует, что, несмотря на значительное снижение абсолютных показателей за последние 9 лет, начиная с 2007 г., уровень преступности 2015 г. (2,3 млн) даже в регистрации превышает уровень 1990 г. (1,8 млн) фактически на треть (28 %).

Кроме того, при сравнении относительных показателей распространенности преступности и ее интенсивности советского и постсоветского периодов следует констатировать, что в 1990 г. коэффициент интенсивности преступности равнялся 1243, а в 2015 г. – 1632 преступления, приходящихся на 100 тыс. человек, что значительно выше.

Коэффициент преступной активности, как и абсолютные показатели числа выявленных преступников, по-прежнему значительно отстает от аналогичных показателей зарегистрированных преступлений. Сегодня, как и раньше, выявляется меньше, чем каждый второй преступник, а по отдельным составам только третий, четвертый.

В целом можно констатировать волнообразный характер динамики состояния современной российской преступности с тенденцией поднятия очередной «волны» на качественно иной уровень. Это свидетельствует о том, что принимаемые меры противодействия не являются достаточными. Регистрация преступлений, а также практика отказа

в возбуждении уголовных дел способствуют снижению показателей зарегистрированной, но не реальной преступности.

Кроме того, анализ социально-демографических процессов позволяет прогнозировать на ближайшее будущее рост как абсолютных, так и относительных показателей преступности. Это связано с тем, что Россия прошла пик «демографической ямы», как следствие резкого снижения рождаемости в начале и середине 90-х гг. Количество несовершеннолетних и молодых людей постепенно увеличивается в структуре населения. Население растет также и за счет мигрантов, переезжающих в Россию на постоянное или временное место жительства из сопредельных стран, беженцев из Украины, населения Крыма.

Как не пытается российское государство регулировать миграционные процессы, связанные с ними проблемы, в том числе и криминального характера, они будут только нарастать, поскольку российская экономика нуждается во внешних трудовых ресурсах. Стремление представителей бизнеса удешевить рабочую силу (опять же в силу особенностью российской ментальности) приводит к использованию противозаконных средств, соответственно, к развитию коррупции, криминальной эксплуатации и тому подобным процессам, которые в свою очередь не-

благоприятно влияют на уровень общественной безопасности в целом.

Кроме того, реальностью становится перевод значительной части материальной жизни (документов, фотографий, переписки, денежных операций, покупок, развлечений, книг и т.д.) в цифровое, виртуальное пространство. Развитие цифровых и информационных технологий, компьютерных сетей, расширение Интернет-пространства увеличивает возможности для совершения как традиционных видов преступлений (например, мошенничеств), так и позволяет появляться новым «киберпреступлениям». Представляется, что в ближайшем будущем именно эта часть преступности будет наиболее прогрессивно развиваться сама и детерминировать развитие других преступлений.

Правоохранительная же система пока настроена на реагирование на традиционные виды преступлений, противодействие киберпреступности находится в самом начале своего пути. Специальные отделы по борьбе с такими преступлениями являются немногочисленными и не могут охватить всей латентной части, в которой этот вид в основном и пребывает. По сути ни в законодательной сфере, ни в правоприменительной практике адекватной реакции на эту прогрессирующую угрозу всей общественной безопасности нет.

Сама правоохранительная система, несмотря на колоссальные усилия со стороны государства, не претерпела больших изменений с начала постсоветского периода. Фактически невозможно за достаточно короткий период реорганизации и реформирования любой системы вырастить кадры с другим уровнем профессиональной психологии, этики, образования. Органы внутренних дел, стоящие на передовом рубеже борьбы с преступностью, наиболее яркий тому пример. Более того, сравнительное исследование социально-демографических и нравственно-психологических характеристик личности сотрудников низовых звеньев этой системы и преступников показывают их поразительное сходство [6].

Не думаю, что как-то изменит ситуацию в современной правоохранительной деятельности и создание апреле 2016 г. Национальной гвардии России¹, одной из важнейших функций которой декларируется «участие совместно с органами внутренних дел РФ в охране общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, борьба с экстремизмом и терроризмом». Как представляется, это связано с несколькими ключевыми моментами. Во-первых, нацгвардия создана из уже существующих служб и подразделений, функции которых су-

щественно не изменились, а, во-вторых, ее формирование происходит из кадровых ресурсов уже существующих правоохранительных органов, в основном органов внутренних дел, сотрудники которых вряд ли изменят свой менталитет на новом месте службы. Более того, объединение военных служб (внутренние войска) с гражданскими (органы внутренних дел) может создать внутренние конфликты с учетом существующей разницы в организации тех и других служб. Таким образом, уверенно сказать, что новая структура изменит положение дел в сфере противодействия преступности нельзя.

Что касается современного состояния системы предупреждения преступности, то в практической реализации предупредительной деятельности пока не заметно каких-либо кардинальных изменений. Изменить ситуацию должен вступивший в силу 22 сентября 2016 г. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ», который предназначен для законодательного регулирования этих процессов. Закон предусматривает не только выявление причин и условий правонарушений и преступлений, но и непосредственную работу с потенциальными правонарушителями, реабилитацию наркоманов и алкоголиков, ресоциализацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы,

¹ См.: Указ Президента № 157 от 5.04.2016.

а также оказание помощи как реальным, так и потенциальным потерпевшим.

Стоит ли надеяться, что для осуществления правового регулирования процесса предупреждения преступности найдется необходимая ресурсная база, поскольку сам этот процесс продолжает оставаться самым насущным в свете всеобщей гуманизации уголовной политики и второстепенным с точки зрения правоприменения. Представляется, что в условиях глубокого экономического кризиса ждать эффективно-го предупреждения преступности не приходится, поскольку глобальные факторы, детерминирующие существование и развитие преступности (экономические, политические и пр.), не только не блокируются, а продолжают углубляться и множиться. Противоречия общественного развития не являются объектом воздействия субъектов правоохранительной деятельности и как бы хорошо она ни осуществлялась – предупредить развитие преступности в этих условиях правоохранительные органы не могут. По большому счету их задача на сегодняшний день – пресечение преступлений, а не их предупреждение.

Между тем анализ основных тенденций современной преступности и опыта борьбы с ней свидетельствует, что преступность продолжает активно развиваться, несмотря на снижение большинства регистраци-

онных показателей, причем делает это в сферах сложных для осуществления социального контроля. Меняется структура населения и его характеристики, а правоохранительная система продолжает оставаться на прежнем уровне развития.

Более того, сегодня мы наблюдаем усилия, направленные на сокращение органов внутренних дел, особенно той их части, которая связана с обеспечением безопасности в общественных местах, патрульно-постовых служб. Если раньше по вызову выезжали 3–4 полицейских, то теперь только двое. Показательным результатом таких изменений являются события, произошедшие в мае 2016 г. на Хованском кладбище в г. Москве, где против более чем сотни вооруженных людей первоначально был выставлен патруль из двух полицейских и лишь позже конфликт ликвидировали более 300 сотрудников полиции¹.

Таким образом, стоит констатировать, что предупреждение преступности пока не является приоритетным направлением в деятельности субъектов, осуществляющих противодействие ей. В этой ситуации говорить о благоприятных прогнозах в развитии анализируемых явлений не приходится. Если не изменить уголовную политику в части ее криминологической составляю-

¹ URL: http://www.topnews.ru/news_id_89012.html

щей, уровень общественной безопасности в России будет снижаться, а преступность расти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Канина И.А., Панченко А.М. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников органов безопасности // Вестник ГУУ. 2014. № 17. С. 321–324.

2. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008.

3. Латентность преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2007.

4. Левентюк Л.В. Правовой нигилизм и правовой цинизм: понятия, сход-

ство и различия // Общество и право [Научно-практический журнал]. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2008. № 3 (21). С. 46–48.

5. Ожегова Г.А. О деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2. С. 82–90.

6. Панченко П.Н. Государственная власть и ее роль в борьбе с преступностью // Криминологический журнал БГУЭП. 2009. № 1. С. 7.

7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.

В. Г. Степанова

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР
БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Статья посвящена анализу правовых норм, регламентирующих основания, условия и порядок принятия решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: государственная защита, основания применения мер безопасности, условия применения мер безопасности

V. G. Stepanova

**LEGAL GROUNDS FOR TAKING SECURITY MEASURES FOR
PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEDURE**

This article is devoted to the analysis of legal norms regulating grounds, conditions and procedure of making a decision on application of security measures for participants of criminal proceedings.

Keywords: state protection, the grounds for taking security measures, the conditions of application of security measures

В свете продолжающихся процессов демократизации общества одним из актуальных направлений развития уголовного судопроизводства остается вопрос обеспечения правовой защищенности граждан, оказавшихся вовлеченными в эту сферу общественной жизни. Масштабность поставленных государством задач по укреплению законности в области уголовного судопроизводства обуславливает необходимость дополнительных исследований механизма осуществления государственной защиты участников процесса.

В качестве основания применения мер безопасности в ч. 3 ст. 11 УПК РФ законодатель предусмотрел угрозу убийством, применением

насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Статья 16 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» основаниями применения мер безопасности называет данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты [8].

Изучение содержания угрозы, направленной на права и свободы лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, позволяет сделать вывод о том, что под угрозой следует понимать не только проявления человеческой активности, подпадающие под действие Уголовного кодекса РФ (угроза убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями), но и иные формы воздействия. К их числу следует относить и такие действия, совершение которых не влечет наступления уголовной ответственности, однако результативность осуществления которых не уступает криминальным проявлениям (например, анонимные звонки, постоянное следование за человеком, присылание трупов убитых животных либо фотографий трупов людей). Таким образом, отмечая единообразный подход законодателя к установлению оснований осуществления деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, при комментировании данных положений целесообразно применять расширительное толкование.

Неотъемлемым атрибутом исследования любого правового института, помимо изучения оснований возникновения правовых отношений, является исследование

условий, обуславливающих их возникновение.

В теоретических исследованиях, посвященных обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, в качестве условия осуществления деятельности по их государственной защите отмечается необходимость установления реальности угрозы.

Понятие «реальность угрозы» в законодательстве не раскрыто, однако смысловое наполнение, этимология слов позволяет сделать вывод о существовании объективно существующих обстоятельств, вызывающих ощущение беспокойства и страха причинения вреда жизни и здоровью, имуществу в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Так, согласно толковому словарю русского языка С. Ожегова «реальный» значит «действительно существующий, не воображаемый», «осуществимый, отвечающий действительности» [4]. В то же время «угроза» – «запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло» либо «возможная опасность» [5]. Таким образом, под угрозой можно понимать как уже существующее явление в виде состоявшегося акта запугивания, либо только прогностически существующую возможность возникновения опасности.

Следовательно соотнести понятия «реальность» и «угроза» можно только применительно к первому варианту определения, по-

нимая под реальностью угрозы объективно существующий, состоявшийся акт запугивания, обещания причинить зло. В этом случае лицо, осуществляющее проверку поступившего заявления, имеет возможность установить и документально подтвердить факт угрозы и ее реальность. Во втором же случае действительность существования «возможной опасности» установить не реально, поскольку возможность возникновения чего-либо не является состоявшимся фактом объективной действительности. Соответственно, несмотря на указание в законе на необходимость установления «реальности угрозы», фактически реализовать данное требование возможно лишь в случаях физического проявления угрозы причинения вреда охраняемым законом интересам. В остальных случаях реализовать предписание закона не представляется возможным.

Комментируя положения законодательства, Я. Д. Абдуллаев указывает, что угроза должна восприниматься участниками уголовного судопроизводства как вполне осуществимая, а установление правоприменителем реальности угрозы должно обуславливаться совокупным анализом таких обстоятельств, как тяжесть совершенного преступления, значимость показаний участника уголовного судопроизводства для разрешения уголовного дела по существу, а также восприятие угро-

зы понуждаемым лицом однозначно в соответствии с ее фактическим смыслом как вполне осуществимую, вызывающую беспокойство, страх, нервозность и неуверенность в безопасности своей жизни, здоровья, имущества, а также близких лиц [1. С. 28.].

В то же время в работах некоторых авторов встречается резко отрицательное отношение к необходимости установления реальности угрозы. Так, например, Л. И. Лавдаренко указывает на то, что наличествующая угроза причинения вреда охраняемым законным интересам граждан не всегда может иметь внешние проявления до самого момента причинения такого вреда. Данная позиция автора представляется обоснованной [2] и позволяет сделать вывод о том, что зачастую установить материальные проявления такой угрозы невозможно и правоприменителю следует учитывать наличие лишь потенциально возможной угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Вышеизложенное обосновывает тезис о целесообразности исключения понятия «реальности» угрозы как условия применения мер безопасности из положений ст. 16 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и

иных участников уголовного судопроизводства».

В соответствии с п. 6.2. Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких, утвержденного приказом МВД РФ от 21 марта 2007 г. № 281 (далее по тексту – Административный регламент), должностные лица органов внутренних дел обязаны разъяснять право на применение мер государственной защиты большинству участников уголовного судопроизводства, а также заявителям, очевидцам, жертвам преступлений, иным лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления и установленным УПК РФ близким родственникам, родственникам и близким лицам, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на указанных выше защищаемых лиц [6].

Таким образом, данные права должны быть впервые разъяснены уже на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве проверки по поступившему заявлению (сообщению) о преступлении. В ходе предварительного расследования

следователь, дознаватель также обязаны при работе с различными категориями участников уголовного судопроизводства разъяснять им право на применение мер обеспечения их безопасности. Целесообразно осуществлять разъяснение данного права при получении объяснений, при наделении процессуальным статусом и ознакомлении с общими процессуальными правами.

Процедура принятия решения о применении мер безопасности различается в зависимости от характера подлежащих применению мер государственной защиты. Порядок применения процессуальных мер государственной защиты регламентируется уголовно-процессуальным законодательством [3. С. 32–39]. В каждом случае следователь, дознаватель, принимая решение о необходимости обеспечения защиты участника уголовного судопроизводства, руководствуется общими правилами производства того или иного следственного (процессуального) действия. Порядок же рассмотрения и разрешения ходатайства о применении мер безопасности непроцессуального характера предусматривается указанным выше Административным регламентом.

Меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме, а в отношении несо-

вершеннолетних – на основании письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих) или с их согласия, выраженного в письменной форме.

В случае, если применение мер безопасности затрагивает интересы совершеннолетних членов семьи защищаемого лица и иных проживающих совместно с ним лиц, необходимо их согласие, выраженное в письменной форме. Нормами закона не предусмотрены такие случаи, когда лицо находится в бессознательном состоянии после совершенного на него покушения и, соответственно, его физическое состояние не позволяет дать согласие на применение мер безопасности, что формально позволяет признать отсутствие надлежащего повода для применения мер безопасности. Безусловно, данная ситуация также подлежит урегулированию на законодательном уровне.

Заявления (сообщения) о действиях, образующих состав уголовного преступления, регистрируются в порядке, предусмотренном Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административ-

ных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД РФ от 29 августа 2014 г. № 736 [7].

Следователь или иные уполномоченные лица обязаны рассмотреть поступившее заявление (сообщение), организовать проверку наличия угрозы в день поступления (или немедленно). Обоснование необходимости применения мер безопасности или отказа в их применении производится по результатам проверки заявления (сообщения). К способам проверки в соответствии с п. 21.2 и 21.3 Административного регламента отнесены:

- производство опроса заявителя лично или по телефону;
- направление запросов в органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридическим и физическим лицам с целью получения необходимых сведений по заявлениям и сообщениям об угрозе безопасности участников уголовного судопроизводства;
- производство процессуальных действий в порядке предусмотренном УПК РФ.

Представляется, что к числу субъектов, обязанных производить проверочные мероприятия по факту обращения о наличии угрозы участнику уголовного судопроизводства, должны быть отнесены и специализированные органы дознания с имеющимися в их арсенале средствами и методами, в дальнейшем

уполномоченными на осуществление мер безопасности. Таким образом будет расширен спектр способов проверки заявлений (сообщений) о наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и (или) имущество и обеспечена большая легитимность принимаемых решений.

В результате проведенной проверки заявления (сообщения) о наличии угрозы должны быть установлены следующие обстоятельства:

1) наличие угрозы и ее реальность (в соответствии с действующими положениями закона);

2) причины поступления угроз, нахождения в опасности (направленность угрозы на причинение вреда в связи с участием лица в уголовном судопроизводстве);

3) степень опасности, в которой лицо находится в текущий момент;

4) перечень близких лиц, через которых может быть оказано давление;

5) место работы (учебы) лица.

В ходе проверки также целесообразно оценить отношение самого лица к имеющейся опасности и отношение лица к правоохранительным органам и подразделениям государственной защиты, в частности.

Принимая во внимание, что сведения о наличии угрозы могут поступать как в стадии возбуждения

уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования, следует отметить, что арсенал имеющихся у следователя (дознателя) процессуальных средств и способов проверки зависит именно от стадии, на которой поступило обращение. В стадии возбуждения уголовного дела следователь (дознатель) имеет возможность производить лишь следственные действия, производство которых допустимо в данной стадии (осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр трупа, освидетельствование, назначение и производство экспертиз). В стадии предварительного расследования при производстве проверки заявления (сообщения) о наличии угрозы участнику уголовного судопроизводства могут быть допрошены как сам участник, так и иные лица, обладающие необходимой информацией (например, родственники заявителя), проведены такие следственные действия, как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, выемка предметов и документов, содержащих угрозы и их осмотр.

Также в ходе проверки заявления (сообщения) об угрозе особое внимание следует уделить и сбору материалов, характеризующих личность заявителя, поскольку заявитель в силу личностных характеристик либо иных причин (психиче-

ское расстройство, например) может придумать или неадекватно оценивать угрозу.

По результатам проведенной проверки следователь, начальник органа дознания обязаны принять решение о применении мер безопасности либо об отказе в применении таковых.

Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абдуллаев Я. Д. Деятельность государственных органов по защите участников уголовного судопроизводства: учебно-практическое пособие. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2016. 88 с.

2. Лавдаренко Л. И., Амосова Т. В. К вопросу о формировании категории «безопасности личности» в сфере уголовного судопроизводства // Рос. следователь. 2015. № 16. С. 14–19.

3. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: учеб.-практич. пособие / А.В. Коршунов,

В. Г. Степанова. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2017. 76 с.

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=29865&sl=oj>.

5. Там же.

6. Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролируемых органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких: приказ МВД РФ от 21 марта 2007 г. № 281 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 47. 19 нояб.

7. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 // Рос. газ. 2014. № 260. 14 нояб.

8. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 7 февр. 2017 г. № 7-ФЗ) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

А.Г. Халиулин

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РОССИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА**

Статья посвящена регламентации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в законодательстве Российской Федерации. Автор рассматривает функции прокурора в уголовном судопроизводстве. Анализируются предложения об изменении законодательства, в том числе введении института следственных судей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прокурор, функции, следствие, суд.

A.G. Khaliulin

**THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA ABOUT
THE PROSECUTOR'S ACTIVITIES**

The article is devoted to regulation of the criminal procedural activities of the Prosecutor in the legislation of the Russian Federation. The author examines the Prosecutor's functions in criminal proceedings and analyzes proposals for changes in legislation, including the institution of investigative judges.

Keywords: criminal proceedings, the Prosecutor, functions, investigation, court.

Современный российский уголовный процесс во многом базируется на положениях, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства¹ 1864 г. (далее – УУС).

Как известно, в соответствии с УУС следствие производили судебные следователи, являвшиеся по своему статусу членами окружного суда, при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей. Хотя деятельность прокурора именовалась не «надзор», а «наблюдение», прокурор имел достаточно широкие полномочия. Так, он направлял судебному следователю предложения о производстве следствия. Следователь, начав следствие не по предложению прокуро-

ра, ставил в известность прокурора и его товарища. Статья 278 УУС устанавливала, что «прокуроры и их товарищи следствия не производят, но дают предложения о том и постоянно наблюдают при производстве сих следствий» [1]. В соответствии со ст. 280 УУС прокуроры и их товарищи имели право присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство, не останавливая хода следствия. Статья 279 УУС определяла властные полномочия прокурора в отношении дознавателей: «По производству дознания о преступных действиях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей».

¹ Далее – Устав уголовного судопроизводства, УУС.

Судебный следователь был обязан по всем предметам исполнять законные требования прокурора или его товарища с отметкой в протоколах, какие меры приняты по его требованию. Это было определено ст. 281: «По всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собиранию доказательств, судебный следователь исполняет законные требования прокурора и его товарища с отметкой в протоколах, какие именно меры приняты по его требованию». В случае наличия препятствий судебный следователь выполнял требование, насколько было возможно, уведомлял прокурора или его товарища и ожидал их разрешения (ст. 282 УУС). При взятии лица под стражу судебный следователь немедленно сообщал ближайшему лицу прокурорского надзора (ст. 283 УУС). Прокурор или его товарищ имел право предложить освободить обвиняемого из-под стражи.

Статья 286 УУС устанавливала, что прокурор или его товарищ имели право требовать дополнения следствия по сделанным им указаниям, хотя бы судебный следователь признал бы следствие окончанным. Прокурор имел право определять подследственность. Так, прокурор окружного суда и министр юстиции – генерал-прокурор имели право предлагать к производству дела вне территорий судебных следователей (ст. ст. 173, 174 УУС).

Привлечение к следствию в качестве обвиняемого осуществлялось судебным следователем как по своей инициативе, так и по предложению прокурорского надзора постановлением (ст. 270 УУС). По окончании следствия судебный следователь направлял все производство прокурору или его товарищу (ст. ст. 402–405, 478 УУС) [1].

Прокурору окружного суда, осуществлявшему наблюдение за следствием, предоставлялось право привлекать к ответственности чинов полиции, отдельного корпуса жандармерии, волостных и сельских начальников, а также судебных врачей за упущения и беспорядки при производстве по уголовным делам. Прокурор решал, произведено ли следствие с надлежащей полнотой, следует ли обвиняемого предать суду, или дело о нем должно быть прекращено или приостановлено. Обвинительный акт прокурора являлся документом предания суду.

В судебном производстве прокуроры и их товарищи поддерживали обвинение по всем уголовным делам в общих судебных местах (окружные суды, Судебная палата, Правительствующий сенат), в том числе в суде присяжных. При рассмотрении дел мировыми судьями обвинение поддерживали полицейские чины.

В «Систематическом комментарии» к Уставу уголовного судопроизводства отмечалось: «Пригово-

ры могут быть пересмотрены как по жалобам участвующих в деле лиц, так и по протестам лиц, коим вверен прокурорский надзор (ст. ст. 847, 934). Прокурорский надзор может приносить кассационные протесты как в интересах обвинения, так и в интересах подсудимого. Остальные могут просить об отмене приговора в части, затрагивающей их личные или имущественные права» [1].

В этом же комментарии его авторы отмечали: «Роль законоохранительная принадлежит в процессе только прокуратуре» (А.В. Маклецов); «В мировых съездах на прокурорский надзор возложены лишь законоохранительные, а не обвинительные функции» (Л. Таубер). По делам, рассмотренным мировыми судьями, полицейские направляли отзыв товарищу прокурора, а он решал, направить ли его мировому судье, заменить его своим протестом или оставить без изменения, т. е. в «контрольных инстанциях» принимал участие только прокурор.

Таким образом, в Уставе уголовного судопроизводства прокурор был одной из центральных фигур, принимающей участие как в досудебном, так и в судебном производстве. В УУС была последовательно закреплена надзорная функция прокурора в досудебном уголовном процессе в сочетании с его обвинительной функцией на судебных стадиях.

До настоящего времени остаются актуальными слова Н. В. Муравьева, который характеризовал правовое положение прокурора на досудебных стадиях судопроизводства следующим образом: «...являясь обвинителем, прокурор как орган правительства обязан преследовать преступника в общественных интересах, но, будучи в то же время блюстителем закона, он ведет это преследование во имя закона, исключительно для раскрытия истины и при этом так, что до суда на нем лежит беспристрастное участие в предварительном исследовании, а на суде, где прокурор участвует в качестве настоящего обвинителя, права его уравниваются правами подсудимого, хотя и здесь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлечение в пользу обвинения» [2. С. 105].

Эта же концепция была закреплена и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. (в ред. 1923 г.), а также в УПК РСФСР 1961 г.

Как представитель государства (а ст. 2 Конституции Российской Федерации провозгласила, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства) прокурор обязан обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Осуществление надзора за соблюдением Кон-

ституции Российской Федерации и всех законов, действующих на территории страны, возложено на прокурора Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Это обуславливает выполнение прокурором в уголовном процессе не только функции уголовного преследования, обеспечивающей привлечение виновных к установленной уголовным законом ответственности, но и правозащитной, или, как ее называют некоторые исследователи, правообеспечительной функции [3. С. 4]. Так, В.Г. Ульянов отмечал, что «из процессуального положения прокурора как стороны обвинения в состязательном процессе правомерно делать вывод о равенстве его прав с правами других участников процесса в доказывании, но нет оснований уравнивать иные полномочия, в частности обязанности сторон» [4. С. 7]. Эти обязанности возложены на прокурора как на представителя государства.

В современном уголовном судопроизводстве, как представляется, прокурор выполняет несколько процессуальных функций, из которых функция уголовного преследования – не единственная, а скорее производная от основной функции прокуратуры – надзорной [5. С. 124]. Функция надзора за исполнением законов, соблюдением в процессе уголовного судопроизводства прав граждан, бесспорно, осуществляется и в досудебном производстве по уголовному де-

лу. Признание за прокурором правозащитной функции, как отмечала Н.Ю. Решетова, способствует укреплению законности [6].

Проблемы, связанные с ролью и функциями прокурора в современном уголовном процессе, ранее исследовались Г.Н. Королевым, А.А. Тушевым и другими учеными [7].

При этом доминирует мнение о том, что прокурор, оставаясь стороной обвинения, продолжает осуществлять функцию уголовного преследования, но одновременно является представителем государства, защищающим интересы пострадавших от преступления лиц, а также общества и государства, т. е. выполняет правозащитную функцию.

Таким образом, реализуя определенные в Федеральном законе о прокуратуре (ч. 2 ст. 1) приоритетные цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, прокурор и в уголовном судопроизводстве осуществляет также правозащитную функцию. Это вполне согласуется с назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). По этой причине, как представляется, например, доводы И.Л. Петрухина и некоторых других ученых о том, что принесение представлений в пользу осужденных (подсудимых) не дает оснований го-

ворить об осуществлении прокурором правозащитной деятельности, несостоятельны [8. С. 181–192]. Защита прав и законных интересов не только потерпевших, но и обвиняемых, подозреваемых осуществляется прокурором с использованием различных предоставленных УПК РФ полномочий.

Мы полностью согласны с утверждением Н.Ю. Решетовой, что «сложность привлечения лиц к уголовной ответственности обусловлена необходимостью предоставления им целого комплекса прав и возложения на них специфических обязанностей. История становления уголовного судопроизводства показывает, что любой государственный орган, наделенный неограниченными властными полномочиями в данной сфере, рано или поздно превращается в аппарат, подавляющий общественные институты. С другой стороны, тоталитарные режимы в качестве средства подавления оппозиции всегда создавали и создают особую систему подавления, которая на некоторое время обеспечивает существование таких режимов. Поэтому опыт нашей цивилизации убедительно подтверждает жизнеспособность именно такого государственного механизма, который действует на основе системы “сдержек и противовесов”, обеспечивая тем самым приоритет общечеловеческих и общесоциальных ценностей» [6].

В отличие от прежнего законодательства в УПК РФ в п. 45 ст. 5 содержится определение сторон, в соответствии с которым ими являются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. В ст. 15 УПК РФ разъясняется содержание одного из основных принципов уголовного судопроизводства: «Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом».

С учетом определенной таким образом функции суда в уголовном судопроизводстве не вполне, на наш взгляд, увязываются предложения по созданию в Российской Федерации института следственных судей [9].

Предложения о введении в российский уголовный процесс института следственных судей были изложены руководителем Постоян-

ной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека доктором юридических наук профессором Т.Г. Морщаковой [10]. В связи с поручением Президента Российской Федерации по поводу данных предложений были представлены мнения Верховного суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, в которых эти предложения получили в основном отрицательную оценку [11]. Вместе с тем предложения были положительно оценены Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титовым, Комитетом гражданских инициатив, возглавляемым А.Л. Кудриным, а также адвокатским сообществом.

Указанные предложения вызвали также научную дискуссию, в ходе которой заведующий кафедрой уголовного процесса МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор Л.В. Головкин высказал мнение о несостоятельности концепции введения института следственных судей [12]. Ему возразил советник Конституционного суда Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А.В. Смирнов [13], а также группа ученых во главе с доктором юриди-

ческих наук, профессором А.С. Александровым, представивших «Доктринальную модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [14].

Как отмечал Л.В. Головкин, «К концу 2014 года в российских юридических кругах и, даже в более широком плане, в российском общественном мнении, начал активно продвигаться тезис об абсолютной необходимости введения у нас так называемого института следственных судей. Дескать, вот оно – чудесное лекарство, которое позволит исцелить отечественный уголовный процесс едва ли не от всех его недугов, и сконструировать в России систему уголовной юстиции “цивилизованного образца”» [12]. Характеризуя ситуацию со следственными судьями в Европе, Л.В. Головкин пишет: «Во Франции производящие предварительное следствие следователи обладают судьейским статусом, поэтому называются “следственными судьями” (juge d’instruction). Но в процессуальном смысле они обладают такими же полномочиями, как и наши следователи (производить следственные действия, выявлять виновных, прекращать уголовное дело, предъявлять обвинение и т. п.). Какое это имеет отношение к “инициативе о следственных судьях”? Ни малейшего. Тогда к чему здесь ссылка на Францию?»

В Германии предварительного следствия вообще нет (с 1974 г.). Там есть судебный контроль за прокурорско-полицейским дознанием, который в зависимости от загруженности судов, количества в них судей и т. п. осуществляет либо рядовой судья, одновременно выполняющий в суде другие функции (по рассмотрению гражданских и уголовных дел и т. п.), либо опять-таки рядовой судья, которого председатель суда специально “посадил” на рассмотрение вопросов расследования. В процессуальном смысле в рамках конкретного дела он по традиции именуется “следственным судьей” (*ermittlungsrichter*). Точно так же наш УПК именуется “следователем” любого следователя, принявшего дело к своему производству (независимо от звания, должности, ведомства и т. п.). В России также есть судебный контроль. У нас также эту функцию может выполнять любой судья в порядке очередности, а могут некоторые судьи, которым председатель поручает эту миссию чаще других. Просто мы не называем такого судью “следственным”. Только и всего. Какое это имеет отношение к “инициативе о следственных судьях”? Ни малейшего. Тогда к чему здесь ссылка на Германию?» [12].

Соглашаясь в целом с аргументами профессора Л.В. Головки (несостоятельность выводов об «опыте европейских стран» – Фран-

ция, Германия, Швейцария, о «благое с точки зрения прав человека и качества уголовной юстиции», «о благе для экономики в период кризиса»), полагаем необходимым дополнить следующее.

Проект, предложенный Т.Г. Морщаковой, вряд ли имеет аналоги и в американском уголовном процессе. В США и других странах общего права нет официального предварительного следствия; судья до выдвижения обвинения прокурором принимает решения об аресте, о прослушивании телефонных переговоров, о наложении ареста на имущество и счета в банках и т.д. Уголовный процесс начинается с момента обращения прокурора в суд. Объем выдвигаемого обвинения определяет прокурор; исключение составляет существующее примерно в половине штатов большое жюри (*grand jury*), которое фактически выносит решение по очень незначительному количеству дел.

Не является обоснованной ссылка в проекте на опыт стран СНГ, в том числе Украины. В этой стране были введены следственные судьи, но исключительно для осуществления судебного контроля в виде вынесения решений о применении мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, производстве следственных действий, а также по поступающим в суд жалобам. Однако следственные судьи на

Украине (по данным до марта 2014 г.) не имеют никаких полномочий по формированию доказательств в ходе предварительного следствия и по направлению уголовного дела для рассмотрения судом по существу. В связи с этим представляет интерес мнение доцента Крымского федерального университета им. Вернадского М.А. Михайлова о ситуации, сложившейся в уголовно-процессуальной деятельности после введения в Крыму института следственных судей в соответствии с УПК Украины в 2012 г. и до его ликвидации в связи с введением в республике действия УПК РФ в 2014 г. Он пишет: «Надежды на сокращение документооборота, сроков расследования, защиту потерпевших от необоснованных отказов в расследовании, а подозреваемых и обвиняемых – от произвола и нарушения прав человека, мягко говоря, не оправдались. Отчасти это можно объяснить чрезмерно активным судебным контролем. Следователь без разрешения следственного судьи не мог сделать и шага. Не только традиционные обыск или снятие информации с каналов связи, но и элементарная выемка, осмотр места происшествия и следственный эксперимент в жилище, отдельные случаи получения образцов для исследования и назначения судебно-медицинской экспертизы были возможны лишь с разрешения следственного судьи. Ходатай был вынужден тратить часы своего

рабочего времени на ожидание у кабинета судьи для того, чтобы получить разрешение на элементарные действия. Во внерабочее время добиться судейского разрешения было и вовсе невозможно. Все это привело к тому, что следователи существенно снизили количество обращений в суд с ходатайствами о производстве следственных действий и избрании мер пресечения. Все это преподносилось как достижение в области соблюдения прав человека. Однако никто не просчитал, как это повлияло на доведение расследования до конца и направление дела в суд» [15].

По мнению Ш.М. Абдул-Кадырова, «судебный контроль, осуществляемый по поступившим в суд жалобам и ходатайствам, не может заменить прокурорский надзор, имеющий характер постоянного наблюдения за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам. Так, прокурами в 2014 г. было отменено 105 828 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, в том числе только 3 535 – в связи с поступившими жалобами, отменено 16 566 постановлений о прекращении уголовных дел, из них по жалобам – только 610, постановлений о приостановлении производства по уголовным делам отменено 229 348, а по жалобам из них – 3328. Безусловно, следственный судья не может осуществлять постоянный

судебный контроль за законностью всех процессуальных решений, как это делает прокурор» [16]. В связи с этим обоснованным представляется вывод Л.В. Головки о том, что следственный судья будет обращаться к материалам предварительного следствия фрагментарно, нарушая при этом основной принцип оценки доказательств во всей их совокупности. Что же касается ограничения полномочий прокурора, то, как представляется, следовало бы вести речь о восстановлении этих полномочий, а не о компенсации их сокращения судебным контролем.

Необоснованно также и определение прокурора как «государственного обвинителя» в досудебном производстве. Как известно, со времен Устава уголовного судопроизводства прокурор в досудебном производстве обвинителем не именовался, но осуществлял «наблюдение» за предварительным следствием. Что же касается вовлечения судьи (в данном случае – следственного) в процесс формирования на предварительном следствии доказательств, которые впоследствии будут представлены суду, то это, на наш взгляд, превращает суд из органа, разрешающего спор между сторонами, в орган, который действует на стороне обвинения или защиты (чаще всего на стороне обвинения), что противоречит упомянутым выше положениям УПК РФ. Кроме того, как справедливо отмечала О.В. Отчерцова, это мо-

жет привести к тому, что судебное следствие превратится в формальность, так как суд будет автоматически принимать доказательства, рассмотренные следственным судьей [17. С. 15].

Представляются также мало-реальными предложения о том, чтобы следственный судья принимал решения о направлении уголовного дела с обвинительным заключением в суд. Если суд примет подобное решение, то он оценивает собранные по делу доказательства и признает их относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными для поддержания прокурором государственного обвинения, т.е. опять становится на сторону обвинения. Более того, нельзя признать обоснованным определение следственным судьей объема обвинения, которое в суде будет поддерживать прокурор. Предложение о том, чтобы суд прекращал уголовное дело, в том числе и по реабилитирующим основаниям, также необоснованно, поскольку такое решение будет выноситься вместо оправдательного приговора.

Полномочия по избранию мер пресечения предлагается возложить исключительно на следственных судей. Однако ч. 13 ст. 108 УПК РФ в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ наоборот исключала возложение этих полномочий на одного и того же судью на постоянной основе с тем, чтобы избежать коррупциогенных факторов.

Вместе с тем представляется обоснованным предложение о необходимости исключить возможность рассмотрения уголовного дела по существу тем же судьей, который принимал в ходе досудебного производства по тому же уголовному делу решения, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ. Как известно, это допускается в настоящее время в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 63 УПК РФ Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ. Но эти изменения, внесенные в УПК РФ до введения его в действие, обосновывались тем, что во многих субъектах Российской Федерации имелись односоставные или двухсоставные районные суды. Это делало бы невозможным рассмотрение в них уголовных дел, по которым судьи выносили в досудебном производстве указанные решения. За прошедшие 13 лет по инициативе Верховного суда Российской Федерации было принято большое количество федеральных законов о создании укрупненных районных судов, что исключало бы необходимость передачи уголовных дел по этим причинам в другой суд. Поэтому в ст. 63 УПК РФ может быть внесено соответствующее дополнение.

Таким образом, современный уголовный процесс России, сохраняя традиции, заложенные Уставом уголовного судопроизводства, объективно предусматривает участие

прокурора как в досудебных, так и в судебных стадиях. Попытки заменить прокурора руководителем следственного органа, следственным судьей не могут дать положительного результата. Иное означало бы изменение всего существа уголовного процесса России, его построение на совершенно иной, чуждой для российского законодательства основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уставъ уголовного судопроизводства. Систематическій комментарий. М., 1914.
2. Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. статей / науч. ред., сост. С. М. Казанцев. СПб., 2001.
3. Курочкина Л.А. Проблемы обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве. Процессуальные и криминалистические аспекты. СПб., 2002.
5. Халиулин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997.
6. Решетова Н.Ю., Великая Е.В. Прокурор в апелляционном судопроизводстве по уголовным делам: науч. докл. М.: НИИ Академии Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013.
7. Королев Г.Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 385–397; Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб., 2006. С. 271–286.

8. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.

9. Главный по арестам // Рос. газ. 2015. 12 марта.

10. Электронный ресурс. Международная ассоциация содействия правосудию.

11. Опубликовано на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: www.genproc.gov.ru

12. Головкин Л.В. Следственные судьи или очередной раунд американизации российского уголовного процесса. URL: zakon.ru. (17.03.2015); Он же. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции. URL: rapsinews.ru (22.03.2015).

13. Смирнов А.В. Вокруг института следственных судей: манипуляции с

«американизацией» и «объективной истинной». URL: rapsinews.ru (23.03.2015).

14. URL: rapsinews.ru (11.04.2015).

15. Михайлов М.А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации. URL: rapsinews.ru (29.04.2015).

16. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

17. Отчерцова О.В. Возрождение института следственных судей // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4.

**С.Л. Никонович, А.А. Шаевич, О.В. Трубкина
СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в практической деятельности, связанные с порядком назначения и производства экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела, вызванные изменениями, внесенными Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Затрагиваются отдельные аспекты судебно-экспертной деятельности на стадии предварительного расследования, анализируется практика назначения и производства экспертиз и предварительных исследований.

Ключевые слова: использование специальных знаний, доследственная проверка, предварительное исследование, назначение экспертизы, производство экспертизы, возбуждение уголовного дела, использование специальных знаний.

**S.L. Nikonovich, A.A. Shaevich, O.V. Trubkina
MODERN PRACTICE OF APPOINTMENT AND PRODUCTION OF
JUDICIAL EXPERTISE AT THE STAGE OF EXCITATION OF THE
CRIMINAL CASE**

In the article the problems arising in practical activity connected with the order of appointment and production of examinations at the stage of criminal case initiation, caused by changes introduced by Federal Law No. 23-FZ of March 4, 2013, are considered. Some aspects of forensic activity at the stage of preliminary investigation are touched upon, practice of appointment and production of examinations and preliminary studies are analyzed.

Key words: the use of special knowledge, pre-investigation verification, preliminary investigation, the appointment of expertise, the production of expertise, the institution of criminal proceedings, the use of special knowledge.

С принятием Федерального закона РФ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ назначение и проведение судебных экспертиз стало возможным до возбуждения уголовного дела. Тем не менее принятие данного решения было осуществлено без си-

стемной проработки иных положений УПК РФ, затрагивающих рассматриваемую сферу деятельности. Данное обстоятельство закономерно породило ряд противоречий, проявившихся в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, назначающих судебные экспертизы, о чем указывается в многочисленных научных исследованиях [1–7 и др.].

Примерно в это же время в экспертном сообществе и около него большой резонанс имел проект Федерального закона РФ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 306504-6. После многочисленных замечаний и критики переработанный вариант проекта прошел правовую экспертизу и был принят с незначительными замечаниями 20 ноября 2013 г. в первом чтении Государственной Думой РФ, однако в дальнейшем его продвижение было приостановлено. Этому способствовали как объективные, так и субъективные причины.

В.А. Семенцов указывал на то, что «...допуская судебную экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела, законодатель не учел одно обстоятельство: формально-правовым основанием проведения экспертизы в досудебном производстве является постановление следователя, которое, однако, может быть вынесено лишь при производстве предварительного расследования, как закреплено в п. 25 ст. 5 УПК РФ» [8. С. 116].

Судебная экспертиза, являясь основной формой использования специальных знаний, представляет собой «...процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены пе-

ред экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [9].

Предмет судебной экспертизы есть интегрированное воплощение разрешаемых ею задач, а задачи исследования – это элементы, шаги, этапы, отражающие определенный аспект предмета исследования [7. С. 45].

Определяя роль специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, А.В. Варданян и Г.М. Овсепян указывали на то, что «одним из высокоинформативных источников доказательственной информации ...является использование специальных знаний незаинтересованных в результатах расследования сведущих лиц, которые лишены субъективизма и чрезмерных эмоций, объективно и на основе научных методов и методик, путем проведения исследования могут определить обстоятельства, имеющие значение для расследования» [10. С. 68].

С развитием науки и техники доступность специальных, в том числе научных знаний существенно расширилась, поэтому законодатель оценивает заключения эксперта по общим правилам оценки доказательств [11. С. 255].

С момента принятия закона, позволяющего не только назначать судебную экспертизу до возбужде-

ния уголовного дела, как это разрешалось ранее действовавшим с 2001 по июнь 2007 г. УПК РФ, но и производить экспертное исследование, прошло более трех лет. Однако следователи, дознаватели и эксперты к применению этого нововведения не все оказались готовы. Например, опросы и анкетирование сотрудников следственных подразделений и органов дознания, находившихся на курсах повышения квалификации в Восточно-Сибирском институте МВД России в 2016–2017 учебном году показали, что практика применения данной нормы как в разных регионах страны, так и в отдельных городских подразделениях Иркутской области не одинакова [12]. Так, в одних отделах полиции назначение и производство экспертиз до возбуждения уголовного дела осуществляется часто, в других в связи с различными обстоятельствами значительно реже. Ряд сотрудников используют такую возможность для оперативного получения заключения эксперта. Другие, в связи с тем, что в некоторых случаях при таких обстоятельствах существует обязательное требование прокуратуры о производстве повторной экспертизы, указывают на ее бесполезность и поэтому применяют крайне редко. Хотя, как верно указывает А.В. Варданян, «...принятие решения о назначении судебных экспертиз является прерогативой следователя» [13. С. 170].

Ходатайство о производстве повторной или дополнительной судебных экспертиз, вынесенное потерпевшим или стороной защиты в соответствии с п. 1 и 2. ст. 144 УПК РФ, подлежит удовлетворению. В том случае, если в зависимости от имеющихся обстоятельств назначение дополнительной экспертизы может быть признано целесообразным и без наличия подобных ходатайств, то необходимость повторного производства экспертизы явно сомнительна. Она в любом случае возвращает нас к дублированию исследования и к тем проблемам, касающимся применения методов экспертизы, которые изменяли первоначальные свойства объекта, представленного на исследование, т. е. к тому, от чего законодатель попытался уйти при устранении предварительного исследования, которое оформлялось справкой.

Однако при этом следственная и судебная практика свидетельствуют о достаточной успешности применения рассматриваемой нормы, несмотря на наличие попыток в апелляционном порядке обжаловать обоснованность решений, вынесенных судьями на основании того, что в основу приговора положены якобы «недопустимые доказательства, т. е. полученные с нарушением норм УПК РФ» (производство экспертизы до возбуждения уголовного дела).

Так, в представленной апелляционной жалобе защитник счел

приговор суда незаконным, так как «...экспертиза, проведенная экспертом ...по результатам исследования информационных носителей, явилась недопустимым доказательством, поскольку неотложные следственные действия, к каковым не относятся назначение и производство экспертизы, производятся только после возбуждения уголовного дела, чего сделано не было. Таким образом, начальник органа дознания был не вправе назначать данную экспертизу» [14].

Тем не менее по этой и иным аналогичным жалобам суды признают наличие законных оснований для назначения и производства экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Проблемой, влияющей на практику назначения судебных экспертиз и производства исследования экспертом до возбуждения уголовного дела, представляется негативное отношение сотрудников экспертных подразделений, которые объясняют такую возможность «работой на корзину», неоправданными тратами сил и средств.

Согласно ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – письменное изложение исследования с формулировкой выводов по вопросам, поставленным лицом, ведущим расследование. При производстве судебной экспертизы необходимо соблюдение определенной методики, описание всех производимых на различных стадиях исследования

действиях, которое должно сопровождаться фотоиллюстрациями, а исследование заканчивается подведением итогов с дальнейшим формированием основных выводов эксперта. Поэтому производство судебной экспертизы по сравнению с предварительным исследованием, производимым до возбуждения уголовного дела, требует большего времени. Предварительное исследование проводится оперативно и заканчивается краткими выводами специалиста. Кроме того, не по всем материалам, по которым были проведены судебные экспертизы, возбуждаются уголовные дела. Именно здесь, по мнению работников экспертных подразделений, производится много ненужной работы.

Еще одной часто упоминаемой причиной проведения на стадии возбуждения уголовного дела предварительного исследования, а не экспертизы является по сравнению с заключением эксперта упрощенный порядок и меньшие сроки получения справки специалиста, что представляется достаточно критичным для респондентов. Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела перед специалистом достаточно поставить несколько простых вопросов, на которые он может в сжатые сроки дать ответ, оформленный справкой. Ждать заключения эксперта часто приходится значительно дольше. Во многом это зависит от загруженности экспертов

на местах. Таким образом, данная причина носит отчасти субъективный характер.

Думается, указанная проблема может быть устранена. Поскольку основной целью экспертного исследования является получение основания для возбуждения уголовного дела, то для сокращения срока инициатору предлагается представлять минимальное количество объектов и ставить перед экспертом только те вопросы, ответы на которые будут служить достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Например, для возбуждения уголовного дела о незаконном обороте драгоценных металлов и драгоценных камней необходимо, прежде всего, ответить на вопрос о том, является ли обнаруженный металл (камень) драгоценным (для возбуждения уголовного дела законодатель требует также установить стоимость драгоценностей на сумму не менее 1,5 млн. рублей).

В случае положительного ответа возбуждается уголовное дело, в случае отрицательного – оформляется отказной материал [15. С. 65; 16. С. 205]. Аналогичный порядок действий характерен и при изъятии наркотических средств и психотропных веществ либо сильнодействующих ядов. Иные вопросы могут быть решены в ходе производства первоначальных или дополнительных экспертиз, назначаемых в соответствии со ст. 207 УПК РФ для разрешения новых вопросов, возни-

кающих в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела.

Тем не менее проведенное нами сравнение количества судебных экспертиз и предварительных исследований, в которых принимали участие сотрудники ЭКЦ ГУ МВД России и сотрудники ЭКЦ ГУ МВД России на транспорте, показало стабильный рост увеличения числа экспертиз по отношению к исследованиям с 2013 г.

Так, количество судебных экспертиз по отношению к 100 % проведенных исследований, в которых принимали участие сотрудники ЭКЦ ГУ МВД России, составило 125,47 % в 2012 г., 134,93 % в 2013 г., 157,96 % в 2014 г., 177,25 % в 2015 г. и 186,22 % в 2016 г. Аналогичная динамика наблюдается и в ЭКЦ ГУ МВД России на транспорте: 96,58 % в 2012 г., 102,52 % в 2013 г., 117,47 % в 2014 г., 127,39 % в 2015 г. и 141,64 % в 2016 г.

Можно заметить, что, если до принятия поправок 2013 г. экспертами на транспорте проводилось больше исследований, чем экспертиз, то в прошлом году количество проведенных экспертиз превысило количество исследований почти в полтора раза.

В заключение следует отметить, что, в части регламентации экспертной деятельности УПК РФ нуждается в доработке и комплексном редактировании, а также согласовании с иными нормативно-

правовыми актами, поскольку его фрагментарные изменения породили множество противоречий, количество которых продолжает множиться.

Так, с 2013 г. по настоящее время в УК РФ, несмотря на многочисленные замечания, норма об ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения так и не была внесена. При назначении и производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела возникает подобная ситуация. В соответствии со ст. 307 УК РФ уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта предусматривается только в случае его предоставления при производстве предварительного расследования, но не при проверке сообщения о совершенном преступлении. Не содержится в УПК РФ и запрет на разглашение данных такой проверки.

С учетом сказанного предлагаем доработать и включить указанные предложения в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ашуров В.К. Практика назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза. 2013. № 3 (35). С. 19–25.
2. Баев М.О. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) //

Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41–49.

3. Зайцева Е.А. Новая практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 63–69.

4. Кравцова С.В. Производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 152–153.

5. Синенко С.А. О новых правах потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела в связи с назначением и производством экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 67–70.

6. Тарасов А.А. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68). С. 125–127.

7. Варданян А.В., Мирзоян С.С. Общие положения судебной строительно-технической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 44–47.

8. Семенцов В.А. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 114–121.

9. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05. 2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013 № 317-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; Ст. 9.

10. Варданян А.В., Овсепян Г.М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производ-

ства // *Философия права*. 2015. № 1 (68). С. 67–70.

11. Данилова И.А. Процессуальные и тактические особенности использования специальных знаний (производство экспертизы и допрос эксперта) / И.А. Данилова, С.П. Кушниренко, Т.Г. Николаева // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2006. № 2 (30). С. 255–259.

12. По специально разработанной анкете было опрошено 154 сотрудника органов внутренних дел, находившихся на курсах повышения квалификации в Восточно-Сибирском институте МВД России за 2016–2017 учебный год.

13. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъек-

тами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2014. № 2-2. С. 168–172.

14. Апелляционное определение № 22-440/2016 от 19 января 2016 г. по делу № 22-440/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ЕНТ6Еfefl16x/> (дата обращения 01.03.2016).

15. Никонович С.Л. Особенности применения специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // *Вестник криминалистики*. 2011. № 4 (40). С. 65–71.

16. Никонович С.Л. Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: теория и практика расследования: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 280 с.

В.Ж. Дорохов, М.Н. Зинятова
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНОГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1922–1926 ГОДАХ
(К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ)

В 1917 г. Россия, приступившая к построению социалистического общества, привнесла принципы справедливости и равенства и в новую правоохранительную систему, создав самодеятельные отряды милиции. Но реальность заставила внести свои коррективы. За 1918–1920 гг. милиция из общественного формирования превратилась в дисциплинированную государственную структуру. На Дальнем Востоке данный процесс серьезно затянулся и становление рабочей-крестьянской милиции проходило в 1922–1926 гг.

Ключевые слова: народная милиция ДВР, Дальневосточная область – ДВО, Дальневосточный край – ДВК, Дальревком, рабоче-крестьянская милиция административный отдел.

V. Zh. Dorokhov, M. N. Zinatova
PROBLEMS OF REFORMING ORGANIZATION AND STAFF
OF FAR EAST WORKERS AND PEASANTS MILITIA IN 1922–1926
(DEDICATED TO 100TH ANNIVERSARY
OF THE SOVIET WORKERS AND PEASANTS MILITIA)

In 1917, Russia, building up a socialist society, introduced the principles of justice and equality to a new law enforcement system, creating amateur militia squads. But the reality made it own adjustments. During 1918–1920 the militia being public formation turned into a strictly disciplined state structure. In the Far East this reforming process was seriously delayed and the formation of workers and peasants militia took place in 1922–1926.

Keywords: people's militia of Far Eastern Republic, Far East Region – FER, FERС, workers and peasants militia, administrative department

Россия, имеющая более чем тысячелетнюю историю, являет собой необъятное поле для исследователя. Однако наибольший интерес всегда вызывали и будут вызывать ключевые, переломные моменты российской истории. Одним из таких этапов предстают перед нами революционные события 1917 г., приведшие к катастрофическим результатам как в социальной, так и экономической сфере. Важной составной частью происходившего стала реформа, а точнее крах правоохранительной системы страны. Попытка Временного правительства в наступившем хаосе выстроить новый правопорядок оказалась неудачной. Большевики относительно легко смогли подготовить и осуществить захват власти.

Первоначально новое временное¹, но уже «рабоче-крестьянское правительство», как и его предшественник, недостаточно серьезно отнеслось к вопросу создания регулярных органов правопорядка, решив переложить эту важную государственную задачу на плечи «сознательных» граждан. Так, 28 октября 1917 г. вышло весьма расплывчатое постановление НКВД «О рабочей милиции», предлагавшее территориальным советам рабочих и солдатских депутатов проявить деятельную инициативу по созданию вооруженных отрядов из числа пролетариата. В одних райо-

нах страны рабочую милицию создавали на добровольных началах, в других – на основе милицейской повинности. Вопросы вооружения и снабжения решались на местах индивидуально. Таким же образом определялся и круг задач, которые должно было решать рабочее ополчение (милиция).

Очень скоро практика работы самодеятельных отрядов милиции вынудила советское правительство вернуться в вопросе охраны правопорядка к созданию милиции на штатных основаниях. Официальное решение об этом было принято 13 октября 1918 г., когда НКВД и НКЮ РСФСР утвердили инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции (СРКМ). Именно с этой инструкции началось полноценное строительство государственных органов правопорядка.

На Дальнем Востоке, где в ходе гражданской войны было образовано «независимое» государственное образование – Дальневосточная республика (ДВР)², к созда-

¹ До созыва Учредительного собрания, намеченного на 28 ноября 1917 г.

² 6 апреля 1920 г. учредительный съезд Прибайкалья, проходивший в г. Верхнеудинске, принял «Декларацию об образовании Дальневосточной республики», п. 2 которой гласил «На территории Дальневосточной республики устанавливается демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей и гарантирующая всем классам общества демократические свободы, обеспечивающие мирное развитие общественных сил [2. С. 442].»

нию рабоче-крестьянской милиции приступили 14 ноября 1922 г., когда народное собрание ДВР постановило: «Просить ВЦИК и Съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской Социалистической Советской Республике, распространив на Дальний Восток действие Советской Конституции и советских законов» [5]. 15 ноября ВЦИК включил Дальний Восток в состав РСФСР как административную единицу – Дальневосточную область (ДВО)¹ с центром в г. Чите. 16 ноября Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о введении на территории ДВО декретов советского правительства, отменив все законы ДВР действовавшие до этого времени. В этот же день МВД ДВР было преобразовано в отдел управления Дальревкома (ДРК)², Управление государственной политической охраны – в Управление государственно-политического управления (УГПУ)³ под председательством Л. Н. Бельского,

¹ ДВО включило в свой состав Забайкальскую, Прибайкальскую, Амурскую, Приамурскую, Приморскую, Камчатскую губернии и Бурят-Монгольскую автономную область.

² В составе, которого было сформировано три подотдела (организационно-административный, коммунального хозяйства, управления милиции) и секретариат. Подотдел милиции делился на: административный, инструкторский, хозяйственно-учетный, уголовного розыска.

³ С образованием СССР в декабре 1922 г. УГПУ ДВО получило новое наименование – Полномочное представительство ОГПУ в ДВО – ПП ОГПУ ДВО.

а для руководства милицией 17 ноября было создано Управление рабоче-крестьянской милиции ДВО, начальником которого был назначен Е. В. Лебедев (он же заведующий подотделом Управления милиции).

Несмотря на то, что народная милиция ДВР строилась по образцу РКМ НКВД РСФСР, ее трансформация в советскую проходила достаточно долго. Началось с того, что вся милиция в новообразованных губерниях и уездах вошла в состав отделов управлений исполкомов на правах подотделов. Городская милиция создавалась только в городах с населением более 50 тыс. человек. Водная и горная милиции вошли в состав городских и уездных управлений РКМ в статусе особых участков. В конце 29 ноября 1922 г. при УРКМ ДВО был сформирован отдел уголовного розыска. На местах – губернские ОУР и уголовно-розыскные пункты общей штатной численностью в 208 человек.

Перестройка народной милиции в РКМ началась буквально с первых дней вхождения ДВР в состав РСФСР, однако штатная численность милиции ДВО была объявлена только 26 декабря 1922 г. Согласно штатному расписанию, утвержденному ДРК, с 1 января 1923 г. распределение сотрудников в УРКМ ДВО выглядело следующим образом: управление в Чите – 65 штатных единиц; управления губерний – 346; центральная милицейская школа комсостава – 80; управления милиции Читинской, Амурской и Уссурийской железной

дорог – 48 ед. (по 16 в каждом) и 646 ед. на 17 линейных отделений; управления городов – 166 ед. В Чите и Владивостоке по 31, а в Верхнеудинске, Благовещенске, Хабаровске и Никольск-Уссурийске по 26, управления уездов – 1494 сотрудника на 83 участка. Конная милиция Забайкальской, Прибайкальской и Амурской губерний – 132 ед. при 118 лошадях. При городском управлении Владивостока и Читы конные полуэскадроны по 62 ед. в каждом, в Никольск-Уссурийском – два взвода конной милиции в 22 ед. Всего же численность РКМ ДВО была определена в 4574 штатных единиц [9. С. 29].

Приняв данную численность за основу, ДРК, однако, тут же поставил перед руководством УРКМ ДВО задачу сократить штаты милиции до 3 тыс. человек, объясняя это ограниченностью финансовых средств, а также требованиями Декрета ВЦИК РСФСР от 23 ноября 1922 г. «О пересмотре и доукомплектовании личного состава милиции» [11]. Ставилась задача приблизить существующий штат к принятой норме путем чистки личного состава и сокращения штатов городских милиций, а охрану общественного порядка в городах частично компенсировать за счет организации самоохраны граждан. В итоге, если на 01.12.1922 г. УРКМ ДВО насчитывало 3700 человек, то к 01.01.1923 в милиции осталось лишь 3014 [1. С. 51]. И на этом останавливаться не собирались. В перспективе стоял вопрос об упразднении железнодо-

рожной и водной милиций, которые в РСФСР были ликвидированы согласно Декрету ВЦИК № 683 от 09.12.1921 «Об охране складов, пакгаузов и кладовых, а равно сооружений на железнодорожных и водных путях сообщения» [8]. В ДВО к этому приступили только в конце 1922 г., да и то частями. Так, 28 декабря было отдано распоряжение председателя ДРК о расформировании милиции Читинской железной дороги с передачей ее функций ГПУ, в апреле 1923 г. – Амурской железной дороги и всех подразделений водной милиции, а в мае 1924 г. – Уссурийской железной дороги [1. С. 52].

В мае 1923 г. в связи с образованием Бурят-Монгольской АССР из состава ДВО в новую республику была передана Бурят-Монгольская автономная область, соответственно, снизилась и численность личного состава дальневосточной милиции. Не успел Дальревком 15 июля утвердить новую штатную численность как ее пришлось вновь корректировать после принятия в августе 1923 г. ДРК решения об объединении губернских, уездных и городских управлений милиции в губернско-городские и уездно-городские, что снизило штат милиции еще на 534 человека, а число подразделений милиции с 175 до 129 [9. С. 30].

Пока на Дальнем Востоке старались привести свои милицейские подразделения к общероссийскому образцу, НКВД РСФСР активировал новый этап реформы органов правопорядка, приняв в августе

1923 г. решение об объединении ранее самостоятельных ГУ РКМ, ЦУ УР и административного отдела в единое Центральное административное управление (ЦАУ) НКВД РСФСР в составе трех отделов (административного, милиции, уголовного розыска) и секретариата.

Хронически не поспевая за нововведениями центра, ДРК добился отсрочки в создании единых административных управлений и отделов на один год. При этом в противовес взятому в НКВД курсу на объединение ДРК ДВО издал приказ № 125 о выделении из РКМ уголовного розыска в самостоятельное управление, а через месяц приказ о формировании в отделе управления ДРК соответствующего подотдела уголовного розыска. При этом уголовному розыску отводилась ведущая роль, что было закреплено в особом циркуляре № 29 от 29 сентября 1923 г.: «...рабоче-крестьянская милиция, являясь помощником... должна точно выполнять предписания (уголовного розыска. – *авт.*), не выходя из строго очерченных рамок своей деятельности, чтобы вместо помощи не оказаться помехой» [12. С. 43–44].

На этом преобразования милиции ДВО не закончились. В сентябре–октябре 1923 г. в ходе очередного изменения административно-территориального деления ДВО были упразднены Приамурская и Прибайкальская губернии. Приамурская губерния вошла в состав Приморской, а Прибайкальская была разделена между Забайкальской

губернией (меньшая часть) и Бурят-Монгольской АССР (большая часть). Соответствующие изменения произошли и в структуре и численности РКМ.

Перекраивание административных границ подтолкнуло ДРК к решению давно назревшего вопроса о переносе столицы региона из Читы в Хабаровск. Коммуникационная удаленность административного центра от основных субъектов власти давно уже не устраивала руководство ДВО, но принять решение о переносе центра без согласования с высшим руководством было невозможно. Удобный случай решить этот вопрос возник летом 1923 г., когда на Дальний Восток прибыл председатель ЦИК и ВЦИК СССР М.И. Калинин, который не только благословил местное руководство, но и принял шаги по обеспечению этого решения общественной поддержкой, дав интервью газете «Дальневосточный путь»: «Хабаровск как центр Дальнего Востока я нахожу более удобным и более ярко показывающим состояние Дальнего Востока и отвечающим его интересам. В то же время Хабаровск вполне отвечает пограничному значению дальневосточной окраины СССР» [4].

Все правовые вопросы были решены уже к началу декабря 1923 г.¹ Первыми переезжали сотрудники Дальбюро ЦК РКП(б) и

¹ Решение ДРК и Дальбюро ЦК РКП(б) о переносе административного центра советского Дальнего Востока из Читы в Хабаровск было утверждено ВЦИК и ЦК РКП(б) СССР.

РКСМ, канцелярии Дальревкома, редакция областной газеты «Дальневосточный путь», архив и партийная школа. Во вторую очередь – штаб армии, ПП ОГПУ по ДВО и милиция. К маю – июню 1924 г. основные структуры управления ДВО разместились в Хабаровске, вернувшем себе историческое право быть главным административным центром Дальнего Востока. С переездом сменился и руководящий состав. Председателем Дальревкома ДВО был назначен Я. Б. Гамарник, а начальником милиции – Н. С. Тяжелов.

После переезда процесс приведения организационной структуры дальневосточной милиции в соответствие с общероссийской существенно ускорился. Однако при этом Дальревком продолжал экспериментировать. Так, с одной стороны, в марте 1924 г. отдел управления ДРК ввел в действие обязательство (присягу) для поступающих в ряды РКМ, утвержденную УРКМ НКВД РСФСР еще 20.03.1922, а также, выполняя приказ ЦАУ НКВД РСФСР от 20.11.1923, объединил милицию и УР в одно управление [3. С. 51]. С другой – в марте 1924 г. вместо того, чтобы упразднить действовавшую здесь еще со времен республики конно-горную милицию, как не соответствующую штатному расписанию РСФСР, утвердил положение о ней (только осенью 1925 г. ее преобразуют в ведомственную милицию) [9. С. 32].

Продолжая свою линию, в августе 1924 г. Дальбюро ЦК РКП(б) и ДРК издают постановление «О реорганизации органов рабоче-

крестьянской милиции и уголовного розыска Дальневосточной области» в инспекцию РКМ и УР ДВО.

Наконец 17 сентября 1924 г. Пленум ДРК принял решение о приведении милиции к общероссийским стандартам – о реорганизации губернских отделов управления в административные отделы губернских исполкомов¹ (в РСФСР к этому приступили еще в 1923 г.) с общим подотделом, подотделом РКМ² и подотделом УР.

Согласно новой расстановке теперь всеми губернскими административными отделами должна была управлять из Хабаровска инспекция РКМ и УР ДВО, входящая в административный подотдел ДРК³. В январе 1925 г. и без того сложная управленческая схема была вновь скорректирована. Теперь инспекция была поделена на две независимые – инспекция РКМ ДВО и инспекция УР ДВО⁴, при этом начальник ИУР ДВО

¹ Как следствие принятия ВЦИК СНК РСФСР 11.08.1924 г. положения «Об административном отделе губернских и областных исполнительных комитетов» [6].

² Подотдел РКМ включал в себя строевую часть, службу милиции и адресный стол.

³ В уездных исполкомах адмотделов не создавали, вся работа сосредоточивалась в уездно-городских УРКМ и ОУР.

⁴ ИУР ДВО подчинялись: 3 подотдела УР Забайкальского, Амурского и Приморского губернских административных отделов; 7 уездных отделений УР в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Николаевскена-Амуре, Спасске, Свободном, Нерчинске, Сретенске; 3 уголовно-розыскных стола в Зее, Бочкареве и Латинском Амурской губернии. Весь аппарат угро состоял из 187 человек и обслуживал территорию в 1 671 234 кв. км.

подотчетен начальнику ИРКМ ДВО, так как тот является еще и заведующим административным подотделом ДРК. В губернских административных отделах продолжали функционировать подотделы милиции и уголовного розыска.

После передачи северного Сахалина Японией СССР 15 мая 1925 г.¹ территория ДВО существенно увеличилась. Соответственно возросла и численность административного аппарата ДВО. По штатам на Сахалинскую губернию полагалось 55 сотрудников милиции, однако к концу 1925 г. реально имелось лишь 29 человек [7].

Завершение длительного этапа организационно-штатной трансформации органов милиции Дальнего Востока оказалось увязано с реорганизацией административно-территориального деления страны из губерний и уездов в края, области, округа и районы. Начали с самых удаленных территорий. Так, согласно постановлению Президиума ВЦИК от 4 января 1926 г. Дальневосточная область преобразовывалась в Дальневосточный край (ДВК).

ДВК с центром в г. Хабаровске вместо ранее существовавших 4

губерний² включил в себя 9 округов: Владивостокский (центр – г. Владивосток), Хабаровский (Хабаровск), Николаевский (Николаевск-на-Амуре), Амурский (Благовещенск), Зейский (Рухлово), Читинский (Чита), Сретенский (Сретинск), Камчатский (Петропавловск-Камчатский), Сахалинский (Александров).

Произошли изменения и в системе управления. В марте 1926 г. Дальревком (ДРК) трансформировался в Дальневосточный краевой совет депутатов – Далькрайисполком, а отдел управления ДРК – в краевой административный отдел (руководивший милицией, уголовным розыском, ЗАГС, инспекцией мест заключения). В подчинении отдела находилось 9 окружных и 75 районных адмотделов с общей численностью 1639 человек [1. С. 80].

Благодаря состоявшейся административно-территориальной реформе, ДВК не просто завершил унификацию организационно-структурного построения органов правопорядка, но неожиданно для себя превратился из вечно догоняющего региона в ведущий. И такое положение дел сохранилось до 1928 г., когда административно-территориальные и структурные изменения не были осуществлены в остальных регионах СССР.

В завершение следует отметить, что достаточно долгий процесс

¹ С 1920 г. северный Сахалин находился под японской оккупацией. В начале 1925 г. в Пекине была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, согласно которой территория переходила в юрисдикцию СССР, при условии, что на 40–50 лет 50 % нефтяных и угольных месторождений оставались за японскими компаниями.

² Амурской, Забайкальской, Камчатской и Приморской (включая северный Сахалин).

унификации структурного построения рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока с общероссийскими образцами, протекавший с 1922 по 1926 г., во многом объяснялся сложностями, связанными с приведением местной законодательной базы (действовавшей со времен ДВР) в соответствие с законами РСФСР, вопросами экономического характера, а также социально-политическими проблемами, возникшими на Дальнем Востоке вследствие советизации громадного региона. Только по данным за январь–сентябрь 1924 г. в ДВО насчитывалось 40 банд уголовного характера и 32 политического [10. С. 218]. На все это наслаивались и сепаратистские тенденции. В июне 1924 г. в Нелькане состоялся съезд аяно-нельканских, охотских, аркинских и маймаканских тунгусов, который принял решение отделиться от РСФСР в самостоятельное государство. Было даже создано временное тунгусское национальное правительство, начато государственное строительство и даже сформированы правительственные повстанческие отряды. Предпринятая руководством ДВО попытка решить вопрос политическими мерами успеха не имела, поэтому в июне 1925 г. на север края была направлена охото-аянская экспедиция в составе отрядов Красной армии, подразделений ПП ОГПУ и милиции. Однако обстановку в Охотском уезде удалось стабилизировать лишь к августу 1925 г. в ре-

зультате переговоров с представителями тунгусских родов и объявления амнистии участникам восстания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Берляков А.А., Шеронов В.С. Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917–1926 гг.). Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1985. 96 с.
2. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток: Примиздат, 1955. 831 с.
3. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917–1925 гг.): учебное пособие. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1989. 90 с.
4. Дальневосточный путь. 1923. 19 авг.
5. Известия. 1922. № 263. 21 нояб.
6. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2123.htm (дата обращения 23.06.2017).
7. УМВД России по Сахалинской области. URL: gumvd/history/istori (дата обращения 23.06.2017).
8. Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/47019> (дата обращения 23.06.2017).
9. Худяков П.П., Швец А.В. Становление и развитие организационно-правовых основ и структуры аппарата милиции Приамурья (1917–1982 гг.): учебное пособие. Благовещенск: Изд-во Благовещ. филиала Дальневосточ. ин-та МВД России, 2008. 208 с.
10. Худяков П.П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е годы. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2002. 240 с.
11. СУ РСФСР. 1922. № 78. С. 982.
12. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930 гг.): исторический опыт организации и деятельности: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2002. 475 с.

И.А. Минникес, Е.В. Пирмаев

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ

В статье исследуется проблема эффективности судебного толкования в контексте более глобальной проблемы – проблемы эффективности права. Анализируются условия и критерии эффективности, обращается внимание на недопущение смешения этих понятий. Дан обзор существующих исследований, посвященных эффективности толкования права в целом и судебному толкованию, в частности. Предложены авторские критерии эффективности судебного толкования.

Ключевые слова: эффективность права, условия эффективности, критерии эффективности, толкование права, судебное толкование

I.A. Minnikes, E.V. Pirmaev

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF COURT INTERPRETATION

The article examines the issue of effectiveness of court interpretation in the context of the more global problem – the problem of efficiency of law. Conditions and criteria of efficiency, with attention to preventing confusion, are analyzed. The overview of existing research on the effectiveness of interpretation of law in general and court interpretation in particular is given. The authors' criteria of efficiency of court interpretation are proposed.

Key words: efficiency of law, conditions of effectiveness, performance criteria, interpretation of law, court interpretation

Проблема эффективности судебного толкования является частью более глобальной юридической проблемы – эффективности права.

Авторы настоящей статьи уже обращались ранее к данной проблематике [7; 10], однако ряд аспектов темы требуют дальнейшего исследования.

В советской юридической литературе к понятию эффективности права сформировалось несколько подходов. Авторы коллективной монографии «Эффективность правовых норм» опреде-

ляли ее как соотношение между фактическим результатом действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы приняты [21. С. 22].

Группа ленинградских ученых, не разделяя эту точку зрения, полагали, что эффективность служит лишь определенным количественным показателем, выражением, отражающим степень соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретном акте [20. С. 31–39].

С.С. Алексеев отмечал, что эффективность права охватывает ряд моментов: фактическую эффективность, обоснованность и целесообразность, полезность и экономичность. Все эти показатели, по его мнению, призваны выразить эффективность (оптимальность) права в целом, точнее данной правовой системы, достижения того социального эффекта, на который рассчитывал законодатель [1. С. 196].

Как представляется, названные подходы к пониманию эффективности правовой нормы являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Столь сложный по содержанию и по форме правовой феномен как эффективность правовой нормы может быть рассмотрен с самых различных позиций.

Данные показатели эффективности в совокупности можно принять за отправную точку для исследования проблем эффективности всех правовых явлений.

Многие авторы при исследовании проблем эффективности права ставят на первое место цель, которую преследовал законодатель, принимая ту или иную норму. Так, В.И. Никитинский считал, что цели правовых норм – эталон оценки их эффективности [9. С. 78]. В.Ф. Прозоров относит цели к общим предпосылкам эффективности правового регулиро-

вания [12. С. 114]. А.А. Макарец вообще рассматривает целеполагание норм права как часть концепции закона [6. С. 81].

Безусловно, цель играет большую роль при оценке эффективности правовой нормы. Но вместе с тем нельзя переоценивать значение какого-то отдельного показателя в ущерб другим. Следует согласиться с Ю.Х. Калмыковым, который считал, что «оценки понятия эффективности права имеют условное значение. Во многих случаях не средства достижения цели, ни время обычно не имеют определяющего значения, ибо здесь речь идет не об эффективности производства или трудовых затрат, а об эффективности права, о результативности, оптимальности того или иного правового предписания» [2. С. 19].

Ф.Н. Фаткуллин также полагал, что нельзя связывать прямую цель и результат с эффективностью права. Он подчеркивал, что «юридические нормы могут содержать указание на свою социальную цель, но и в таком случае последняя, как идеально намеченное состояние реального объекта, находится вне их собственного содержания. Цель всегда направляет, результат достигается. Они оба никогда не становятся внутренним свойством самих правовых норм. И уже по этой причине эффективность не может рассмат-

риваться одновременно в качестве и свойства правовых норм, и отношения их цели и результата» [17. С. 318].

В современных правовых исследованиях наметились несколько иные подходы.

Представляют большой интерес разработанные В.М. Сырых основы теории и методики изучения эффективности норм права. Автор, сформулировав понятие, виды, условия и критерии эффективности, предлагает методику составления прогнозов эффективности норм права [16. С. 263–282].

Т.В. Кашанина рассматривает эффективность как требование к содержанию нормативных актов (содержательное правило) [3, С. 161–162].

С.И. Пунченко ставит вопрос шире, исследуя социальную эффективность права в современной России. По его мнению, эффективность права неотъемлемо включает социальную составляющую, различные формы социального выражения и не может полно оцениваться вне своего социального контекста. Важными критериями социальной эффективности автор считает снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе, соответствие действующего законодательства социальным потребностям, предоставление и результативная защита правом возможно-

сти личностного выбора социального положения и защищенность личности, в том числе и юридическая [13, С. 10–12].

Общетеоретический подход к эффективности права получил развитие в отраслевых юридических исследованиях.

Так, В.А. Юсупов, анализируя правоприменительную деятельность органов управления, совершенно обоснованно отмечает, что на эффективность применения права оказывают влияние экономические, социальные, юридические и организационные условия [22, С. 120–124]. Думается, что все эти условия оказывают влияние не только на правоприменительную деятельность, но и на эффективность права в целом.

Д.М. Чечот, исследуя проблемы эффективности норм гражданского процессуального права и способы ее выявления, писал: «В силу тесной связи материального и процессуального права эффективность последнего в значительной степени усиливает эффективность тех норм материального права, которые применяются в ходе осуществления правосудия... Норма процессуального права сама по себе может быть эффективной, но если в ходе процесса применяется неэффективная норма материального права, общий положительный результат не может быть достигнут» [18. С. 496–497].

Из сказанного можно сделать вывод, что эффективность одной нормы не обеспечивает эффективности правового регулирования в целом. Эффективность права – это системное понятие.

Кроме того, необходимо обратить внимание еще на один принципиальный момент – эффективность права и эффективность закона (законодательства) понятия близкие, но не тождественные. Эффективность права зависит главным образом от содержания правовой нормы. А эффективность закона, помимо содержания, зависит еще и от элементов юридической техники. Имеется в виду насколько точно содержание нормы права отражено в тексте нормативного акта. Не случайно С.В. Поленина, исследуя эффективность законодательства, прежде всего говорит о качестве закона [11. С. 5].

Все названные характеристики и условия эффективности права являются универсальными и в той или иной мере относятся и к эффективности толкования права, в том числе и судебного толкования.

Однако толкование права как самостоятельный правовой феномен имеет характерные особенности, которые влияют и на его эффективность. Проблема эффективности толкования права в целом в российской юридической науке еще не исследовалась. Однако эффективность отдельных видов толкования уже была пред-

метом научного анализа. Так, Г.Н. Надеждин в своей диссертации исследовал эффективность доктринального толкования норм права [8. С. 149–181]. Я.Н. Колоколов применительно к аутентическому толкованию норм права рассмотрел его сущность и критерии эффективности, дефекты аутентического толкования норм права и даже проблему смертной казни в призме аутентического толкования Конституционного суда Российской Федерации [4. С. 78–105].

В некоторых работах вопрос об эффективности толкования ставился более узко. Например, А.Л. Скрыбин, анализируя эффективность актов официального юридического толкования, помимо понятия эффективности интерпретационных актов и целей издания актов официального юридического толкования, поставил ряд практически значимых вопросов. К ним следует отнести результаты действия актов официального юридического толкования, основные способы измерения эффективности актов официального юридического толкования и обеспечение эффективности актов официального юридического толкования [14].

Предпринималась попытка исследования эффективности отдельных методов толкования. Так, Т.Д. Шабанова и О.Л. Зайцева обращались к вопросу об эффектив-

ности метода семантического толкования [19. С. 115–118].

Проблемой эффективности актов судебного толкования в аспекте правовой политики занималась В.В. Кошелева [5].

А.С. Смбалян, анализируя решения органов международного правосудия в системе международного публичного права, предлагает свои критерии эффективности органов международного правосудия [15. С. 61].

Данные направления исследования представляются очень перспективными, в том числе и в контексте судебного толкования.

Как с теоретической, так и практической точки зрения главное здесь установить критерии эффективности. Следует согласиться с теми авторами, которые четко разграничивают условия и критерии эффективности правовых норм [21. С. 164–177]. Один из сторонников данной точки зрения Ф.Н. Фаткуллин обращал внимание на то, что если условия эффективности представляют собой обстоятельства, от которых зависит мера и реализация способности правовых норм оказать благотворное воздействие на общественные отношения в заданном направлении, то критерии есть мерило оценки проявления такой способности во внешнем мире, т. е. на основе чего производится суждение непосредственно о самой эффективности этих норм, о ее достигнутой степени.

Под критериями (показателями) эффективности правовых норм он понимал те объективные фактические данные и их соотношения, которые характеризуют реальные последствия, имевшие место в объекте воздействия этих норм, и связанные с их функционированием издержки. При таком подходе критериями эффективности норм права могут служить:

– во-первых, конкретные сведения об исходном состоянии, в котором находился объект ее воздействия (прежде всего регулируемое общественное отношение) к моменту введения в действие или изменения этой нормы;

– во-вторых, конкретные сведения о тех положительных результатах в заданном направлении, которые произошли в объекте воздействия вследствие целенаправленного влияния за анализируемый период времени;

– в-третьих, конкретные сведения о «целевом» состоянии того же объекта воздействия, намеченном законодателем;

– в-четвертых, конкретные сведения об издержках функционирования данной правовой нормы [17. С. 329–331].

Предлагаемые критерии, безусловно, применимы для определения (измерения) эффективности правовой нормы. Но, говоря о критериях эффективности толкования, подход, думается, должен быть иной. Конечно, такие показатели, как положительный ре-

зультат и сведения об издержках должны иметь место, но главными являются не они.

Прежде чем говорить о критериях эффективности судебного толкования, необходимо определиться с его понятием. По нашему мнению, судебное толкование – интеллектуальная деятельность, осуществляемая судом, направленная на уяснение и разъяснение истинного смысла правового предписания, результатом которой является судебное решение.

Исходя из определения, видятся следующие критерии эффективности судебного толкования:

1) однозначность толкования – данное судом толкование не вызывает сомнения в истинности толкования;

2) устойчивость толкования – данное толкование оставлено в силе судами вышестоящих инстанций, принятое на основе этого толкования судебное решение не отменено;

3) применимость толкования – данное толкование используется другими судами при разрешении подобных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981.

2. Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.

3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2007.

4. Колоколов Я.Н. Аутентическое толкование норм права: поиск новых парадигм. М.: Юрлитинформ, 2010.

5. Кошелева В.В. Эффективность актов судебного толкования как направление правовой политики // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы: материалы науч. конф. 22–23 июня 2000 г. Тольятти: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 109–112.

6. Макарецев А.А. Институционально-правовая эффективность норм российского избирательного права: от цели к результату. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

7. Минникес И.А., Пирмаев Е.В. Судебное толкование: основные теоретические характеристики // Академический юридический журнал. 2016. № 3 (65). С. 13–20.

8. Надеждин Г.Н. Доктринальное толкование норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

9. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971.

10. Пирмаев Е.В. Актуальные вопросы судебного толкования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. Иркутск, 2016. С. 54–58.

11. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993.

12. Прозоров В.Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. М.: Юрид. лит., 1991.

13. Пунченко С.И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

14. Скрябин А.Л. Эффективность актов официального юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Армавир, 2005.

15. Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012.

16. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: логика правового исследования (как написать диссертацию). В 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2004.

17. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987.

18. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изда-

тельский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.

19. Шабанова Т.Д., Зайцева О.Л. К вопросу об эффективности метода семантического толкования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 115–118.

20. Эффективность действия правовых норм / отв. ред. А.С. Пашков. Л.: ЛГУ, 1977.

21. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрядцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980.

22. Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. М.: Юрид. лит., 1979.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СОДЕРЖАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

М.Г. Баринова, Е.Г. Зуева

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ
ЗДОРОВЬЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ**

В статье рассматриваются теоретические основы и экспериментальные данные изучения стрессоустойчивости работников правоохранительных органов, проводится сравнительный анализ типов нервной системы и психологических особенностей.

Ключевые слова: клиническая психология, психология, стрессоустойчивость, сотрудники правоохранительных органов, тип нервной системы.

M.G. Barinova, E.G. Zueva

**PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF PRESERVING THE HEALTH
OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS ON THE EXAMPLE
OF RESEARCH OF STRESS-RESISTANCE**

The article deals with the theoretical foundations and the experimental data studying stress-resistance of law enforcement officers, a comparative analysis of the types of the nervous system and psychological characteristics is conducted.

Keywords: clinical psychology, psychology, stress-resistance, law enforcement officers, type of nervous system.

В современных условиях трудовая деятельность множества людей связана с экстремальными физическими и психологическими нагрузками. Результативность такой профессиональной деятельности зависит не только от профессиональных знаний, умений, навыков, но и в том числе от стрессоустойчивости – способности адекватно реагировать в любой ситуации. Служба в правоохранительных органах подразумевает ежедневное напряжение и самоотдачу, особую дисциплину,

повышенную социальную и моральную ответственность и, как следствие, высокую степень риска потери здоровья. В медицинской литературе сообщается о высокой распространенности среди сотрудников органов внутренних дел психосоматических заболеваний, связанных со стрессом. Для сохранения здоровья и качественного осуществления профессиональной деятельности при регулярных стрессовых нагрузках большую роль играет стрессоустойчивость [1. С. 23].

Стрессоустойчивость личности – это умение преодолевать трудности, подавлять свои эмоции, проявляя выдержку и такт. Стрессоустойчивость определяется совокупностью личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки, обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья [7. С. 22]. Для профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в целом характерны высокие моральные, психологические и физические нагрузки [3. С. 76], поэтому важной особенностью стрессоустойчивости является возможность не только переносить значительные нагрузки, но и увеличивать эффективность деятельности при таких нагрузках.

Исследование стрессоустойчивости построено на выявлении и определении физиологических и психологических факторов в период стресса. В результате выявляются психофизиологические, физиологические, интеллектуальные и личностные особенности человека [2. С. 4]. Основоположником изучения стресса считается Ганс Селье (1907–1982), который выделил три стадии и два вида стресса – дистресс и эустресс.

Также можно выделить физиологический, связанный с реальным раздражителем, и психологический стресс. Психологический стресс возникает в связи с оценкой ситуации как угрожающей и делится на эмоциональный и информационный [6].

Служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с постоянным эмоциональным и информационным стрессом, так как им приходится работать в напряженных условиях с определенным ограничением времени. В таких условиях от сотрудников правоохранительных органов требуется незамедлительное реагирование на многообразные внешние, порой противоречивые воздействия и высокая личная ответственность за принятие решений [4]. В связи с этим актуальным является исследование стрессоустойчивости сотрудников органов внутренних дел.

При рассмотрении стрессоустойчивости с позиции нейродинамических характеристик человека необходимо определить силу нервной системы человека [8. С. 8]. Нами было проведено исследование 165 сотрудников ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В данной выборке средний возраст женщин ($M \pm m$) $34,128 \pm 0,768$, min-24, max-47; мужчин $34,776 \pm 0,433$, min-20, max-51. Стаж службы представ-

ленной выборки в среднем составил 13,08 лет, при этом минимальный стаж отмечался у мужчин – один год, у женщин – 2 года, и максимальный также у мужчин – 28 лет, у женщин – 24 года. По уровню экстремальности в деятельности (профессионального стресса) нами были выделены следующие группы, обозначенные цифрами, необходимыми для статистической обработки:

0 – низкий уровень (УРЛС, эксперты);

1 – средний уровень (дежурная часть, участковые уполномоченные полиции, уголовный розыск, сотрудники ППС и т. п.);

2 – высокий уровень экстремальности в деятельности (ОМОН, ЦГЗ, СОБР).

Из представленной выборки выяснилось, что у сотрудников-женщин уровень экстремальности в деятельности низкий и средний (0,45 в среднем), не представлены женщины, служащие в подразделениях высокого риска, тогда как у мужчин больше представлен средний уровень – 80 человек – 63,5 % (1,16 в среднем), экстремальный характер деятельности встречается у 18 мужчин – 14,3 %, спокойная работа в выборке у 13 мужчин – 10,3 % и у 21 женщины – 53,85 %.

С различными ситуациями угрозы жизни в деятельности сталкивались 36 % сотрудников,

из них – 6 женщин (15 %) и 53 мужчины (42 %).

В комплекс методик, с помощью которых изучались психофизиологические параметры и личностно-типологические особенности сотрудников ОВД, были включены:

1) опросник структуры личности и темперамента Р. Клонинджера;

2) методика «Семантический дифференциал времени»;

3) тест руки «Hand-test»;

4) методика определения силы нервной системы (теппинг-тест) [3].

Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Использовались специализированные пакеты прикладных программ «Excel 2013» и «IBM SPSS Statistics 22.0», обеспечивающие вычисление одномерных статистик, корреляционный и сравнительный анализ. Была проведена проверка на наличие нормального распределения данной выборки по критерию Колмогорова-Смирнова ($p \geq 0,05$).

В ходе исследования выявлены значимые связи показателей стрессоустойчивости с личностными характеристиками сотрудников ОВД (особенностями темперамента и характера) по методике Клонинджера. Наиболее ве-

роятно возникновение стресса у сотрудников, обладающих следующими качествами и паттернами поведения: ответственностью за свои установки и поведение, прагматичным рационализмом, чувством негативизма, высокой социальной активностью.

Кроме того, возникновение стресса взаимосвязано с актуальным психологическим состоянием. Наиболее часто стресс возникает у сотрудников с плохим самочувствием, напряжением, связанным с большими затратами энергии, чувством высокой значимости настоящего времени.

Известна связь стрессоустойчивости с силой нервной системы. Утверждается, что лица, обладающие сильной нервной системой, лучше справляются со стрессовыми ситуациями по сравнению с лицами со слабой нервной системой.

Нами использовалась классификация типов нервной системы, предложенная Е.П. Ильиным. Исследование силы нервной системы сотрудников ОВД проводилось с помощью теппинг-теста.

Исследование показало, что у сотрудников ОВД преобладает средний (36,9 %) и средне-слабый (41,25 %) тип нервной системы. У 20 % сотрудников слабый тип нервной системы, и лишь у 2,5 % сотрудников – сильный тип нервной системы. Лица со слабой и

сильной нервной системой используют разные психофизиологические механизмы для достижения похожих результатов.

В результате исследования выяснилось, что среди сотрудников ОВД значимо преобладают мужчины с сильной и средней нервной системой (59 %).

При сравнении мужчин с сильной и средне-слабой нервной системой (по Ильину) выявлены значимые отличия. Мужчины с сильной нервной системой ощущают себя сопричастными и ответственными за все происходящее в мире; не склонны к открытому агрессивному поведению; в будущем прогнозируют внутреннюю свободу, положительные переживания, удовлетворение актуальных потребностей, возможность самореализации; воспринимают окружающий мир как относительно стабильный и безопасный; демонстрируют высокую интеллектуальную и эмоциональную вовлеченность в события прошлого.

В ходе исследования были выявлены значимые психофизиологические и личностные различия между сотрудниками подразделений органов внутренних дел, отличающихся по степени подверженности стрессовой нагрузке. Оказалось, что сотрудники подразделений с более высокой стрессовой нагрузкой не боятся опасности; не зависимы от мнения

окружающих, склонны к принятию ответственности; привыкли рассчитывать только на себя, не склонны к аутоагрессии, но в то же время испытывают неуверенность в завтрашнем дне. Возможно, данная неуверенность связана с переходом некоторых подразделений с высокой стрессовой нагрузкой из МВД в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации.

Таким образом, для сохранения здоровья работников правоохранительных органов необходимо выбирать подразделение в соответствии с уровнем стрессоустойчивости и типом нервной системы. Стрессоустойчивость является важной составляющей профессиональной деятельности сотрудников ОВД и влияет как на психическое, так и на физическое состояние человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баринаева М.Г. Клиническая психология: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. 76 с.

2. Величковский Б.Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Б.Б. Величковский. М.: Академический проект, 2007. 28 с.

3. Зуева Е.Г., Жидкова О.А., Елесина И.Г. Психологическая подготовка сотрудников полиции: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. 136 с.

4. Ильин Е.П. Психомоторная организация человека. СПб.: Питер, 2003. 384 с.

5. Мухитова Э.И., Фролова Э.Б. Состояние здоровья сотрудников МВД в период проведения Универсиады // Вестник современной клинической медицины. 2014. Т. 1. С. 127–129.

6. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 128 с.

7. Усатов И.А. Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 21–25. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46005.htm>. (Дата обращения 12.06.2017).

8. Церковский А.Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестник Витебского государственного университета. 2011. № 1. Т. 10. С. 6–19.

Т. С. Каримова, О. Л. Подлиняев
**К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
НА ОСНОВЕ ЛИЧНОСТНО-ЦЕНТРИРОВАННОГО ПОДХОДА**

В статье рассматриваются личностные и профессионально важные качества сотрудника ОВД: автономность, интернальный локус контроля, способность к выстраиванию поведения на основе копинг-стратегии. Приведены результаты эмпирического исследования сформированности названных качеств у курсантов старших курсов института МВД. В рамках научной дискуссии анализируется возможность построения образовательного процесса в образовательных организациях системы МВД на основе личностно-центрированного подхода.

Ключевые слова: личностно-центрированный подход, профессионально важные качества сотрудников ОВД, автономность, интернальный локус контроля, копинг-поведение.

T. S. Karimova, O. L. Podlinyaev
**THE PROBLEM OF THE CONSTRUCTION OF THE EDUCATIONAL
PROCESS IN THE HIGHER
ESTABLISHMENTS OF THE MINISTRY FOR INTERNAL AFFAIRS
ON THE PERSON-CENTERED-APPROACH BASIS**

The article considers important personal and professional qualities of a law enforcement official: autonomy, internal locus of control, ability for the formation of the behaviour on the basis of the coping-strategy. The results of the empirical investigation of the abilities of the senior course cadets of the institute of the Ministry of Internal Affairs are reported. The article gives the analyses of the results of the investigation which showed that the general internality, autonomy and seeking self-actualisation of most cadets are on the low level due to the authoritative ideology of the educational process. The possibility of the construction of the educational process on the basis of the person-centered-approach is discussed in the paper.

Keywords: person-centered-approach, internal locus of control, coping-behaviour, professional qualities of a law enforcement official.

Эффективное решение профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел во многом зависит от развитости таких психологических качеств их личности, как автономность, интернальный локус контроля и способность к реализации копинг-поведения.

В концепции самоактуализации личности А. Маслоу [2, 3] автономность рассматривается как способность человека опираться в своих видах деятельности на себя, обеспечивая необходимый уровень самостоятельности, независимости и ответственной свободы. Рассматривая автономность в контексте специфики профессиональной деятельности сотрудника ОВД, можно утверждать, что именно это качество позволяет самостоятельно принимать оперативные (иногда мгновенные) решения без каких-либо внешних распоряжений или команд «сверху». В профессии сотрудников правоохранительных органов нередко ситуации, когда раздумывать некогда, команду отдать некому, при этом от принятого решения может зависеть как собственная жизнь, так и жизнь других людей.

Интернальный локус контроля – характеристика, во многом определяющая профессиональную компетентность сотрудника органов внутренних дел. В модели личности Дж. Роттера [7. С. 35–82] интернальный локус контроля присущ людям, убеждённым в том, что их поведение, успехи или неудачи и в

целом жизнотворчество является результатом их собственных действий. В отличие от людей с выраженным экстернальным локусом контроля представители интернального типа считают себя авторами собственной судьбы, способными управлять происходящими событиями и полагаться на самих себя в любых жизненных ситуациях, включая экстремальные. У людей с интернальным локусом в большей степени развито чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям и, как следствие, им свойственен более высокий уровень стрессоустойчивости, что также является профессионально важным качеством для сотрудника ОВД.

Копинг-поведение (от англ. to cope – преодолевать) можно рассматривать как феномен, непосредственно взаимосвязанный с интернальным локусом контроля. В своих работах Р. Лазарус [10] определяет копинг как осознанно выстраиваемое человеком активное поведение, направленное на преодоление трудностей, проблемных и стрессовых ситуаций: «Преодолевающее поведение – это сознательно регулируемое социальное поведение, позволяющее человеку справиться с трудной жизненной ситуацией при помощи поведенческих паттернов, наиболее соответствующих его собственным индивидуально-психологическим и личностным возможностям» [10. С. 201]. Копинг-

поведение позволяет не только преодолевать различного рода стрессоры, жизненные и профессиональные трудности, но и способствует предотвращению синдрома выгорания (в том числе в профессиональной сфере), поддерживает позитивную Я-концепцию человека.

Несомненно, что вышеназванные психологические качества сотрудников ОВД не могут сформироваться спонтанно, они должны целенаправленно развиваться в процессе профессиональной подготовки в системе высшего образования.

В то же время не является «служебной тайной» тот факт, что учебно-воспитательный процесс образовательных организаций МВД (как и иных военизированных вузов) в значительной степени выстраивается на авторитарной идеологии. Для образовательного и коммуникативного пространства названных организаций традиционны субординационные отношения, выраженный прескриптивно-командный стиль педагогического взаимодействия, преимущественно внешнее оценивание учебных, социальных и иных успехов или неудач курсантов.

Зачастую в качестве «образовательных императивов» перед курсантами (будущими сотрудниками ОВД) выдвигаются требования пассивного подчинения, беспрекословного исполнения приказов и распоряжений со стороны преподавателей и командиров. К неформальным, но

культивируемым приоритетам в пространстве военизированных образовательных организаций относятся: нормативность (соответствие заданной норме, стандарту), управляемость (дисциплинированность, исполнительность) и гомогенность (однородность, одинаковость), что в конечном итоге ведёт к появлению у курсантов таких негативных личностных качеств, как нерешительность, неуверенность в собственных силах и способностях, несамостоятельность, безынициативность, отсутствие стремления к индивидуальному самовыражению, творчеству и т. д.

Естественно, что в подобных условиях такие личностные и профессионально важные качества (ПВК), как автономность, интернальный локус контроля и способность к копинг-поведению не получают соответствующего развития. Эти же условия не способствуют становлению чувства собственного достоинства, самоуважения, позитивной Я-концепции.

Возникает явное противоречие между необходимостью развития названных ПВК у будущих сотрудников ОВД и существующей традиционной практикой высшего образования в системе МВД. Это противоречие не только не способствует, но и в значительной степени препятствует становлению значимых компетенций, обеспечивающих адекватный уровень готовности выпускников образовательных органи-

заций системы МВД к эффективно-му исполнению своих служебных обязанностей.

Диагностические исследования, осуществлённые нами среди курсантов Восточно-Сибирского института МВД РФ, в целом подтверждают наличие вышеназванных проблем. Так, к выборке из 94 курсантов старших курсов был предложен тест-опросник уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера, определяющий интернальность/экстернальность и измеряющий индивидуальные особенности субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями. Тест выявил низкий уровень общей интернальности у 71,27 % респондентов. По таким шкалам теста УСК, как «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач» и «интернальность в области межличностных отношений» низкий уровень был обнаружен у 76,6 % курсантов.

Параллельно с изучением локуса контроля (на той же выборке респондентов) было осуществлено исследование уровня самоактуализации личности с помощью вопросника POI (Personal Orientation Inventory), разработанного Э. Шостромом на основе концепции А. Маслоу и валидизированного для специфических особенностей российского менталитета А. В. Лазукиным под названием «САМОАЛ» (самоактуализация личности) [3. С. 283–300].

С помощью теста САМОАЛ уровень самоактуализации «низкий» и «ниже среднего» был выявлен у 67,02 % респондентов, причём по таким шкалам, как «автономность» (уровень личностной самостоятельности) и «контактность» (способность к установлению диалогических взаимоотношений с окружающими на личностном и на профессиональном уровнях) низкие уровни обнаружались у 75,53 % старшекурсников.

Таким образом, проведённые исследования подтвердили наличие парадоксальной ситуации, сложившейся в учебно-воспитательном пространстве образовательной организации МВД: с одной стороны, образовательная организация должна готовить профессионалов, отличающихся высокой степенью автономности, психофизической и стрессовой устойчивости, способных к самостоятельному и быстрому принятию ответственных решений при выполнении оперативных задач, коммуникативных и уверенных в себе людей, умеющих выстраивать своё поведение и профессиональную деятельность на основе копинг-стратегий; с другой стороны, идеология авторитарности, специфичная для учебно-воспитательного процесса военизированных образовательных организаций, не позволяет развиваться этим качествам, а нередко и исключает саму возможность их становления.

Очевидно, что наступает время модернизации учебно-воспитательных традиций образовательных организаций системы МВД, поиска новых идеологических и теоретико-методологических подходов к построению образовательного процесса.

В этом контексте особый научно-практический интерес, по нашему мнению, вызывает личностно-центрированный подход (ЛЦП), в фундаментальной основе которого лежат труды отечественных и зарубежных учёных: философов Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и других; педагогов Дж. Дьюи, П. Ф. Каптерева, А. С. Нилла, К. Д. Ушинского, С. Френе и других; психологов П. П. Блонского, А. Маслоу, К. Р. Роджерса, С. Л. Рубинштейна и др.

Личность с позиции ЛЦП является центром собственного становления, в котором заключены смыслообразующие источники существования, ресурсы и механизмы конструктивной личностной динамики. Человек наделен возможностями, позволяющими ему за счёт самоуправляемого поведения преодолеть большинство стрессоров и негативных воздействий со стороны социума.

Основными задачами ЛЦП следует считать: оказание помощи человеку в личностном саморазвитии, в поиске и реализации сущностных смыслов; способствование в обретении возможностей жизненных выборов и ответственности за эти выборы; содействие в решении

проблем отношений как с миром внешним, так и с миром внутренним. По словам В. Франкла, «Как только список категорий ценностей пополняется ценностями отношений, становится очевидным, что человеческое существование по сути своей никогда не может быть бессмысленным» [9. С. 267].

В рамках научной дискуссии мы выдвигаем предположение о том, что построение образовательного процесса в образовательной организации системы МВД на основе ЛЦП позволило бы с наибольшей степенью эффективности обеспечить становление у курсантов ключевых личностно-профессиональных качеств. Автономность и интернальность, внешне проявляющиеся в решительности, инициативности, социальной ответственности и позволяющие сотруднику ОВД успешно «принимать командование на себя», если этого потребует ситуация, являются приоритетными целями и ценностями именно в пространстве личностно-центрированной педагогики.

Способность к копинг-поведению во многом зависит от такой психологической характеристики человека, как личностная мощь (термин «Power personality» введён в психологию К. Роджерсом [5]). Данное качество в меньшей степени может быть «продуктом» авторитарной педагогики, но более успешно развивается в образовательном пространстве, построенном на основе ЛЦП.

Безусловно, что переход образования в военизированных образовательных организациях на личностно-центрированный подход не может быть осуществлен немедленно, с помощью приказов или каких-либо «одномоментных» реформ. Этот процесс может быть начат только конкретными участниками учебно-воспитательного процесса (как курсантами, так и преподавателями), ориентированными на такие ценности, как творческая активность, конструктивный личностный рост, самоактуализация человека. Здесь необходимы как теоретико-методологические, так и научно-практические исследования, касающиеся целесообразности и самой возможности смены образовательной парадигмы в системе военизированных образовательных организациях.

Бесспорно, такой процесс труден, он требует не только изменения содержательных и процессуальных компонентов образования, но и изменения психолого-педагогического мировоззрения, способов мышления и взаимоотношений. Не случайно К. Р. Роджерс свою последнюю монографию, посвященную проблеме обучения на принципах, исключающих авторитаризм в педагогике, завершил вопросом, «...который мы должны задать индивидуально и все вместе: осмелимся ли мы?» [5. С. 307].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Каримов А. А., Подлиняев О. Л. Психологическая поддержка обучающихся

в образовательном процессе вуза // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: материалы первой всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск: ИрГУПС, 2016. С. 433–438.

2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.

3. Маслоу А. Психология бытия / пер. с англ. М.: Рефлбук, Киев: Ваклер, 1997. 304 с.

4. Подлиняев О. Л., Каримова Т. С. Экзистенциальный подход и возможности использования его положений в образовательном пространстве вуза правоохранительного профиля // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. № 2 (77). С. 112–119.

5. Роджерс К. Р. Клиентоцентрированная терапия / пер. с англ. М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 1997. 320 с.

6. Роджерс К. Р. Свобода учиться / К. Р. Роджерс, Д. Фрейберг. М.: Смысл, 2002. 527 с.

7. Салливан Г., Роттер Дж., Мишел У. Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности / пер. с англ. М.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 35–82.

8. Трущенко М. Н. Проблема совладающего поведения в психологической литературе // Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 13–16.

9. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

10. Lazarus R.S., Kanner A.D., Folkman S. Emotions: a cognitive phenomenological analysis // Emotion. Theory, Research and Experience. V.1. N.Y., 1980. P. 185–217.

Е.П. Ищенко

О НАСУЩНЫХ ПРОБЛЕМАХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье предпринят краткий анализ насущных проблем, затрудняющих раскрытие и расследование совершаемых в стране тяжких преступлений: качественные изменения российской преступности, которая постепенно становится все более организованной и транснациональной; низкий профессиональный уровень следователей и дознавателей; нестабильность действующего законодательства; дальнейшая компьютеризация всех сфер жизнедеятельности российского общества, проникновение Интернета в самые отдаленные уголки страны и связанные с этим новые информационные технологии, используемые в противоправных целях; очень широкое распространение мобильной телефонной связи и др. Внесены некоторые предложения по разрешению этих проблем.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность; качество расследования, следователь, Интернет, новые информационные технологии; мобильная телефонная связь; отслеживание и документирование преступной деятельности в киберпространстве; «электронный обыск».

E.P. Ishchenko

ON THE PRESENT PROBLEMS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

The article takes a brief analysis of pressing problems that hamper the disclosure and investigation of serious crimes committed in the country: qualitative changes in Russian crime, which are gradually becoming more organized and transnational; low professional level of investigators; instability of the current legislation; further computerization of all spheres of life of Russian society, penetration of the Internet to the most remote corners of the country and related new information technologies used for illegal purposes; very widespread use of mobile telephony, etc. Some suggestions have been made to resolve these problems.

Key words: transnational organized crime; quality of investigation, investigator, Internet, new information technologies; mobile phone communication; tracking and documenting criminal activities in cyberspace; "Electronic search".

В последние годы в Российской Федерации имеет место не только увеличение количества совершаемых тяжких преступлений и ухудшение их раскрываемости, но и качественные, сущностные изменения преступности, в первую очередь это повышение степени организованности, опасности и жестокости посягательств, усиление вооруженности и технической оснащенности отечественного криминалитета, активное использование в противоправных целях профессиональных

знаний специалистов, хорошо разбирающихся в новых информационных технологиях и цифровой экономике, дальнейшая консолидация преступных формирований на межрегиональном и международном уровнях, активный обмен криминальным опытом и др.

Давно перестали считаться чрезвычайными происшествиями террористические акты и заказные убийства, крупный наркобизнес, а также преступления в финансовой сфере: многомиллионные взятки и хищения, в которых замешаны высокопоставленные государственные чиновники, хотя о борьбе с коррупцией говорится довольно много, но мало что делается.

В Стратегии национальной безопасности РФ абсолютно правильно сказано об открытой конкуренции преступного мира и государства, подчеркивается, что обеспечению национальной безопасности и повышению качества жизни российских граждан будут способствовать снижение уровня организованной преступности, активное противодействие преступным формированиям и сообществам, прогнозируется дальнейшее возрастание угроз, связанных с различными формами транснациональной организованной преступности.

И в литературе справедливо указывается, что в настоящее время государственная политика, направленная на борьбу с преступностью в стране, не отвечает состоянию и

тенденциям развития последней. Тенденции современной российской организованной преступности столь неблагоприятны, что вполне правомерно говорить о том, что она создает реальную угрозу национальной безопасности РФ [1. С. 29].

Уточним, что под транснациональной организованной преступной деятельностью понимается «осуществление преступными организациями незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран» [2. С. 31–32].

Транснациональная преступность характеризуется большим разнообразием своих проявлений, имеет стратегической целью не только гарантированное удовлетворение корыстных интересов и стабильное получение финансовой прибыли. Она старается влиять на политические, социальные и экономические процессы, происходящие в российском обществе, действуя незаконными или полужакоными

методами, активно использует различия в законодательстве разных государств.

Однако вопреки всему главный отличительный признак проводимой в стране судебной реформы состоит в том, что законодатель либерализацию общественных отношений проводит не только путем смягчения санкций уголовного закона, но и путем расширения прав участников процесса на стороне защиты с одновременным ограничением (либо существенным усложнением порядка реализации) полномочий правоохранительных органов – стороны обвинения. Следствием такой уголовной политики выступает разрозненность и противоречивость отдельных норм и целых институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что не может не сказаться на качестве деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, основная тяжесть которой ложится на органы внутренних дел.

Качество предварительного расследования совершаемых в стране миллионов преступлений зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Наиболее важными из них представляются: количество и уровень профессионализма (криминалистическая сложность) расследуемых преступлений; количественный и профессиональный состав следственного и дознавательского аппарата страны; уровень оперативно-розыскной деятельности; уголовно-процессуальные условия, в которых работают следователи, до-

знаватели и оперативные сотрудники, обуславливающие их субъективное отношение к выполнению профессионального долга по поддержанию в России законности и правопорядка; технико-криминалистическое обеспечение предварительного расследования и др. [3].

Качественно расследовать любое преступление может лишь следователь, способный грамотно, профессионально организовать этот процесс, который по сложным уголовным делам вполне можно отнести к творческим. Качественный состав следственного корпуса страны уже подробно обсуждался [4]. За прошедшие годы ничего к лучшему не изменилось. Общая же ситуация такова: уровень профессионализма преступников постепенно повышается, в то время как профессиональный уровень следователей, дознавателей, оперативных сотрудников в лучшем случае перестал снижаться.

В этой связи не могу не напомнить, что следователи, работающие в системе МВД России, это на 52 % молодые женщины. Третья часть следователей не имеют высшего юридического образования, работают по специальности до трех лет. Об уровне профессионализма дознавательских кадров и упоминать не хочется. А ведь они тоже раскрывают и расследуют целый ряд преступных составов. Даже у юридически очень грамотного, многоопытного следователя современная законодательная «чересполосица» не может не вызвать оторопь. Чего же ждать от основной массы

следователей? Отнюдь неспроста текучесть следственных кадров доходит до 10 % в год.

Определяя изменения преступности, произошедшие за последнее десятилетие, нужно заострить внимание на основных, тесно взаимосвязанных между собой опасных тенденциях. Во-первых, следует назвать изменение преступных мотивов, которые в абсолютном большинстве случаев стали корыстными. Во-вторых, совершение преступлений становится бизнесом, а в условиях глобализации, открытости общества и «прозрачности» межгосударственных границ – бизнесом международным и трансграничным, сориентированным на быстрое получение сверхдоходов. Потому правоохранительным органам все чаще приходится иметь дело со сложно и хорошо организованными криминальными «предприятиями», объединяющими десятки, а то и сотни функционеров, в том числе опытейших адвокатов. Еще одной характерной чертой современной преступности является высокая техническая оснащенность российского криминалитета.

Последняя представляется следствием не только «импорта» преступных технологий из-за рубежа (вместе с техническими новинками и услугами), но и вооружения «традиционной» преступности современными техническими средствами и технологиями. Не только в обществе в целом, но и в преступной среде наибольшие изменения вызваны распространением обще-

доступных коммуникационных технологий, в особенности таких, как Интернет и мобильная связь, которая, как известно из кибернетики, является необходимым условием любой организации.

Размышления о сущности Интернета позволяют заключить, что его необходимо рассматривать как некий глобальный феномен, оказывающий мощное влияние на характер и структуру современной преступности. В качестве такового он обладает целым рядом специфических свойств, научный анализ которых позволит глубже понять криминалистические проблемы раскрытия и расследования сетевых и связанных с использованием ИТ-технологий преступлений.

Это очень актуально, поскольку, представители общеуголовной преступности первыми осознали те преимущества, которые им предоставляет Интернет (различные виды мошенничества, распространение детской порнографии, реализация запрещенных товаров и услуг и т. д.). Не отстали от них и представители хакерского сообщества, занявшиеся взломами зарубежных и отечественных серверов, хищениями конфиденциальной информации, блокированием работы сетевых объектов и другими атаками на закрытые сайты.

Интернет, как известно, «стирает» границы и исключает «территориальность», ибо человек, сидящий за компьютером в одной стране, имеет практически неограниченные возможности по противо-

правному воздействию на компьютеры, находящиеся в других государствах.

В этой связи нельзя не отметить, что новые информационные технологии усложнили не только следовую картину содеянного и такие понятия, как место и время совершения преступлений, но и круг предметов и документов – судебных доказательств [5]. Появилась особая группа доказательств со свойственной им электронной спецификой. Исключительно важным становится использование в качестве судебных доказательств электронных документов, элементов интернет-порталов, цифровых объектов – виртуальных машин и торрент-трекеров. И во всех этих виртуальных феноменах следователи должны очень хорошо, профессионально разбираться [6]. Нужно ли уточнять, что таких следователей в следственном корпусе страны считанные единицы?

Выявление, фиксация, расшифровка электронных следов, в массовом порядке остающихся в виртуальном пространстве, будет способствовать раскрытию и расследованию самых различных преступлений, становящихся в последнее время все более изощренными и опасными, даст в руки следствия современные судебные доказательства.

Появление около 20 лет назад средств мобильной телефонной связи и ее последующее очень широкое распространение среди всех слоев населения существенно повлияло и

на организованную преступность, и на методы работы правоохранительных органов. Мобильный телефон вследствие своего удобства и общедоступности сразу же был взят на вооружение криминальными группировками всех направлений.

Понимая, что схема телефонных соединений точно отражает структуру преступного формирования, а сами переговоры позволяют раскрыть содержание криминальной деятельности, правоохранительные органы не могли не воспользоваться этой уникальной возможностью. В результате современная система борьбы с организованной преступностью стоит на трех «китах»: прослушивании телефонных переговоров, анализе добытой информации и судебно-фоноскопической экспертизе [7].

Современный мобильный телефон (смартфон) становится все более похожим на миникомпьютер. Поэтому уже в ближайшем будущем возникнут проблемы, связанные с «освоением» преступным сообществом целого ряда новых интернет-технологий. Уже сейчас правонарушители взамен привычной телефонной связи, все активнее пользуются ICQ (централизованная служба мгновенного обмена сообщениями через Интернет) и Skype, что лишает органы правопорядка многих наработанных позиций.

И тем не менее прослушиванию телефонных переговоров, накоплению и анализу криминалистически значимой информации пока нет альтернативы, ибо только

этим способом можно распознать за группой вроде бы отдельных преступлений хорошо замаскированную, скоординированную и профессионально отлаженную криминальную деятельность организованных преступных формирований. Значение судебно-фоноскопической экспертизы трудно переоценить, поскольку она почти единственный метод «бесконтактной» идентификации личности, проверки и закрепления оперативных материалов, легализованных следственным путем.

В оперативно-розыскной деятельности традиционные сыскные технологии в последние годы заметно уступили место таким оперативно-техническим мероприятиям, как использование систем технических средств для обеспечения результативности специальных оперативно-розыскных мероприятий, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, использование средств пеленгации, анализ телефонного трафика, в том числе предусматривающий привязку к базовым станциям, обращение к автоматизированным информационным ресурсам и др. Появилось новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации», обобщенный опыт реализации которого будет иметь положительное влияние на раскрытие и расследование киберпреступлений [8].

Задача использования в раскрытии и расследовании преступлений информации, перехваченной оперативно-техническими метода-

ми, потребовала усиленного развития судебных экспертиз. Так, для обнаружения и изъятия информации, содержащейся в изымаемых у преступников мобильных телефонах и прочих электронных устройствах, активно совершенствуются средства и методики компьютерно-технической экспертизы. Получение и анализ информации о телефонных соединениях прочно вошли в следственную практику, став «стандартным», отработанным приемом в работе следователей, в особенности после того, как в УПК РФ появилась ст. 186-1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Пожалуй, самой насущной проблемой, стоящей сегодня на пути активного применения в раскрытии и расследовании преступлений современных информационных технологий, стало отсутствие в следственных органах специальных подразделений, ответственных за эту работу. Множественность ресурсов, условий доступа, технологий обработки и анализа информации указывают на высокую сложность самостоятельного использования их следователями.

Давно назрела необходимость создания специальных аналитических отделов при следственных подразделениях для обслуживания собственных информационных ресурсов, обеспечения доступа к ним и использования накапливаемых сведений, осуществления квалифицированного информационного по-

иска и технологически сложного анализа информации при помощи специального программного обеспечения. Существенную помощь эти подразделения могли бы оказать и в работе по нераскрытым преступлениям прошлых лет, массив которых становится с каждым годом все больше.

Компьютеризация следственной деятельности ставит на повестку дня решение проблем компьютерного планирования работы следователя, выдвижения и проверки версий, разработки алгоритмов производства следственных действий, компьютеризированных методик расследования. На этом направлении видится и решение проблемы наполнения криминалистической характеристики расследования практически полезным содержанием за счет компьютерного анализа репрезентативных массивов уголовных дел нужной категории для установления ее основных структурных элементов и определения корреляционных связей между ними, специфичных для разных регионов страны.

Решению задачи документирования преступной деятельности на стадии оперативной разработки могло бы помочь использование специального программного обеспечения, позволяющего получать негласный доступ к информации и управлению отдельными устройствами на компьютерах злоумышленников. Такая программа используется полицией ФРГ для раскрытия и расследования наиболее опасных

преступлений. Будучи аналогичной по своей природе вирусу «троянский конь», программа распространяется через Интернет и, «поразив» нужный компьютер, позволяет следить за активностью его пользователя в интернет-браузерах, программах связи типа Skype, электронной почте и чатах, другими словами, обеспечивает производство «электронного обыска». Программа может делать скриншоты (снимки экрана), которые в германских судах принимаются в качестве веских доказательств преступной деятельности.

Помимо прослушивания разговоров и слежки за перепиской на компьютере, снабженном такой программой, можно дистанционно включить микрофон или веб-камеру. Таким образом, полиция способна прослушать и увидеть то, что происходит в помещении, где находится компьютер. Кроме того, программа позволяет фиксировать все, что печатается на клавиатуре, и даже просматривать файлы на жестком диске.

Полученные данные, включая записи, сделанные с помощью микрофона и видеокамеры, могут быть сохранены на служебном компьютере, с которого была загружена программа типа «троянский конь». Разработка аналога такой программы и его использование в деле борьбы с компьютеризированной преступностью позволило бы существенно упростить раскрытие и расследование многих преступлений, а также обеспечить суд уникальной

возможностью воочию увидеть преступников «за работой».

Полученная с компьютеров правонарушителей информация в ходе расследования может быть перепроверена целым комплексом экспертных исследований. Так, файлы, скриншоты, аудио- и видеозаписи могут быть изучены на предмет аутентичности и возможности создания на исследуемом компьютере путем проведения компьютерно-технической экспертизы. Изображения лиц можно предъявить для опознания, а также подвергнуть криминалистической портретной экспертизе; голоса и речь фигурантов – фоноскопической экспертизе и т. д.

Вопрос о применении данной технологии для осуществления «электронного обыска» в рамках оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с телефонных каналов связи» не лишен дискуссионности. Однако нельзя отрицать, что с распространением широко доступных интернет-технологий общественная жизнь во всех ее проявлениях получила новое, виртуальное измерение.

В интересах обеспечения общественной безопасности правоохранительные органы страны обязаны своевременно «осваивать» это новое информационное пространство, а ученые-криминалисты и теоретики ОРД проводить в этом направлении активные научные изыскания. Совместные усилия практиков и теоретиков позволят сократить разрыв между преступ-

ным и законным использованием в Интернете современных информационных технологий, будут способствовать повышению качества раскрытия и расследования преступлений.

В этой связи потребуется совершенствование законодательства о защите законных интересов пользователей, дополнение Закона об оперативно-розыскной деятельности, издание необходимых подзаконных актов, детально регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве. На пути применения подобных технологий в нашей стране нет непреодолимых препятствий, поскольку практика борьбы с организованной и технически хорошо вооруженной преступностью требует адекватного ответа на ее вызовы законности и правопорядку.

Развитие современных информационных технологий остановить или запретить нельзя. Поэтому российские правоохранительные органы и ученые-криминалисты должны, учитывая нарабатанный зарубежный опыт, заранее прогнозировать «побочные эффекты» от внедрения новых компьютерных технологий, готовиться к их появлению по всем актуальным направлениям борьбы с преступностью, в особенности организованной [9].

В этой связи нельзя не подержать точку зрения, согласно которой необходимо глобально переосмыслить некоторые аспекты доктрины прав и свобод человека и гражданина. «Необходимо перейти

от доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине приоритета обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, т.е. обеспечения прав большинства населения, всего Российского государства, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека. Только такой подход, реализованный на законодательном уровне и повсеместно внедренный в правоохранительную практику, позволит добиться позитивных сдвигов в сфере борьбы с преступностью» [1. С. 33].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мельниченко А.Б. Противодействие преступности – важное направление реализации уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики: материалы II междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2011. Т. 2.
2. Транснациональная организованная преступность и Россия: монография / кол. авт; науч. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010.
3. Ищенко Е.П. К вопросу о качестве предварительного расследования // Воронежские криминалистические чтения: Федеральный научно-практический журнал. 2017. № 2 (19). С. 63–71.
4. Ищенко Е.П. Следственный аппарат в России: современное состояние и проблемы преодоления негативных тенденций // Академический юридический журнал. 2009. № 2 (36). С. 37–43.
5. См. подробнее: Кушниренко С.П. Пространственно-временная категория в структуре преступлений в сфере высоких информационных технологий // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 541–546; Электронные носители информации в криминалистике: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 127–234.
6. Иванов Н.А. Экспертиза электронных документов и машинограмм. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 8–135; Агибалов В.Ю., Мещеряков В.А. Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Вып. 14. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2012. С. 15–24.
7. Ищенко П.П. Преступные сообщества (преступные организации) в сфере незаконного оборота наркотиков: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 189–233.
8. Фойгель Е.И., Проценко А.Г. К вопросу о проблемах практической реализации нового оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» при раскрытии и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: научный журнал. Иркутск, 2016. Вып. 6 (14) С. 73–82.
9. Ищенко Е.П. Новое законодательство и результаты правоприменительной практики // О криминалистике и не только: избранные труды. М.: Проспект, 2016. С. 206–217.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Антонов Владимир Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

2. **Баринаева Марина Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Санкт-Петербургского университета МВД России

3. **Бражников Дмитрий Анатольевич**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

4. **Булыжкин Александр Викторович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

5. **Валеев Азамат Халилович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

6. **Варданян Акоп Вараздатович**, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

7. **Васюков Виталий Федорович**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

8. **Виноградова Варсеник Артуровна**, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

9. **Гончарова Мария Витальевна**, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

10. **Дорохов Вячеслав Жоржович**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

11. **Зинятова Марина Николаевна**, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

12. **Зуева Евгения Геннадьевна**, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Санкт-Петербургского университета МВД России

13. **Ищенко Евгений Петрович** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

14. **Каримова Татьяна Сергеевна**, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи Восточно-Сибирского института МВД России

15. **Минникес Илья Анисимович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

16. **Николюк Вячеслав Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

17. **Никонович Сергей Леонидович**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Липецкого института права и экономики

18. **Пархоменко Дмитрий Александрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

19. **Пирмаев Евгений Владимирович**, Верховный суд Республики Бурятия, судья в отставке

20. **Плясов Константин Анатольевич**, кандидат юридических наук, доцент, начальник Ростовского юридического института МВД России

21. **Подлиняев Олег Леонидович**, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

22. **Репецкая Анна Леонидовна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

23. **Степанова Вероника Георгиевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

24. **Трубкина Ольга Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

25. **Халиулин Александр Германович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводств Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

26. **Числов Александр Иванович**, доктор юридических наук, профессор, член Общественной палаты Российской Федерации

27. **Шаевич Антон Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

ABOUT THE AUTHORS

1. **Antonov Vladimir Aleksandrovich**, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

2. **Barinova Marina Gennadjevna**, Candidate of Psychology, Associate Professor of General Psychology, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

3. **Brazhnikov Dmitrii Anatoljevich**, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Chief of Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

4. **Bulyzhkin Alexander Viktorovich**, Candidate of Law, Associate professor, The chief of department of criminalistics and preliminary investigation in Department of Internal Affairs of the Oryol legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of V.V. Lukyanov

5. **Valeev Azamat Khalilevich**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Criminalistics Department, Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

6. **Vardanyan Akop Varazdatovich**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Criminalistics and Operational-Search Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

7. **Vasyukov Vitaliy Fedorovich**, Candidate of Law, the senior teacher of department of criminalistics and preliminary investigation in Department of Internal Affairs of the Oryol legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of V.V. Lukyanov

8. **Vinogradova Varsenick Arturovna**, Candidate of Law, Instructor of Criminal Proceedings Department of Orel Law Institute of the Interior of Russia

9. **Goncharova Maria Vitaljevna**, Doctor of Law, Associate Professor, Chief Scientific Officer of Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

10. **Dorohov Vjacheslav Zhorzhovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of socio-humanitarian and economic disciplines, Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

11. **Zinatova Marina Nikolaevna**, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

12. **Zueva Evgenya Gennadievna**, candidate of psychological sciences, senior lecturer of the Department of General Psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

13. **Ishenko Evgenii Petrovich**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of Russia, Head of the Department of Criminalistics of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

14. **Karimova Tatyana Sergeevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Foreign Languages and Culture of Speech Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

15. **Minnikes Ilja Anisimovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Institute (branch) of Russian State Justice University

16. **Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University

17. **Nikonovich Sergei Leonidovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Lipetsk Institute of Law and Economy

18. **Parhomenko Dmitrii Aleksandrovich**, Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (branch) of Russian State Justice University
Pirmaev Evgenii Vladimirovich, Supreme Court of the Burjat Republic, Judge Emeritus

19. **Pirmaev Evgenii Vladimirovich**, The Supreme Court of the Republic of Buryatia, the judge in resignation

20. **Plyasov Konstantin Anatolievich**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia

21. **Podlinyatv Oleg Leonidovich**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Special Tactics and Weapon Training Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

22. **Repetskaya Anna Leonidovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Lawyer of RF

23. **Stepanova Veronicka Georgievna**, Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure Department

24. **Trubkina Olga Viktorovna**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

25. **Khaliulin Alexandr Germanovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Public Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in the Operational-Investigative Activity and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office

26. **Chislov Alexandr Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Member of the Public Chamber of the Russian Federation

27. **Shaevich Anton Alexandrovich**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminalistics Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегиям не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформ-

ляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – десять страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc

Шрифт: Times New Roman (Cyr)

Размер шрифта: 14 кегль

Междустрочный интервал: 1,5

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) – концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных

скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2. С. 46]).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 или ГОСТ Р 7.0.5-2008 (обязательно с указанием издающей организации/издательства и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи после её названия автор должен указать: свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, Института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не более 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи).

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (82) 2017

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110